ОЧЕРКИ,

ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

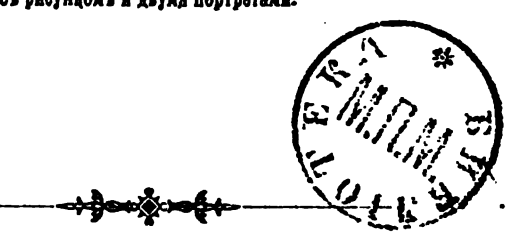
ПО

ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

II.

Съ рисункомъ и двумя портретами.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

1895.

Содержание.

1. Генеалогическій самообманъ.

Въ «Крестномъ календарѣ» на настоящій годъ напечатанъ некрологъ его основателя А. А. Гатцука, при чемъ составитель некролога, находя «не неумѣстнымъ» сказать нѣсколько словъ о родѣ умершаго, говоритъ слѣдующее: «*по документамъ* фамилія Гацуковъ извѣстна съ 1634 г., когда одинъ изъ членовъ ея, Яковъ Гацукъ, значится служившимъ въ золотой хоругви войска польскаго и благородный домъ его, изъ предковъ, гербомъ Пеликана, дѣти своею грудью питающаго, въ червленомъ полѣ, защищался и печатался въ гербарѣ брацлавскаго воеводства»; что затѣмъ «по выходѣ Якова Гацука изъ того воеводства въ Заднѣпровье, въ г. Конотопъ, на благопріобрѣтенную дворянскую осѣдлость, служилъ онъ воинско, въ знатномъ чинѣ»; что «онъ же, или его сынъ, тоже Яковъ, въ 1705 г., жалованъ, за отличную противъ прочихъ службу, на собственное его имя (?), золотою медалью императоромъ Петромъ 1-мъ»; что «изъ жившихъ позднѣе членовъ этой фамиліи, Стефанъ Гацукъ былъ въ 1736 г. полковникомъ нѣжинскаго козачьяго полка, подъ Азовомъ»... Смѣемъ увѣрить неизвѣстнаго составителя некролога, что въ приведенномъ имъ «родословіи» Гацуковъ — *нѣтъ правды ни слова*. Всѣ эти свѣдѣнія о происхожденіи Гацуковъ и о службѣ ихъ въ XVII и XVIII вв., представляютъ собою *сочиненіе* конца XVIII в., когда малорусская козачья старшина стремилась попасть въ тѣ дворянскіе списки, которые были установлены дворянскою грамотою. Съ помощью «гербаровъ» Окольскаго (Orbis polonus etc.) или Папроцкаго (Herby rycerstwa polsk.), для этого сочинялись «родословія» — съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, смотря по умѣлости автора такого родословія — сблизить напр. потомковъ какого нибудь *Троця* (Трофима) съ воеводствомъ *Троцкимъ*... Однимъ

изъ сочинителей такихъ родословій былъ и извѣстный Гр. Андр. Полетика, который будучи хорошо знакомъ съ исторіей Польши, беззатруднительно выводилъ изъ послѣдней предковъ тѣхъ или другихъ своихъ кліентовъ... Неизвѣстный сочинитель родословія Гацуковъ написалъ послѣднее, несправляясь, какъ видно, ни съ какими источниками, а лишь освѣдомившись изъ «гербара» (Окольскаго) о существованіи брацлавскаго воеводства и герба Пеликана. Затѣмъ, зная отъ потомковъ, что первый извѣстный имъ Гацукъ звался Яковомъ, сочинитель родословія помѣщаетъ этого Якова сначала на службу въ какую то, невѣдомую ему, «золотую хоругвь», а потомъ переводитъ его съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и поселяетъ въ Конотопѣ,—гдѣ жили Гацуки въ концѣ XVIII в.,—и поселяетъ его тутъ—«на благопріобрѣтенную дворянскую осѣдлость», а чтобъ эта *дворянская* осѣдлость была вѣроподобнѣе, то добавляетъ, что этотъ Яковъ («или сынъ его») будто бы былъ пожалованъ Петромъ Великимъ «за отличную службу, золотою медалью»... Всѣ эти факты выдуманы «отъ руки» и разсчитаны на полное невѣжество тогдашнихъ читателей «родословій»... Никакихъ и никогда не давалъ Петръ Великій медалей малорусскимъ (да и великорусскимъ, кажется) служилымъ людямъ, даже и самыхъ высшихъ ранговъ. (Былъ данъ имъ, портретъ, разъ только, гадяцкому полковнику Милорадовичу). Далѣе сочинитель также «отъ руки» выдумываетъ нѣжинскаго полковника изъ Гацуковъ и службу его подъ Азовомъ... Никакой Гацукъ въ XVIII в. не былъ не только нѣжинскимъ, но и никакимъ полковникомъ, да и подъ Азовъ малороссійскіе козаки въ XVIII в. тоже не ходили...

Сочиненность приведеннаго родословія вполнѣ подтверждается и письменными свѣдѣніями о конотопскихъ Гацукахъ. Въ спискѣ «товариства коннаго и пѣшаго» конотопской сотни за 1711 г. (*напечатанъ*) изъ Гацуковъ значится одна только—«удова Яковиха Гацучка». Эта форма имени указываетъ, что Яковъ Гацукъ дѣйствительно существовалъ, примѣрно ок. 1700 г., но что былъ онъ не какой либо важный служилый человѣкъ, а просто—рядовой козакъ. Конечно, сыномъ этого Якова былъ и тотъ Степанъ Гацукъ, котораго родословіе произвело въ чинъ нѣжинскаго полковника, но который въ дѣйствительности былъ всего только значковымъ товарищемъ, какимъ онъ и значится по ревизіи нѣжинскаго полка за 1736 г., среди конотопскаго «товариства» (*рукопись*). А значковыми товарищами звались тѣже рядовые козаки, только побогаче, которые

желая выдѣлиться изъ массы, указывали, что они несутъ службу при сотенномъ «знакѣ» (знамени), какъ несутъ свою службу бунчуковые товарищи—около гетманскаго бунчука.. (Если перевести чинъ значковаго товарища на современное понятіе, то это будетъ какой нибудь унтеръ-офицеръ..) Наконецъ, демократизмъ конотопскихъ Гацуковъ виденъ и изъ тѣхъ «дворянскихъ» списковъ, о которыхъ сказано выше; списки эти по конотопскому уѣзду сохранились (*и напечатаны*) и въ нихъ за 1783 г., значатся два брата Гацуки: войск. товар. Яковъ и войск. канцел. Иванъ, (при чемъ у Якова показанъ и четырехлѣтній сынъ *Степанъ*) и сказано, что по ревизіи 1782 г., братья Гацуки за собою «имѣютъ малороссіянъ въ г. Конотопѣ и близь онаго, въ хуторѣ, 20 душъ». Такимъ образомъ изъ письменныхъ свѣдѣній видно, что ок. 1700 г. въ числѣ конотопскихъ рядовыхъ козаковъ былъ и козакъ Яковъ Гацукъ, по смерти котораго вдова его «Яковиха Гацучка», оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ Степаномъ, выростила этого Степана, и послѣдній сталъ настолько «можнымъ» и «грунтовымъ», что могъ писаться уже значковымъ товарищемъ; что сыновья этого Степана—Яковъ и Иванъ, (что это были сыновья Степана, это видно и изъ указанія некролога, говорящаго, что генералъ *Степанъ* Гацукъ (сынъ Якова) былъ внукъ «нѣжинскаго полковника» Степана Гацука) еще нѣсколько повысили свое общественное положеніе, добившись «чиновъ»: первый—войск. товарища, а второй—войск. канцеляриста. Кромѣ того, Яковъ и Иванъ Гацуки, имѣя достаточное количество «грунтовъ», могли на нихъ поселить нѣсколько семей «подсосѣдковъ», которыхъ потомъ, при ревизіи 1782 г., и записали за собою, но еще не крестьянами (этого названія подсосѣдки испугались бы и—ушли), а только—«малороссіянами».. Съ такимъ общественнымъ положеніемъ Яковъ и Иванъ Гатцуки не задумались записаться, въ 1783 г., въ дворянскіе списки своего уѣзда, но при этомъ нужно было представить, кромѣ свидѣтельства «двѣнадцати несомнительныхъ дворянъ» (п. 12 дворянской грамоты), о своемъ шляхетскомъ происхожденіи, еще и письменный перечень своихъ предковъ съ указаніемъ ихъ службъ... Въ этотъ моментъ и было состряпано приведенное «родословіе»... Баснѣ этой, сочиненной ad hoc, Яковъ и Иванъ Гацуки, конечно, не вѣрили, (вѣдь знали же они, что отецъ ихъ не былъ нѣжинскимъ полковникомъ).—Неужели же этой баснѣ вѣрятъ ихъ потомки, не имѣя у себя *ни одного документа* въ ея подтвержденіе?..

2. Современное письмо (1819 г.) о смерти Ал. Мих. Будлянскаго.

Отецъ Алексѣя Мих—ча Будлянскаго, Михаилъ Власьевичъ былъ родной племянникъ гетмана Разумовскаго, сынъ сестры его Агафьи, вышедшей замужъ за козака Власа Климовича, которому впослѣдствіи присвоили фамилію Будлянскаго. Благодаря дядьямъ Разумовскимъ, Мих. Вл. Б—ій скоро сталъ виднымъ,—по богатству и положенію,—человѣкомъ. Женатъ онъ былъ на единственной дочери богача генер. есаула Валькевича, да самъ былъ тоже единственнымъ сыномъ у отца (у М—ла Вл—ча была только одна сестра) и потому получилъ громадное наслѣдство въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; одно только отцовское наслѣдство заключало въ себѣ до 7000 крест. У этого богача, и при томъ тайнаго совѣтника, было два сына, Алексѣй и Петръ. Послѣдній умеръ очень рано и всѣ богатства Будлянскихъ достались одному Алексѣю, который и зажилъ въ такой роскошной обстановкѣ, что обращалъ на себя общее въ Малороссіи вниманіе. Извѣстный кн. Шаликовъ, путешествуя въ Малороссіи въ первые годы настоящаго столѣтія, посѣтилъ и Алексѣя Будлянскаго, въ стародубской его резиденціи—с. Пантусовѣ; впечатлѣніе этого посѣщенія, записанное Шаликовымъ въ его книжкахъ, было такое: «прекрасный сельской домъ, убранный руками грацій, прекрасная услуга (т. е. прислуга), прекрасный столъ, прекрасная музыка,—все доказываетъ, что пять тысячъ душъ, которыми Б(удлянскій) обладаетъ, не въ сундукахъ гарпагоновыхъ.... Съ какимъ удовольствіемъ принималъ, угощалъ насъ любезный хозяинъ»...

Память объ этомъ «счастливомъ любимцѣ фортуны» долго жила въ Малороссіи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ стародубцы вспоминали разныя подробности изъ жизни красавца-толстяка Будлянскаго, какъ напр. онъ взвѣшивалъ себя на городскихъ вѣсахъ и вытягивалъ девять пудовъ [1])....

Полнота Б—аго была причиною его смерти, какъ это подробно описано въ нижеслѣдующемъ письмѣ.

«М—вая г—пя Варвара Яковлевна! Извините, милая моя, долгому моему молчанію, что я такъ долгое время не отвѣчала; истинно времени неимѣла, всякой день гости были, и вчера; и сей день только свободной. Благодарю васъ за поздравленіе меня праздникомъ Богоявленіемъ и за всѣ ваши мнѣ желанія; взаимно жъ, хотя и прошедшимъ, симъ же праздникомъ поздравляю, желаю отъ искренняго

[1]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит., II, 146.

сердца, да продлитъ Господь вашу жизнь и сполнитъ ваши всѣ желанія. Вотъ еще кромѣ гостей, и печальное встрѣтилось: Будлянскій, Алексѣй Михайловичъ, приказалъ вамъ долго жить, декабря 27-го скончался, меня и ето потревожило. И къ немалому сожалѣнію, что безъ христіанскаго порядка, а другое, что етіи бѣдные народы [1]) остались безъ всякаго распоряженія. И болѣзнь его, еще можно сказать, небывалая: кровью зойшолъ, изъ пупка всіо кровь пшла, и сколько не было дохторовъ, немогли ему помочь. Когда его послѣ кончины, открыли (?), ибо скоро скончался, тотъчасъ его раздуло, то найшли столько въ немъ жиру въ грудяхъ и въ животѣ, что до кишокъ на силу добылись,—и сыскалось, что етые три жилки, которые отъ пупка идутъ, сгнили отъ жиру, чему уже никакъ неможно было помочь. Онъ занемогъ 22 декабря: обѣдалъ въ генерала Орлова [2]) и еще гдѣто былъ, пріехалъ, ліогъ на диванъ и видно успулъ, и почувствовалъ горячность на рукахъ и ногахъ, велѣлъ свѣчу подать, увидѣлъ окровавленаго себя, за докторами тотъ часъ послалъ, но какіе старанія недѣлали, немогли. И генералъ Орловъ сказуютъ, ему предлагалъ какъ о людяхъ, такъ и о христіянскомъ порядкѣ;—за людей сказалъ: я послѣ сдѣлаю, а за порядокъ христіянскій сказалъ, что я не умираю; и сказуютъ, перемѣнился на лицѣ, поблѣднѣлъ; но Орловъ его уговаривалъ: ето, говоритъ, несмертельное есть дѣло, а такое, что оживляетъ нашу душу, и тѣло. И до самой кончины ѣлъ и пилъ, и ходилъ, но и плакалъ. Вотъ наша суетная здѣсь жизнь! Еще, говорятъ, какъ онъ прибирался какой то балъ, такой великолѣпной, дѣлать, и уже нѣсколько декорацій сдѣлано. Онъ князя (?) къ себѣ звалъ. Но не проговариваютъ, что онъ хотѣлъ жениться, послѣ новаго года, на Масовой, но еще за вѣрное не могу сказать. При самой кончинѣ потребовалъ священника и совѣтника. Священникъ—на двери, а онъ—скончался.... Скажу вамъ, мнѣ его жаль, ему еще не больше какъ пятьдесятъ шесть лѣтъ, но ежели уже Богъ ему такую жизнь опредѣлилъ, то я изъ етой стороны считаю лучше, что въ Кіевѣ умеръ. Хорашо его хоронили: самъ митрополитъ былъ и разрѣшителную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ, порядокъ очень хорошой былъ. Сыскали сорокъ шесть тысячъ (рублей) при

---

[1]) Т. е. крестьяне, доставшіеся потомъ разнымъ, болѣе или менѣе далекимъ, родственникамъ Будлянскаго.

[2]) Михаила Федоровича, брата извѣстнаго кн. Алексѣя Фед—ча Орлова.

немъ, а въ Чемерѣ [1]), ежели бы умеръ, то мужиковъ бы напоилп, а можетъ быть наслѣдники и того недали Въ него много наслѣдниковъ есть, можетъ быть и хорошіе, и всякіе. И сказываютъ, что онъ отъ жиру и пресыщенія етую болѣзнь имѣлъ. Вотъ милая моя, что причиною моего долгого молчанія, то то, то другое. Но прошу, другъ мой, увѣдомить меня о вашемъ здоровьи; я своимъ здоровьемъ кажется здорова, но лѣтное (т. е. по лѣтамъ) здоровье,—какіе лѣта, такое и здоровье. Впрочемъ честь имѣю быть къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, милостивой государынѣ... [2]).

1819 года, генваря 23 д.
Г(ородъ) К(озелецъ).

Письмо это писано близкой родственницей Б—аго—Катериной Ефимовной Галаганъ, которая будучи дочерью кіевскаго полковника Ефима Дарагана, женатаго на одной изъ сестеръ Разумовскихъ, Вѣрѣ, приходилась двоюродной теткой Алексѣю Б—ому. Ефимъ Дараганъ, умирая въ 1762 г., оставлялъ трехъ сыновей, Василія (любимца императора Петра III), Ивана и Григорія, и двухъ дочерей, Софью (по мужу кн. Хованскую) и Катерину. По духовному завѣщанію отца, эти сыновья получили: Василій—два села, Семиполки и Рудню, и двѣ деревни, Святое и Опанасовъ, Иванъ—м. Борисполь, с. Глыбокое и д. Перегуды, и Григорій—села Рудковку, и Мостища и Сухинку и Даневку, и, кромѣ того, всѣмъ вмѣстѣ, завѣщаны были два золотоношскіе хутора, Михайловщина и Вѣтровка, да женѣ—назначено было село В. Пески [3]).

Всѣ сыновья Ефима Дарагана поумирали бездѣтными и всѣ ихъ имѣнія [4]) перешли къ сестрѣ Катеринѣ (вѣроятно и Софья не имѣла дѣтей), вышедшей замужъ за Ивана Григорьевича Галагана. Катерина Ефимовна, по преданію, была женщина замѣчательнаго ума, энергіи и стойкости характера. Рано овдовѣвъ, она самостоятельно

[1]) Принадлежавшее Будлянскому с. Чемеръ—въ козелецк. уѣздѣ.

[2]) Письмо это въ черновикѣ найдено нами среди разныхъ хозяйскихъ распоряженій Кат. Еф. Галаганъ, въ связкѣ бумагъ, пріобрѣтенной у одного изъ кіево-подольскихъ букинистовъ. Черновикъ писанъ, какъ можно думать, подъ диктовку К—ны Еф—ны, которая затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, собственноручно его исправила.

[3]) Изъ этихъ имѣній—Семиполки, Рудня, Мостище и Святое были куплены Еф. Дараганомъ, въ 1753 г., за 9000 р., у сыновей бывшаго переяславскаго коменданта Матвѣя Андреевича Хераскова, Александра, Петра и *Михайла*; такимъ образомъ, имѣнія эти, когдато, частью принадлежали и „творцу" Россіады.

[4]) Кромѣ Борисполя, проданнаго Лукашевичамъ.

вела хозяйства въ отцовскихъ имѣніяхъ, живя въ принадлежащей теперь коллегіи Павла Галагана подъ-козелецкой усадьбѣ Покорщинѣ. Сынъ ея Григорій жилъ отдѣльно отъ матери, въ отцовскомъ имѣніи Сокирницахъ. По разсказу, слышанному нами отъ Гр. П. Галагана, (+ 1888 г.), дѣдъ его, Григорій Ив—чъ, по характеру совсѣмъ не походилъ на мать, которая настолько была недовольна его поведеніемъ, что запретила ему бывать у себя, въ Покорщинѣ. Такъ мать съ сыномъ и не видались. Но когда послѣдній сильно заболѣлъ, то послалъ нарочнаго изъ Сокирницовъ въ Покорщину, просить у матери прощенія. Катерина Ефимовна немедленно написала сыну прощающее письмо и отдавая его посланному, приказала, что если онъ не застанетъ въ живыхъ Григорія Ивановича, то чтобы письмо положено было къ нему въ гробъ... Такъ и случилось: нераспечатанное письмо съ прощеніемъ матери было положено въ гробъ сына..

3. Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка.

Въ Кіевск. Старинѣ за 1891 г. помѣщенъ былъ обстоятельный очеркъ педагогической дѣятельности даровитаго и образованнаго И. Ф. Тимковскаго, (р. 1773 † 1853), написанный по бумагамъ семейнаго архива Н. В. Шугуровымъ. Изъ этого очерка мы знаемъ, что Тимковскій, занимая должность визитатора учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа, былъ правою рукою тогдашняго попечителя гр. Потоцкаго во всѣхъ распоряженіяхъ, касавшихся устройства учебнаго дѣла въ округѣ. — Въ январской книжкѣ К. Стар. за настоящій годъ сообщены не менѣе интересныя свѣдѣнія о другомъ образованномъ малороссѣ—В. Гр. Полетикѣ (р. 1765 † 1845), въ которомъ предполагается даже авторъ «Исторіи Руссовъ». Получивъ заботливое воспитаніе, при неусыпныхъ о томъ стараніяхъ отца, Василій Григорьевичъ П—ка, какъ видно, очень заботился о воспитаніи и своихъ дѣтей. Отыскивая ту первоначальную школу, въ которую можно было бы помѣстить восьмилѣтняго своего сына [1]), В. Гр. П—ка обратился за совѣтомъ къ И. Ф. Тимковскому, какъ человѣку, который по своему служебному положенію, хорошо былъ освѣдомленъ о положеніи начальнаго обученія въ новомъ центрѣ южнорусскаго просвѣщенія, замѣнившемъ прежній Кіевъ,—Харьковѣ. Печатаемое здѣсь

[1]) Повидимому, забота идетъ о второмъ сынѣ Василія Гр—ча Полетики, Василія же (род. 1802 г.), такъ какъ старшему, Григорію, въ это время было уже 17-ть лѣтъ.

письмо Тимковскаго и есть отвѣтъ на просьбу Полетики.—Кромѣ свѣдѣній, касающихся интересовавшаго Полетику вопроса, письмо Тимковскаго интересно еще и по особому его тону предупредительности, указывающему на то уваженіе, которымъ пользовался среди мѣстной интеллигенціи предполагаемый авторъ «Исторіи Руссовъ».

М. Г. Василій Григорьевичъ! Случаемъ приходитъ мнѣ то, что приобрѣсть издавна уже было въ пріятнѣйшихъ моихъ исканіяхъ, почтеннѣйшее ваше знакомство. Велико щастіе встрѣтиться желаніемъ съ такою взаимностью, какъ изъявляютъ выраженія писма вашего, которое я имѣлъ честь получить, въ минувшемъ мартѣ. Сугубо мое удовольствіе, что предлогомъ сего есть требованіе услуги моей. И обязанностью, и чест'ю себѣ навсегда поставляю соотвѣтствовать внимательному ко мнѣ благопріятству вашему, въ опомъ писмѣ оказанному. Тѣмъ болѣе надѣюсь нынѣ быть вамъ угоденъ въ доставленіи свѣденія, котораго требовать отъ меня и самое званіе мое даетъ вамъ властное право. Искренно будетъ мое мнѣніе предъ вами. Нѣтъ при здѣшнемъ университетѣ никакого пенсіона, кромѣ самаго малаго числа мѣстъ занимаемыхъ при студентахъ казеннаго иждивенія совокупно съ студентами вольными, которые пользуются всѣми выгодами содержанія наравнѣ съ первыми, взнося въ общую сумму по 250 рублевъ; а для учениковъ учреждено подобное заведеніе при гимназическихъ питомцахъ, съ положеніемъ по 150 р. ежегоднаго взноса, которое однако не воспріяло должнаго своего дѣйствія, по причинѣ начатой обстройки зданій гимназіи. И такъ, поступаю къ частнымъ. Лучшій пенсіонъ здѣсь есть иностранца Гилейна, въ который платятъ по 400 р. съ лица. Подлинно и между столичныхъ онъ въ своемъ родѣ подостаточнѣе и предметами, и присмотромъ. Но наипаче предъ вами не постояла бы утайка, еслибы я и допустилъ ее, что успѣхи въ немъ крайне скудны. Гдѣ ученье и уроки не разложены порядкомъ по классамъ, тамъ смѣсь многоразличныхъ возрастовъ и способностей оставляетъ однихъ, останавливаетъ другихъ, и едва чѣмъ богатитъ старшихъ. Впрочемъ, ежели вы наклонны отдать сына вашего въ пенсіонъ, то судя по его лѣтамъ, рано было бы обратиться вамъ къ пенсіону московскаго университета; и года на два пенсіонъ Гилейна можетъ занять его. Упоминаю здѣсь для соображенія и о пенсіонѣ при полтавской состоящемъ гимназіи. Но какъ искуснѣйшимъ способомъ, по всеобщему оправданію, тотъ признается, чтобы дѣти, живучи подъ вѣденіемъ и руководствомъ домаш-

наго учителя, отъ него или и отъ другихъ по урокамъ приходящихъ пользовались ученьемъ, либо приуготовясь, получали оное въ общественныхъ училищахъ; то здѣсь таковыхъ воспитателей домашнихъ изъ иностранцевъ и россіянъ изрядно находить можно. Для сего представляется въ выборѣ и судѣ столько подробностей, что личнымъ только усмотрѣніемъ опредѣлить можно; а затѣмъ качества назначаютъ цѣну и сами цѣною назначаемы бываютъ. При такихъ уваженіяхъ и учитель новгородсѣверской гимназіи, именно швейцарецъ, кандидатъ богословіи, при наукахъ знающій отлично языки французской и нѣмецкой, живущій лѣтъ 30 въ Россіи, Вернетъ [1]), о которомъ вы располагались писать къ батюшкѣ Ивану Ивановичу [2]), если только согласится принять на себя трудъ воспитанія, о чемъ и при опредѣленіи его туда были мои совѣты, и нынѣ продолжаются, можетъ надежнѣйшимъ быть для васъ прибѣжищемъ; между тѣмъ же уединеніе тамошней гимназіи, устроенной какъ и другія, болѣе благопріятствуетъ начальной наукѣ.—Съ истиннымъ почтеніемъ и отличною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій [3]).

1810. Апр. 2. Харьковъ.

---

4. Изъ уголовной хроники XVIII вѣка.

(*Мотивы двухъ убійствъ*).

I. Отцеубійца Ничипоръ Лененко, житель с. Березовой Луки, (миргородскаго уѣзда), при допросѣ о причинѣ преступленія, показалъ: «Случилось де отцеви моему въ старосты тамошнего березолуцкого подпить, а я зъ молодика и тожъ подпивъ, и когда отецъ мой подпилий, пришовъ до ґосподи [4]) увечору, въ тое время, якъ товаръ [5]) зъ поля поприходивъ, я изъ жалю своего, что самъ и

---

[1]) Конечно, этому Вернеру принадлежитъ напечатанная въ Украинск. Журналѣ 1825 г., № 13, статья—„Весенняя прогулка по Валковскимъ окрестностямъ", въ которой напр. читаемъ: „Окрестности валковскія пріятны и для меня, жившаго на прелестныхъ берегахъ Рейна и Неккера"...

[2]) Иванъ Ивановичъ Халанскій,—тесть И. Ф. Тимковскаго, тогдашній директоръ новгородсѣверской гимназіи.

[3]) Съ подлинника, наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго.

[4]) Домой.

[5]) Скотъ.

корови дою, и все домашное господарство, принадлежащое жонкамъ, пораю, (исполняю), промовивъ отцеви: албо самъ женися [1]), албо мене ожени!—И отецъ за тое оскорбившися, вхвативши рубель тотъ, що платте качають, началъ мене бити въ хатѣ, и я, вирвавши тотъ рубель зъ рукъ, вдарилъ и его отца разъ, по плечахъ и кинувъ подъ лавку оний рубель, и пошовъ на дворъ. И за другое, когда увойшолъ я въ хату, знову отецъ вхвативши сокиру, сталъ мене обухомъ бити, который я отнявши зъ рукъ, вдарилъ его, отца, тимъ же обухомъ одинъ разъ повиише уха, и болше не былъ, одъ которого удару впалъ де отецъ на землю и захрупъ [2]), и вскорѣ, якъ бы у годину, и умеръ. *(Показаніе дано въ 1728 г.).*

II. Чумакъ с. Свинарной (гадяцкаго уѣзда) Грицко Тихенко, убившій въ дорогѣ другаго чумака, жителя м. Опошни Назара Макаренка, причину преступленіе такъ объяснилъ: «Когда прибыли въ Переволочную [3]), тамъ я Солянникового наемного хлопця вдарилъ трийчи батогомъ за тое, что онъ браниль матерно; а Назаръ Макаренко, називаючи того хлопця сродникомъ своимъ, пришолъ пяний до нашихъ возовъ и ухватя мене за волоса, бючи ногами и пощокамъ, окривавилъ; за который бой хотѣлъ я также Макаренка люшнею вдарить, но Дмитро Осиченко, опошанскій житель, воспятилъ тому моему намѣренію. И якъ Макаренка отведено до другого огня, въ ту пору молодики въ той компаніи будучіе, походившись до возовъ, бранили мене за тое, что я не йшолъ бить Макаренка, а Салниченко за тоежъ мене и по щоцѣ вдарилъ и; я съ тоей ихъ намови, пошедши до другого огня, вдарилъ люшнею Макаренка по головѣ, который отъ едного разу упавши на землю, не сталъ говорить и на другій день безъ рѣчи померъ». *(Показаніе того же 1728 г.).*

---

5. Троцины.

(Къ исторіи малорусскаго шляхетства).

Троцины происходять изъ с. Переволочны, прилуцкаго уѣзда. Въ полов. XVII вѣка, тамъ жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына Трофимъ и Степанъ. Старшій—Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который его взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По предста-

---

[1]) Захрапѣлъ.

[2]) Въ полтавск. губ. есть двѣ Переволочныхъ, одна въ прилуцкомъ уѣздѣ, а другая—въ кобелицкомъ.

[3]) Видно, что отецъ преступника былъ вдовецъ.

тельству сына—пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ м. Срѣбномъ; кромѣ уряда, тотъ же сынъ выхлопоталъ отцу позволеніе заселить слободою разоренное татарами село Охоньки [1]). На Срѣбрянскомъ урядѣ Трофимъ оставился до 1707 г., когда повышенъ былъ на урядъ полковаго судьи. Занимая уряды сотника, а потомъ полковаго судьи, Трофимъ повидимому стѣснялся называться тѣмъ «уличнымъ» прозвищемъ, которое заннмъ усвоено было въ это время и въ публичныхъ актахъ писался по имени отца—Васильевичемъ. Васильевичемъ звался и младшій братъ Трофима—Степанъ. Такъ братья названы,—только по имени отца,—въ декретѣ прилуцкаго полковаго суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ братьевъ объ общей ихъ мельницѣ на р. Удаѣ, въ с. Переволочной. Но въ народѣ Трофимъ Васильевичъ слылъ подъ именемъ Троця (уменьшительное отъ имени Трофимъ). Троць оставался полковымъ прилуцкимъ судьею и въ измѣну Мазепы. Тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ сторонниковъ измѣнившаго гетмана, пошелъ за нимъ къ шведамъ; но прилуцкая полковая старшина, обозный Носъ и судья Троць,—за своимъ полковникомъ не пошли. Вскорѣ послѣ этого Троць оставилъ войсковую службу, вѣроятно по старости. Не смотря однако на свою старость, Троць не избѣгъ одного изъ тѣхъ доносовъ, которыми нѣсколько лѣтъ послѣ измѣны Мазепы разныя темныя личности старались выслуживаться, и вытребованъ былъ въ Петербургъ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія сына его Антона, написаннаго къ гетману въ 1718 году.—«По неволѣ отецъ мой, за ненавистныхъ людей неправеднымъ уданьемъ (доносомъ), взятъ по указу въ С.-Петербургъ, гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорозѣ, будучи, скончилъ судьбами Божими животъ свой, теды я, упадаючи до ногъ вельможности вашей, прошу подтвердить мнѣ тое сельце Охоньки, которымъ отецъ мой по грамотѣ монаршой и по поважному вельможности вашей унѣверсалу, владѣлъ.» На прошеніи этомъ Антонъ Трофимовичъ подписался *Троцином*. Такимъ образомъ сынъ Троця сталъ писаться по имени отца, но только въ малорусской формѣ этого имени: вмѣсто Трофимова явилось Троцинъ, которое затѣмъ было

---

[1]) „С. Охоньки здавна было татарами забранное и спустошенное и когда сотникъ срѣбрянскій Антонъ Троцина, еще не бувши сотникомъ, при двору государыни Софьи Алексѣевни служилъ, тогда получилъ отъ гетмана Мазепы указъ, дабы отцу его сотниковому вольно было тое пустое селище осадить.“ Генер. слѣдствіе о маетностяхъ прилуцкаго полка, рукопись Румянцевскаго Музея.

передѣлано въ часто встрѣчающуюся форму малорусскихъ личныхъ прозвищъ—Троцина.

Антонъ Троцина покинулъ Москву или за потерею голоса или, быть можетъ, послѣ того, какъ царевна Софья лишилась возможности имѣть свой «дворъ». Возвратившись на родину, онъ поступилъ на службу въ генеральную канцелярію и служилъ здѣсь около девяти лѣтъ, какъ самъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи. Служба въ гетманской канцеляріи дала возможность сыну и здѣсь помочь своему отцу: въ 1695 г. Мазепа отправилъ въ Москву плѣнныхъ турковъ, добытыхъ при взятіи Кизикерменя, и нарядилъ при этомъ для представленія плѣнниковъ царю полковниковъ Бороховича, Мировича и Мокіевскаго.—Антонъ Троцина выпросилъ у гетмана, чтобы съ этими посланцами отправленъ былъ въ Москву и его отецъ, такъ какъ посланцы непремѣнно должны были получить при этомъ разныя милости. Расчеты сына Троцины оправдались, такъ какъ за эту поѣздку отецъ получилъ царскую грамоту на Охоньки.

Изъ гетманской канцеляріи Антону Троцинѣ уже нетрудно было занять Срѣбрянскій сотничій урядъ, когда отецъ повышенъ былъ урядомъ судейства. На сотничьемъ урядѣ Троцина выпросилъ у своего полковника Носа разоренное татарами «селище» Карпиловку) при рѣкѣ Галкѣ), которое онъ затѣмъ «осадилъ» слободою. А послѣ смерти отца, Антону Тр—нѣ достались и Охоньки. Не смотря на свои незначительный урядъ, Антонъ Троцина пользовался не малымъ значеніемъ не только межъ своими полчанами но и у гетмана Скоропадскаго. Троцина былъ хорошо грамотнымъ человѣкомъ и слылъ за дѣльца, совѣтомъ котораго дорожили. Кромѣ того онъ былъ горячимъ защитникомъ мѣстной старшины отъ тѣхъ обидъ и стѣсненій которые послѣдней пришлось терпѣть отъ новопоставленнаго въ 1715 году полковника извѣстнаго Игната Галагана. Сотникомъ Троцина оставался не менѣе тридцати лѣтъ и оставилъ срѣбрянскій урядъ только за старостью, въ 1739 г., имѣя въ то время болѣе 75 лѣтъ отъ роду. За время такой долгой службы Троцина нажилъ значительныя земельныя имѣнія, которыми и распорядился въ своемъ завѣщаніи, написанномъ въ 1741 г.—Троцина былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, и его завѣщаніе, писанное какъ видно самимъ завѣщателемъ, представляетъ нѣкоторый бытовой интересъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка. «Разсмотря отверстима очима довольное продолженіе, по волѣ Божіей, въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую мою глубокую старость (въ это время Тро-

цинѣ было около 78 лѣтъ), которая не къ чему иному меня изневоляетъ, какъ только денно и нощно памятовать, разсуждать и мыслить о конечномъ терминѣ жизни моей, коего по состоянію лѣтъ моихъ и слабости здоровья моего, уже безмедлительно чаю. А понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе (могъ усмотрѣть), что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ (сейчасъ) за позасталые отческіе движимыя и недвижимыя добра (имѣнія) въ великіе позвы (тяжбы) и ростырки (споры) входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ; а чтобъ родителей своихъ по христіанску, по должности, отпоминать, того ниже въ мысли имѣютъ. Къ тому же тѣ же чада, слѣдуя непостоянству вѣка сего, къ оному—забывши Бога и его спасительныя заповѣди, вмѣсто должной родителямъ своимъ почести, во всемъ противятся и благословеніе ихъ за ничто имѣютъ; безъ благословенія—родительскія добра движимыя забираютъ, недвижимыя разоряютъ и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сына моего Николая, сотника срѣбрянскаго, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забывши сыновнюю должность, великія мнѣ противности и укоризны дѣлаетъ насильнымъ забратіемъ въ обиду мою, собственнога имѣнія, которое я не съ отчизны, ни съ дѣдизны имѣю, но власнымъ моимъ трудамъ набытыя (пріобрѣтенныя), а иные отца моего, а его Николая дѣда, у разныхъ владѣльцевъ чрезъ трудность великую, откупленные...»

Непріязненныя отношенія между отцемъ и сыномъ повели къ тому, что Т—на имѣнія свои завѣщалъ второбрачной своей женѣ и прижитымъ съ нею дѣтямъ. Затѣмъ, Т—на завѣщаніе свое заключаетъ такимъ образомъ: «а если бы кто изъ дѣтей моихъ (отъ первой жены у Антона Т—ны, кромѣ сына Николая, были еще и дочери) сей послѣдней воли моей тестаментъ имѣлъ перемѣнять и касовать, то на таковаго родителское мое покладаю неблагословеніе въ сей вѣкъ и въ будущій, и таковой будетъ со мною судится предъ нелицемѣрнымъ судьею во второмъ пришествіи, когда прійдетъ судити живыхъ и мертвыхъ и воздать комуждо по дѣламъ его». Послѣ написанія этого завѣщанія Антонъ Т—на прожилъ еще восемь лѣтъ и умеръ въ 1746 г., имѣя отъ роду болѣе 85 лѣтъ.

---

6. Къ исторіи культуры. *(Латинская надпись на кіевской библіи 1758 г.).* Въ небольшомъ собраніи южнорусскихъ старопечатныхъ книгъ В. В. Тарновскаго есть, между прочимъ, превосходный экземпляръ такъ называемой елисаветинской библіи кіевской печати (1758 г., in-folio), замѣчательной по роскоши своего изданія и до сихъ поръ къ сожалѣнію подробно неописанной.—(Такое описаніе дало бы цѣнный матеріалъ для исторіи южно-русскаго типографскаго искусства). На этомъ экземплярѣ библіи, по листамъ, прописана слѣдующая небезъинтересная замѣтка одного изъ бывшихъ владѣльцевъ книги. «Священного 1752 года, м-ца сентевріа 12 дня, куплена бунчуковымъ товарищемъ Петромъ Чарнолускимъ для домашней его потребы. Куплена у маляра ропского (изъ м. Ропска) Ѳоми за дванадцять рублей денегъ, въ дому его хвоенскомъ (въ с. Хвоевичахъ). Ex libris Petri Ciołek Czarnołuski. Hic liber meus taestis est Deus quis illum querit. Hoc nomen erit nominatus Ciołek Czarnołuski, vocatus ad majorem Dei gloriam, beatissimam Virginis Mariae et omnium sanctorum». Упоминаемый здѣсь Петръ Чарнолузскій былъ сынъ стародубскаго сотника Ивана Чарнолузскаго. (См. Опис. Ст. Малор., I, 138).

---

7. Кіево Подольская Успенская соборная церковь. Историко-статистическое изслѣдованіе студента 4-го курса кіевской духовной академіи іеродіакона Антонина. Кіевъ. 1891 8°. 112 стр. Съ 1 рис.

Кіево-Подольская церковь Николая Добраго. Историко-археологическій очеркъ. Студента кіевской духовной академіи Александра Георгіевскаго. Кіевъ. 1892 8°. 175 стр. Съ двумя рис.

Обѣ монографіи писаны на Евгеніе-Румянцевскую премію и обѣ составляютъ полезные своды всѣхъ извѣстныхъ уже свѣдѣній объ этихъ кіевскихъ церквахъ. О первой изъ этихъ церквей мѣстными учеными высказано предположеніе, что въ ней слѣдуетъ видѣть лѣтописную церковь св. Богородицы, «рекомой Пирогощи», (Чтен. въ Ист. Общ. Нестора лѣтоп., V, отд. 2-е, стр. 113 и слѣд.), начатой постройкою въ 1136 г. и оконченной въ 1136 г. Авторъ настоящей монографіи подробно разсматриваетъ это мнѣніе и въ

концѣ концовъ соглашается съ нимъ. Последующая судьба Успенской Подольской церкви разсказана кратко (стр. 8—16), по недостатку историческаго матеріала. Авторъ полагаетъ, что «накопившійся вѣками матеріалъ касательно сей церкви погибъ въ пламени, во время разоренія и пожара Подола при взятіи его» въ августѣ 1651 г. Радзивиломъ, но былъ-ли дѣйствительно накопленъ этотъ матеріалъ— для этого никакихъ данныхъ у насъ нѣтъ... Приводя свѣдѣнія о священникахъ Успенской церкви, авторъ подробно говоритъ о знаменитомъ проповѣдникѣ Іоаннѣ Левандѣ, который священствовалъ при этой церкви 23 года (1763—786 г.). Въ Успенской церквѣ сохранились памятники лишь недавней старины, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Старѣйшая чаша церкви, напр., относится къ 1694 г.; старѣйшее евангеліе—1693 г., московской печати. Между церковными книгами довольно интересенъ синодикъ, по его фигурнымъ украшеніямъ, относящійся, впрочемъ, только къ 1743 г.

Въ описаніи Добро-Николаевской церкви замѣчается большое количество архивнаго матеріала, а потому и исторія церкви разсказана подробнѣе. Первое извѣстіе объ этой церквѣ относисся къ 1660 г., когда кіевскій полковникъ Дворецкій, укрѣпляя разные «пляцы» за церковью св. Николы Добраго, упомянулъ, что эту церковь набожчикъ славной памяти Матфей Кушка, гетманъ войска запорожского, фундацію заложивши, побудовалъ». Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе нѣкоторыхъ изыскателей кіевской старины, что Кушка былъ лишь возобновителемъ Добро-Николаевской церкви и что послѣдняя де «существовала гораздо раньше нашествія Батыя»; такое мнѣніе основывается на записанномъ въ старыхъ рукописяхъ «чудѣ св. Николая о половчинѣ сотворившемся въ градѣ Кіевѣ», при чемъ предполагается, что упоминаемая въ этомъ сказаніи церковь св. Николая и естт именно теперешняя церковь Николая Добраго. Отсюда видно, что мнѣніе о древности Добро-Николаевской церкви основывается лишь на весьма шаткихъ догадкахъ. Исторія этой церкви съ XVII в. разсказана авторомъ очень подробно съ извѣстною долею даже и критики, безъ которой едва-ли и предстоитъ надобность въ подобныхъ описаніяхъ... Добро-Николаевская церковь, какъ и Успенская, сохранила тоже мало памятниковъ старины. Старѣйшій крестъ этой церкви относится къ 1720 г., а старѣйшее евангеліе—къ 1681 г. (тоже московской печати). Въ церковной библіотекѣ книгъ старыхъ южно-русскихъ типографій имѣется всего три: Тріодь, 1640 г. и Ев-

хологіонъ 1649 г.—кіевской печати и Тріодь 1646 г.—львовской печати. Но въ церковномъ архивѣ сохранилось нѣсколько актовъ, относящихся къ первой половинѣ XVII в., описанныхъ къ сожалѣнію безъ достаточныхъ подробностей и объясненій; слѣдовало-бы упомянуть—которые изъ нихъ подлинники и затѣмъ привести отрывки изъ актовъ 1620—1631 г., упоминающихъ о «козакахъ войска запорожского»; слѣдовало-бы также объяснить названіе церковныхъ грунтовъ» —купичными». Болѣе подробнымъ обслѣдованіемъ перечисленныхъ имъ актовъ XVII в., авторъ монографіи могъ-бы внести и нѣкоторыя новыя подробности въ топографію Подола XVII в., такъ какъ сіи акты, повидимому, заключаючаютъ въ себѣ таковыя.

Отдавая полную справедливость трудолюбію молодыхъ ученыхъ въ описаніи кіевскихъ церквей, мы находили бы болѣе полезнымъ для мѣстной исторіи направить эти силы къ описанію кіевскихъ монастырей, и въ особенности Пустынноніколаевскаго и Выдубицкаго, давно ожидающихъ своихъ историковъ. Особенно интересною должна быть исторія перваго изъ нихъ, если будущій историкъ трудолюбиво обслѣдуетъ и затѣмъ представитъ—повѣсть о земельныхъ богатствахъ Николаевскаго монастыря, который между прочимъ былъ и однимъ изъ колонизаторовъ лѣвобережной Малороссіи. Матеріалы для описанія Николаевскаго монастыря сохранились, можно сказать, богатые: кромѣ значительнаго количества цѣнныхъ бумагъ этого монастыря, находящихся въ библіотекѣ мѣстной духовной академіи, въ монастырѣ имѣется, говорятъ, и свой еще архивъ... Такой же свой архивъ имѣетъ, какъ говорятъ, и Выдубицкій монастырь, но обстоятельной исторіи этотъ монастырь до сихъ поръ не имѣетъ...

---

8. Историческій очеркъ Милеевской св. Параскавіевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси. Магистра священника Александра Будиловича. Варшава. 1890. 8°. 216 стр.

Настоящая книжка священника А. Будиловича, составляющая оттискъ изъ Х.-Варшавск. Епарх. Вѣсти. за 1889 г., заключаетъ въ себѣ между прочимъ историческій очеркъ мѣстности, расположенной между рѣчками Вепремъ и Быстрицею, въ Польшѣ, къ сѣверу отъ

люблинскаго Красностава. Здѣсь жили и живутъ малороссы, какъ объ этомъ подробно говоритъ объяснительная записка къ этнографической картѣ царства польскаго Н. Галкина [1]). Въ нач. XVII в. русское населеніе этой мѣстности подверглось сильному давленію епископа Мефодія Терлецкаго, настойчиво обращавшаго народъ въ унію. Можетъ быть эти религіозныя притѣсненія и были одною изъ причинъ, что населеніе здѣшнихъ мѣстъ въ нач. XVII в. стало уходить—далеко на востокъ—на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ новыя свои поселенія называло родными именами Красностава, Холма, Парчова.... [2]) Какъ обстоятельно составленный очеркъ фактической исторіи «Заднепрянской Руси» книжка о. Будиловича заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности автору.

---

9. Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. С.-Петербургъ. 1890. 8 д. 314 стр.

Настоящая книга не поступала въ продажу и потому она мало извѣстна. «Записки» заключаютъ въ себѣ довольно подробный разсказъ о жизни автора и нѣсколько воспоминаній о его предкахъ. По той видной роли, которую Кочубеи занимали въ XVIII в. въ гетманской Малороссіи, воспоминанія о ихъ потомкѣ, дѣтство котораго относится къ тому-же XVIII в. (р. 1790 г.), должны были бы, повидимому, заключать въ себѣ интересные факты для исторіи тогдашняго общества; но оказывается, что воспоминанія автора «Записокъ» о его предкахъ очень бѣдны по содержанію. Вотъ что читаемъ мы въ первой главѣ «Записокъ», названной—«родословною».— «Просьбу твою, дорогой сынъ мой, Петръ Аркадьевичъ, [3]) написать воспоминанія моей 86-лѣтней жизни, я, по мѣрѣ силъ моихъ, желаю исполнить.... Начну мои воспоминанія нашими *фамильными преданіями*. Я не буду говорить ни о предкѣ нашемъ Андреѣ Кочубеѣ, который, какъ говорятъ, первый принялъ христіанство (о немъ мнѣ мало что извѣстно),

---

[1]) Записки Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи, IV. (Спб. 1871.) стр. 160 и слѣд.

[2]) См. Опис. Ст. Малор., II, 149.

[3]) Умеръ въ декабрѣ 1892 г., оставивъ послѣ себя замѣчательное собраніе разнаго рода предметовъ техническихъ искусствъ (*bric à brac*). Въ число этихъ вещей попало, говорятъ, и то желѣзное кресло гр. Кирилла Разумовскаго, которое, еще 10—15 лѣтъ назадъ, стояло у его гроба, въ Воскресенской церкви, въ Батуринѣ.

ни о генер. судьѣ Вас. Леонт. Кочубеѣ, который при Петрѣ былъ казненъ Мазепою: о немъ уже сказала исторія. О послѣднемъ я напомню только, что онъ былъ женатъ на Любви (Любови) Жукъ и что дочь ихъ Матрена, воспѣтая подъ именемъ Маріи Пушкинымъ... вовсе не лишалась разсудка отъ любви къ старику Мазепѣ, а напротивъ вышла замужъ за полковника Чуйкевича.... Василій Л—чъ оставивъ послѣ себя двухъ сыновей: Василія и Федора. Первый жилъ въ Диканькѣ (отъ него то и пошелъ нашъ родъ), а Федоръ Вас—чъ жилъ въ Ярославцѣ, былъ женатъ (не припомню на комъ) и имѣлъ дочь, которая умерла отъ чахотки.

Василій Вас—чъ былъ полтавскимъ полковникомъ и былъ женатъ на (Марфѣ) Апостолъ, но отъ нея не имѣлъ дѣтей, и жена его вскорѣ умерла Вторая женитьба его, какъ передаетъ преданье, совершилась очень романически. Однажды, въ Диканькѣ, приходитъ къ Василію Вас—чу сотникъ его полка и убѣдительно проситъ принять участіе въ его судьбѣ. Дѣло въ томъ, что сотнику нравится дѣвушка Марфа, дочь церковнаго старосты Яновича[1]), онъ желаетъ на ней жениться, но не надѣется, чтобы родители согласились на этотъ бракъ, почему проситъ полковника принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Согласенъ. Но гдѣ же я ихъ увижу?—спрашиваетъ Василій Вас—чъ сотника.

— А вотъ, на дняхъ, у нихъ, въ Полтавѣ, храмовой праздникъ; если бы вы, полковникъ, поѣхали туда, то послѣ обѣдни, васъ навѣрно пригласятъ, вотъ вы и могли бы тогда замолвить обо мнѣ слово!

Василій Вас—чъ ѣдетъ на праздникъ въ Полтаву, видитъ эту дѣвушку, вѣроятно, замѣчательную красавицу, потому что лишь только она вошла съ подносомъ въ комнату (въ тѣ патріархальныя времена было обыкновеніе, чтобы хозяйка дома, или старшая дочь-невѣста, подносила гостямъ напитки) чуть только онъ на нее взглянулъ, —судьба его была рѣшена. Онъ тутъ же дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвушки. Тѣ, никогда не мечтавшіе о такой высокой чести и счастіи, тотчасъ же согласились, тутъ же повязали имъ рушники и пили за здоровье жениха и невѣсты. Послѣ того полковникъ возвращается домой, встрѣчаетъ ожидающаго его сотника и объявляетъ ему, что дѣло улажено. Тотъ его благодаритъ.—Не за что, братецъ, благодарить, потому что дѣло я устроилъ не для тебя, а для самого

[1]) „Отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ.“ (Прим. А. В. Кочубея).

себя.—Есть преданіе, будто бы отъ этого брака у Василія Вас—ча было двадцать человѣкъ дѣтей, но мнѣ извѣстны только девять: пять дочерей и четыре сына. Дочери всѣ вышли замужъ:—двѣ за Лизогубовъ, третья за Тарновскаго, четвертая за Скоропадскаго и пятая за Томару, который ее увезъ и они тайкомъ обвѣнчались.—Сыновья Василія В—ча были: Семенъ, Василій, Павелъ и Петръ.

Старшій сынъ Семенъ Васильевичъ воспитывался въ чужихъ краяхъ, служилъ въ военной службѣ и былъ генеральнымъ обознымъ, или иначе, начальникомъ артиллеріи. Впослѣдствіи, онъ былъ переименованъ въ тайные совѣтники, назначенъ старшимъ членомъ малороссійской коллегіи и, за отсутствіемъ малороссійскаго генералъ-губернатора графа Румянцева, предсѣдательствовалъ въ этой коммисіи—(коллегіи?). Замѣчателенъ тотъ фактъ, что по прекращеніи его службы генеральнымъ обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ.

Семенъ Вас—чъ Кочубей былъ женатъ и имѣлъ сына Михаила и дочь Надежду....

Второй сынъ Василія Вас—ча, Василій, мой дѣдъ, при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго, а послѣ былъ предводителемъ дворянства въ вновь учрежденномъ новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествѣ; впослѣдствіи, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія. Василій Вас—чъ былъ женатъ на Марѳѣ Демьяновнѣ Оболонской.

Третій сынъ Василія Вас—ча, Павелъ Вас—чъ былъ женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко....

О четвертомъ сынѣ Василія Вас—ча Петрѣ, я помню, что онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ при гетманѣ Разумовскомъ. Потомъ поступилъ въ дѣйствительную военную службу и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ съ Пруссіей...»

Вотъ и всѣ свѣдѣнія о трехъ поколѣніяхъ Кочубеевъ, (начиная съ генер. судьи В. Л. К—бея), сохранившіяся въ памяти Арк. В. Кочубея, который, какъ видно, разсказалъ здѣсь *все, что только зналъ*. Разсказъ этотъ оказывается и скуденъ и во многомъ ошибоченъ. Невѣрными оказываются свѣдѣнія даже о такой личности изъ рода Кочубеевъ, судьбу которой семейное преданіе должно было, повидимому, твердо помнить, особенно въ первое столѣтіе послѣ ея смерти. Говоримъ о бѣдной Матренѣ Кочубеевнѣ, соблазненной старикомъ Мазепою. Авторъ «Записокъ» утвердительно говоритъ, что она впослѣд-

ствіи «вышла замужъ за полковника Чуйкевича». Это не вѣрно. Семенъ Васильевичъ Чуйкевичъ дѣйствительно былъ женатъ на Кочубеевнѣ, но только не на Матренѣ, а на Катеринѣ [1]). Объ этой женитьбѣ Чуйкевича сохранились подробныя свѣдѣнія, указывающія между прочимъ, что жениться на Матренѣ Кочубеевнѣ онъ и не могъ.

О женитьбѣ Семена Чуйкевича, который былъ не полковникомъ, а полковымъ судьею [2]) только, и при томъ уже при Апостолѣ, сохранился разсказъ самаго В. Л. Кочубея. Изъ этого разсказа знаемъ, что когда, весною 1708 г., Василій Чуйкевичъ посваталъ одну изъ дочерей Кочубея за своего сына, то Мазепа не совѣтовалъ послѣднему отдавать свою дочь за этого жениха, говоря: «якъ будемъ зъ ляхами въ единости, тогда знайдется твоей дочкѣ женихъ зъ тоей стороны лядской знатній якій шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою»... Однакожъ, не смотря на этотъ совѣтъ, Семенъ Чуйкевичъ повѣнчался съ Кочубеевною. Вѣнчаніе происходило въ Батуринѣ, 18 мая [3]).— Не могъ при такихъ обстоятельствахъ Василій Чуйкевичъ, одинъ изъ видныхъ между козацкою старшиною людей, (онъ былъ поставленъ генер. судьею на мѣсто казненнаго Кочубея), женить своего сына на бывшей Мазепиной любовницѣ, позоръ которой въ этотъ моментъ, повидимому, огласился уже по всей Малороссіи: гораздо раньше женитьбы Семена Чуйкевича, поруганный Кочубей писалъ Мазепѣ: „лучше смерть, чѣмъ жить въ моемъ настоящемъ положеніи. *Горько мнѣ слыть* въ числѣ тѣхъ, которые ради житейскихъ выгодъ жертвуютъ своими дочерьми [4])...“ Значитъ связь Мазепы съ Матреною Кочубеевною была въ это время извѣстна уже всѣмъ, послѣ чего выходъ ея замужъ за Чуйкевича представлялся бы просто невозможнымъ по тогдашнимъ понятіямъ... У В. Л. Кочубея было не менѣе пяти взрослыхъ дочерей; изъ нихъ Катерина была замужемъ за Чуй-

---

[1]) Въ 1887 г. напечатанъ романъ Фр. Равиты—„Pan hetman Mazepa,“ въ которомъ женихъ Матрены Кочубеевны, тотъ же Чуйкевичъ состоитъ въ чинѣ „переяславскаго сотника....“ Въ этомъ прелюбопытномъ по подробностямъ романѣ— Кочубей называется „судьею обозныхъ“, а *генер. писарь* Орликъ является въ Мазепѣ въ такомъ видѣ —„za uchem sterczało mu olbrzymie gęsie pióro, a na szmuklerskiem guziku kontusza wisiała butełeczka z inkaustem ...“ А вѣдь г. Равита считаетъ себя знатокомъ малорусской старины!

[2]) Опис. Стар. Малорос., II, 32.

[3]) Опис. Стар. Малорос. II, 30.

[4]) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I., 130.

кевичемъ [1]). О судьбѣ Матрены существуетъ, въ Полтавщинѣ, гораздо болѣе вѣроятное преданіе, что она окончила жизнь въ Пушкаровскомъ женскомъ монастырѣ [2]).

О младшемъ сынѣ В. А. К—бея, Федорѣ, сказано, что онъ былъ женатъ, но что авторъ „Записокъ" не припомнитъ на комъ.—Федоръ К—бей былъ своего рода типомъ перв. пол. XVIII в., въ ряду тѣхъ сыновей, которые опираясь на значеніе своихъ отцовъ, нерѣдко позволяли себѣ ужасныя насилія не только надъ своими „подданными", но и надъ козаками. Такими насиліями славился и Федоръ К—бей, причемъ даже и Полуботокъ, вступавшійся за обиженныхъ подъ дав-

---

[1]) Катериною называетъ Семенъ Чуйкевичъ первую свою жену (Кочубеевну), въ „сказкѣ" о своихъ службахъ.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о Полтавской губерніи А. В. Богдановича, Полтава, 1877. 8 д., стр. 81. Пушкаровскій м-рь находился въ с. Пушкаровкѣ, въ 4-хъ верст. отъ Полтавы.—Злосчастная судьба Матрены Кочубеевны до сихъ поръ служитъ канвою для легендъ, слагаемыхъ фантазіей досужихъ полтавцевъ, при чемъ эти легенды иногда печатаются въ видѣ сообщеній какъ бы о дѣйствительныхъ фактахъ, напр., въ „Нивѣ" 1886 г., № 31, помѣщены два рисунка: 1) *Хуторъ полковн. Искры (близъ Полтавы) гдѣ жила Матрена Кочубей* и 2) *Хата на хуторѣ Искры, въ которой жила Матрена Кочубей (бл. Полтавы)* и къ нимъ въ поясненіе сообщается, что Матрена, „отвергнутая и проклятая матерью, оставленная бѣжавшимъ (послѣ Полтавы) Мазепой... поселилась у своей тетки, жены погибшаго полковника Искры, принявшей въ племянницѣ сердечное участіе, и жила въ уединеніи и неизвѣстности на ея хуторѣ, подъ Полтавой, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ, и въ хатѣ, которая сохранилась до сихъ поръ и также изображена у насъ Хата была реставрирована,—въ ней сохранились доселѣ разнообразныя работы, приписываемыя Мотрѣ Кочубей; онѣ отличаются тонкостью и изяществомъ рисунка и терпѣливымъ искусствомъ, съ какимъ вышивала все это бѣдная героиня печальной драмы. Въ хатѣ никто не живетъ и не жилъ съ тѣхъ поръ. Хуторъ этотъ перешелъ теперь въ родъ Чаплинскихъ, близко родственныхъ роду казненнаго Искры. Хуторъ этотъ восьма живописное мѣсточко, чисто малороссійскаго характера, на правомъ берегу Ворсклы"... Еще болѣе фантазіи находимъ въ другой легендѣ, приведенной въ „Иллюстраціи" 1887 г., № 959, въ поясненіе къ рисунку: „Могилы Мотри Кочубей, близъ Полтавы". Здѣсь читаемъ, что въ семи верстахъ отъ г. Полтавы, на р. Ворсклѣ, близъ х. Чаплинскихъ, до сихъ поръ показываютъ могилу несчастной дочери полковника (?) Кочубея; на небольшомъ холмикѣ тутъ стоитъ простой деревянный крестъ. Мѣстная молодежь каждый годъ собирается здѣсь въ день Ивана Купала... Могила Мотри Кочубей сдѣлалась сборнымъ пунктомъ молодежи... Имя злополучной Мотреньки вспоминается молодежью съ благоговѣньемъ... Ходитъ повѣрье, что въ этотъ вечеръ тѣнь ея принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ..." Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти свѣдѣнія *сочинены* и притомъ въ недавнее время, людьми, которымъ книжныя свѣдѣнія о Матренѣ показались слишкомъ бѣдными....

леніемъ Вельяминовскаго надзора, не могъ смирить этого старшинского сына [1]). Такая личность, повидимому, могла оставить въ семейныхъ преданіяхъ больше свѣдѣній, чѣмъ сколько ихъ находимъ въ «Запискахъ». О женитьбѣ Федора К—бея извѣстно, что жена его умерла въ 1723 г. (въ апрѣлѣ) [2]) Но онъ, повидимому, въ томъ же году, снова женился и женился, какъ можно догадываться,—на крестьянкѣ. Въ дневникѣ Марковича (21 окт. 1723 г.) записано: «Господарь (управляющій) п. Федора Кочубея, пріѣхавши сюда въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу Мотру, а сестру Кочубеевой (т. е. сестру жены Кочубеевой?), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ [3])»...

Не совсѣмъ вѣрны свѣдѣнія «Записокъ» и о старшемъ сынѣ В. Л. К—бея, Василіи; напр., невѣрно, что у него отъ первой жены (Марфы) Апостолъ [4]) не было дѣтей. Уже въ 1859 г. была напечатана Бодянскимъ (въ «Чтеніяхъ») записка диканьскаго священника-современника о тѣхъ перипетіяхъ, которыя пришлось испытать семьѣ В. Л. Кочубея отъ марта до октября 1708 г. Въ этой запискѣ точно указывается, какъ «пани Василіева молодого пана» уѣхала изъ Диканьки «до родителей своихъ», въ Сорочинцы, гдѣ «на тотъ часъ родился у п. Кочубея (т. е. у Василія В—ча) сынъ, Павелъ». Неужели же эта любопытная записка о семьѣ генер. судьи Кочубея, хранившаяся издавна въ диканьской церквѣ, осталась неизвѣстною потомкамъ казненнаго К—бея даже и послѣ ея напечатанія?—Не точно записано преданіе о второй женитьбѣ Василія В—ча К—бея. Въ «Запискахъ» говорится, что К—бей во второй разъ женился на дочери полтавскаго церковнаго старосты Яновича, Марфѣ, при чемъ авторъ «Записокъ» добавляетъ отъ себя, что «отъ Яновича пошелъ родъ Халанскихъ». Но отецъ второй жены В. В. К—бея, Анны, а не Марфы, по письменнымъ актамъ называется глуховскимъ сотникомъ, а братъ ея, Иванъ,—несомнѣнно былъ глуховскимъ сотеннымъ атаманомъ (1750—1760) [5]), при чемъ Яновичъ не былъ и родоначальникомъ Халанскихъ. (Послѣднее свѣдѣніе основано, повидимому, на томъ только обстоятельствѣ, что Ив. Ив—чъ

---

[1]) Русск. Арх. 1876 г., III, 234.

[2]) Дневникъ Я. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 24.

[3]) Тамъ же, стр. 49.

[4]) Повидимому, это была внука гетмана, дочь старшаго его сына Ивана.

[5]) Родословные списки глуховской козацкой старшины, сообщ. П. Я. Дорошенкомъ.

Халанскій, директоръ н. сѣверской гимназіи, женатъ былъ на Варварѣ Ив—нѣ Яновичъ, дочери глуховскаго сот. атамана).

Неполны свѣдѣнія «Записокъ» и о сыновьяхъ полтавскаго полковника Василія В—ча. О старшемъ изъ нихъ, Семенѣ (р. 1725 † 1779), сказано лишь, что онъ воспитывался въ чужихъ краяхъ [1]), служилъ *въ военной службѣ* и былъ генер. обознымъ. Но при этомъ ничего не говорится, что Семенъ К—бей назначенъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ уже въ 1746 г., когда ему отъ роду было всего 21 годъ, при чемъ этому назначенію предшествовала помолвка К—бея съ двоюродною сестрою Разумовскихъ, при участіи самой императрицы. Въ дневникѣ Ханенка записано: «въ домѣ гр. А. К. Разумовскаго (въ СПб.) былъ сговоръ Сем. Вас. Кочубею съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко) и ихъ же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государыня отдавать и на руку положить изволила»... Объ этомъ свойствѣ С. В. К—бея съ Разумовскими авторъ «Записокъ» не упоминаетъ очевидно потому только, что не зналъ этого факта, такъ какъ о всѣхъ другихъ женахъ, упоминаемыхъ въ «Запискахъ» Кочубеевъ, свѣдѣнія имѣются. Малымъ знакомствомъ съ исторіей своей родины звучитъ замѣтка автора «Записокъ» о томъ, что С. В. Кочубей «служилъ въ военной службѣ»... Не могъ С. В. К—бей не служить *въ военной службѣ* разъ онъ состоялъ въ числѣ козацкой старшины, которая вся поголовно принадлежала къ *военному сословію*; даже лица, занимавшія мирные старшинскіе уряды—писарей и судей, тоже «служили въ военной службѣ», потому что ходили на войну и безпрепятственно затѣмъ производились въ чинъ напр. обознаго. О С. В. К—беѣ можно было развѣ сказать, что онъ закончилъ свою *военную службу*, когда, послѣ уничтоженія гетманства, переименованъ былъ въ чинъ тайнаго совѣтника. «Замѣчателенъ тотъ фактъ, продолжаетъ авторъ «Записокъ» о С. В. Кочубеѣ, что по прекращеніи его службы генер. обознымъ, ему не было пожаловано, по примѣру другихъ, ранговаго имѣнія, которое въ то время замѣняло жалованное, и онъ остался при своихъ родовыхъ имѣніяхъ». Свѣдѣніе это не сходится съ исторіей, такъ какъ отдача ранговыхъ

---

[1]) Свѣдѣніе очень сомнительное, такъ какъ объ этомъ ученіи за границей С. В. К—бея мы нигдѣ болѣе извѣстій не встрѣчали, между тѣмъ какъ болѣе раннія поѣздки заграницу для ученія старшинскихъ дѣтей—Обидовскаго, Стефановича, Скоропадскихъ, всѣ—оставили по себѣ письменные слѣды..

имѣній въ собственность составляла исключительные случаи [1]) и о ней вовсе нельзя было говорить—«по примѣру другихъ», при чемъ—если слово жалованное не составляетъ опечатки (вм. жалованье), то выраженіе, что «ранговое имѣніе въ то время замѣняло жалованное»—становится совсѣмъ непонятнымъ, такъ какъ ранговое имѣніе давалось «на рангъ» (т. е. присвоено было должности или мѣсту) и не имѣя ничего общаго съ пожалованіемъ, никогда не могло замѣнять послѣдняго. О своемъ дѣдѣ авторъ «Записокъ» говоритъ, что онъ «при гетманѣ исправлялъ должность подкоморнаго», что въ переводѣ на понятный языкъ значило бы, что В. В. К—бей исправлялъ должность при гетманѣ межеваго судьи... Дѣло въ томъ, что въ к. 1765 г. «постановлено было (въ Малороссіи) имѣть по старому суды земскіе, градскіе и подкоморскіе» (Ригельм., IV, 20) и по этому постановленію, въ перв. пол. 1764 г., выбраны были въ повѣты—подкоморіи и судьи; первые предсѣдательствовали въ межевыхъ судахъ, а вторые въ повѣтовыхъ. При этомъ, въ повѣтъ глуховской были выбраны: подкоморіемъ бунч. тов. В. Кочубей, а судьею—бунч. тов. С. Дергунъ [2]). Такимъ образомъ подкоморіи (а не подкоморные) правили должности межевыхъ судей по повѣтамъ, а не при гетманѣ.

Какъ видно, автору „Записокъ“ пріятно было въ своемъ писаніи вспоминать родную „старину“. Перечисливъ своихъ родичей, онъ говоритъ: „не желая еще такъ скоро разстаться съ стариной, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасной личности моего дѣда, съ материнской стороны, Вас. Григ. Туманскаго. Онъ... служилъ по финансовой части (подскарбіемъ) въ малороссійской коллегіи, въ Глуховѣ, да впрочемъ *онъ тогда управлялъ всѣми дѣлами Малороссіи*»... Такимъ образомъ, внукъ полагаетъ, что дѣдъ его (отецъ матери) былъ alter ego Румянцева; но это невѣрно. Вас. Туманскій при Разумовскомъ былъ генер. писаремъ (замѣнилъ Андрея Безбородка) и считался дѣльцомъ. Затѣмъ, по уничтоженіи гетманства, онъ былъ назначенъ однимъ изъ (восьми) членовъ малоросс. коллегіи; подскарбіемъ же онъ никогда не былъ и первой роли въ коллегіи тоже не игралъ, такъ какъ эта роль принадлежала С. В. Кочубею и кн. Пл. Мещерскому. Близкимъ къ Румянцеву, и потому

[1]) Ранговыя имѣнія послужили главнымъ образомъ источникомъ для пожалованій, въ послѣднее двадцатилѣтіе XVIII в., Румянцеву, Безбородку, Завадовскому, Стрекалову и другимъ вельможамъ.

[2]) Чиновничьи списки за 1767 г. въ нашей б-кѣ.

вліятельнымъ человѣкомъ, но далеко не alter ego, былъ младшій братъ В. Туманскаго—Осипъ, (см. Опис. Стар. Малор., II, 342), который поэтому, впослѣдствіи, былъ назначенъ предсѣдателемъ н. сѣверской уголовной палаты.

Изъ указанныхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII в., видно, что авторъ «Записокъ», принадлежа къ одной изъ извѣстнѣйшихъ по происхожденію и богатству въ Малороссіи фамилій, имѣлъ о членахъ ея очень поверхностныя свѣдѣнія, почти ничего не зная ни о прадѣдѣ своемъ (Вас. Вас—чѣ), ни о старшемъ его сынѣ (Сем. Вас—чѣ), которые оба занимали въ ряду козацкой старшины такія видныя положенія. Мало могъ знать авторъ «Записокъ» о своихъ предкахъ потому, полагать нужно, что малорусское общество, жившее на рубежѣ XVIII—XIX в., къ которому частью принадлежалъ и авторъ «Записокъ», вообще мало интересовалось исторіей своего прошлаго. Отсутствіе интереса къ своему прошлому было причиною, между прочимъ, утраты множества семейныхъ бумагъ. Кто и хотѣлъ заглянуть въ это прошлое, приходилось довольствоваться лишь преданіемъ.. Какъ видно, не было архивныхъ свѣдѣній подъ руками и у автора «Записокъ» [1]). Поэтому, вѣроятно, Арк. В. Кочубей, перечисляя въ «Запискахъ» своихъ предковъ, и сообщаетъ о нихъ такія скудныя свѣдѣнія, какія мы привыкли видѣть о лицахъ XVII в., а не втор. пол. XVIII в.

Въ остальныхъ частяхъ «Записки» А. В. Кочубея представляютъ немало любопытныхъ свѣдѣній, большею частью, впрочемъ, чисто семейнаго характера. Но могутъ имѣть и общій интересъ свѣдѣнія о томъ напр., что авторъ «Записокъ», будучи сыномъ очень богатаго помѣщика, русской грамотѣ обучался «сперва у камердинера своего отца (Петра Бѣлаго), а потомъ у отставнаго морскаго офицера Македонскаго...»

Несмотря однакожъ на бѣдность «Записокъ» фактами для мѣстной бытовой исторіи, мы должны съ благодарностью отнестись къ памяти ихъ автора за то, что онъ оставилъ намъ хотя и такія за-

---

[1]) О семейномъ архивѣ Кочубеевъ намъ не приходилось слышать, чтобы онъ гдѣ либо существовалъ. Архивъ этотъ, который долженъ же былъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, вѣроятно погибъ при разореніи внука генер. обознаго С. В. К—бея—Семена Михайловича, представителя *старшей линіи* К—беевъ, о которомъ въ „Запискахъ“ А. В. К—бея говорится, что онъ „промоталъ 7000 душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности“.

писки... До сихъ поръ, сколько извѣстно, это единственные мемуары, написанные лицомъ изъ среды малорусской аристократіи [1]).

---

10. Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ. (Отдѣльн. оттискъ изъ газ. „Южный Край"). Харьковъ. 1893. 8 д. 91 стр.

Въ этой брошюрѣ приведены любопытные отрывки изъ переписки Г. П. Данилевскаго съ нѣкоторыми изъ литературныхъ корифеевъ. Даровитый романистъ очень любилъ совѣтываться съ причастными къ литературѣ людьми по поводу своихъ писательскихъ занятій, и на разные свои запросы получалъ, иногда, очень любопытные отвѣты. Такъ, напечатавъ въ 1852 г. свои «Степныя сказки», Д—ій обратился, между прочимъ, къ Костомарову и К. Аксакову, прося ихъ сказать свое мнѣніе «объ этомъ его первомъ серьезномъ литературномъ трудѣ». Костомаровъ отвѣчалъ, что онъ «прочитавши Сказки», пожалѣлъ, «зачѣмъ онѣ написаны не на народномъ языкѣ», что «творенія народной фантазіи должны быть выражены на природномъ нарѣчіи» и заявилъ желаніе, чтобы Д—ій «издалъ свое собраніе легендъ по-украински». К. Аксаковъ тоже остался недоволенъ передѣлкою сказокъ.— «То что такъ неизмѣримо высоко и неизмѣримо хорошо въ народной пѣснѣ, сказанное самимъ народомъ, то наоборотъ производитъ досадное впечатлѣніе, когда современный литераторъ вздумаетъ рядить свою мысль въ непринадлежащую ему величавую народную одежду»....

Начавъ свои работы по составленію біографій Квитки и Сковороды, Д—ій обращался за совѣтами, между прочимъ, къ преосвященному Макарію (Булгакову, впослѣдствіи митрополиту московскому), къ Гоголю и друг. Въ письмѣ къ Гоголю Д—ій «надежду выразилъ, что Гоголь не оставитъ его опытнымъ совѣтомъ въ предпринятой имъ работѣ и просилъ разрѣшить ему въ скоромъ времени повидаться съ нимъ лично». Гоголь отвѣчалъ, что ждетъ Д—аго у себя осенью въ Москвѣ. Но свиданіе это не состоялось, такъ какъ Гоголь и весны въ

[1]) Собирался писать свои мемуары Г. П. Галаганъ, о чемъ онъ говорилъ намъ въ 1883 г., въ Сокирянцахъ, разсказавъ нѣсколько рѣзкихъ фактовъ изъ мѣстнаго крѣпостнаго быта; къ сожалѣнію, намѣренію этому не суждено было осуществиться за скорою его смертью. Г. П. Галаганъ успѣлъ только написать разсказъ о своемъ родѣ и о своей семьѣ—для той исторической записки о „Коллегіи Павла Галагана", которую онъ собирался, незадолго до смерти, издавать.

этомъ году (1852 г.) не дожилъ.... Получивъ извѣстіе о смерти Гоголя, Д—ій хотѣлъ знать подробности его кончины, за которыми и обратился къ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ къ Бодянскому и К. Аксакову.—Бодянскій отвѣчалъ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ: «... Вы желаете, добродію, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти, о бумагахъ и о Москвѣ, потерявшей его. Не скажу добродію, не скажу! И теперь еще я хожу, какъ угорѣлый, на лекціи по сю пору не соберусь.... Не могу, никоимъ путемъ: все онъ, одинъ онъ въ умѣ и глазахъ! Когда нибудь можетъ быть и соберусь съ духомъ пересказать вамъ, а нынче замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти покойникъ, видимо, чахъ, онъ предчувствовачъ недоброе и потому на масляной говѣлъ и пріобщался. Въ половинѣ первой недѣли великаго поста соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ котораго онъ не хотѣлъ вовсе лечиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство, и хоть тутъ поданы были всѣ врачебныя пособія, да бa! да вже пропало, що зъ воза впало. Это еще не бѣда, но вотъ бѣда, что покойникъ въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, часу во второмъ или въ третьемъ, *сжегъ всѣ свои бумаги до тла*. Отъ що горе! Премного провинились въ этомъ окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый, а тотъ, разумникъ, бодай его бісъ(?), *поцеремонился*, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать! Отъ що горе то горе!—Нема нашого Рудого Панька больше. Такого не буде покы свитъ стоятъ буде! Прощайте, дале-би не пышецьця!»—Отвѣтъ Аксакова любопытенъ по его особому мажорному тону.... «Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва-ли правильно будетъ разсказывать о немъ печатно *нашему языческому обществу*: Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства.... Розыгралась страшная драма, свершилось огромное историческое событіе, полное необычно-строгаго смысла: Гоголь умеръ, и теперь намъ надо начать *новый строй жизни безъ Гоголя*».

Затѣмъ въ названной брошюрѣ есть еще нѣсколько интересныхъ писемъ, напр. П. П. Сокальскаго, о его попыткѣ сотрудничества въ Московскихъ Вѣдомостяхъ Каткова, Н. Соханской, (Кохановской) и друг. Разныя свѣдѣнія изъ жизни Г. П. Данилевскаго, сообщаемыя въ дополненіе къ напечатаннымъ письмамъ составителемъ бро-

шюрки (повидимому, сыномъ умершаго писателя) могутъ служить нелишнимъ матеріаломъ для комментарія къ сочиненіямъ автора— «Бѣглые въ Новороссіи,» «Мировичъ» и друг.

---

11. Гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, у Христорождественской церкви.

СЪ РИСУНКОМЪ.

Послѣ десятидневнаго путешествія съ гробомъ Т. Г. Шевченка, 6 мая къ вечеру, мы, провожавшіе гробъ изъ Петербурга до Кіева, приблизились къ Никольской Слободкѣ [1]). Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ роднею поэта, съ Варф. Гр. Шевченкомъ [2]) во главѣ, и толпою преимущественно студенческой молодежи. Передъ мостомъ лошади были отпряжены, и студенты повезли дроги съ гробомъ на рукахъ. Между тѣмъ, куда везли гробъ, гдѣ будутъ его хоронить—никто не зналъ... „Названный братъ" поэта В. Г. Шевченко († 1893 г.), по близкимъ отношеніямъ къ покойнику, рѣшилъ было вопросъ о похоронахъ еще до прибытія тѣла въ Кіевъ; предположилъ онъ похоронить тѣло поэта на Щекавицкомъ кладбищѣ, гдѣ была уже, какъ говорятъ, приготовлена и могила. Но еще на дорогѣ отъ моста къ Кіеву возникли по этому вопросу пререканія, и пока—рѣшено было поставить гробъ въ первой по дорогѣ церкви—Рождества Христова, на Подолѣ. Но священникъ этой церкви о. Іосифъ Желтоножскій не могъ безъ дозволенія властей разрѣшить постановку гроба въ церкви, и В. Г. Шевченко за такимъ разрѣшеніемъ отправился къ благочинному подольскихъ церквей, которымъ тогда былъ теперешній кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ [3]). Но оказалось, что и благочинный своею властью не можетъ дать такого разрѣшенія; за послѣднимъ нужно было отправиться къ высшимъ властямъ. Пока пришло

---

[1]) Провожали гробъ—художникъ Гр. Ник. Честаховскій († 1893 г. въ Спб., а похороненъ въ с. Качановкѣ, борзенскаго уѣзда, въ паркѣ В. В. Тарновскаго) и пишущій эти строки.

[2]) В. Г. Шевченко—однофамилецъ поэта, близкій его пріятель, котораго Т. Г—чъ всегда называлъ братомъ.

[3]) См. Кіевск. Стар. 1882 г., № 9, стр. 566.

Гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, у Христорождественской церкви.

1) Никита Григорьевичъ Шевченко. 2) Осипъ Григорьевичъ Шевченко. 3) Ирина Григорьевна Бойко. 4) Варѳоломей [illegible]

разрѣшеніе, гробъ остановили на подольской набережной, около башенныхъ воротъ.—Ждали мы впрочемъ не долго: скоро получено было разрѣшеніе и митрополита, и генералъ-губернатора—поставить гробъ поэта въ Христорождественской церкви. У послѣдней гробъ былъ встрѣченъ облачившимся въ ризы П. Г. Лебединцевымъ и настоятелемъ церкви о. Желтоножскимъ, которые, по внесеніи гроба въ церковь, отслужили кратвую литію. Затѣмъ, мы, провожавшіе гробъ, отправились (не помню—куда именно) рѣшать вопросъ—гдѣ же хоронить привезенное тѣло Тараса Григорьевича: въ Кіевѣ или въ Каневѣ, какъ на томъ особенно настаивалъ Г. Н. Честаховскій. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, рѣшено было хоронить поэта около Канева, при чемъ такое рѣшеніе почти всецѣло принадлежитъ Честаховскому, о чемъ и свидѣтельствуемъ здѣсь передъ тѣми, кому знать это интересно. Рѣшено было, что на другой день гробъ будетъ перевезенъ на пароходъ, для дальнѣйшаго путешествія тѣла поэта въ Каневъ. При этомъ же было рѣшено—передъ отъѣздомъ изъ Кіева фотографировать гробъ, собравъ вокругъ него родичей поэта. Для этого, на другой день, 7 мая, передъ обѣднею (было воскресенье) гробъ Тараса Григорьевича былъ вынесенъ на церковный дворъ, поставленъ на тѣхъ дрогахъ, на которыхъ онъ привезенъ былъ изъ Петербурга, и обставленъ роднею поэта, окруженною, нахлынувшею толпою народа. Этому случайному сборищу людей Честаховскій хотѣлъ было придать хотя нѣкоторый порядокъ, хотѣлъ было поставить на виду нѣкоторыхъ изъ почитателей умершаго поэта, напр.—И. М. Сошенка, но толпа суетилась и мѣшала всякому порядку. Установивъ кое-какъ родню поэта (при чемъ на болѣе видныхъ мѣстахъ поставлены были: сестра поэта Ирина Григорьевна, по мужу Бойко, и его братья Никита и Осипъ Григорьевичи), Честаховскій далъ знакъ фотографу Воюцкому—и явился приложенный къ настоящей книжкѣ рисунокъ—„гробъ Т. Г. Шевченка въ Кіевѣ, у Христорождественской церкви". На прилагаемомъ рисункѣ обозначены цифрами слѣдующія лица: 1—Никита Григорьевичъ, 2—Осипъ Григорьевичъ, 3—Ирина Григорьевна, 4—В. Гр. Шевченко, 5—И. М. Сошенко

(малозамѣтенъ, хорошо видна лишь его лысина) и 6—Г. Н. Честаховскій, котораго кто то толкнулъ и онъ вышелъ съ двойнымъ лицемъ. Послѣ фотографированія гробъ былъ снова внесенъ въ церковь и отслужена была обѣдня. Позже, отслужена панихида, послѣ которой гробъ снова поставленъ былъ на дроги и повезенъ на пароходъ, чтобы назавтра (8-го мая) рано плыть въ Каневъ и тѣмъ исполнить завѣщаніе поэта... Этимъ завѣщаніемъ, впрочемъ, не была та предсмертная будто бы воля Тараса Григорьевича, о которой разсказываетъ М. К. Чалый въ своей книжкѣ—„Жизнь и произведенія Тараса Шевченка". Здѣсь (стр. 191) говорится, „что *присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ жизни поэта Грицько Честаховскій, заявилъ* (при рѣшеніи вопроса—гдѣ хоронить), *что на предложенный имъ умирающему вопросъ: гдѣ похоронить его? онъ отвѣчалъ: „въ Каневъ"*. Но—мы хорошо помнимъ, что Честаховскій „при послѣднихъ минутахъ жизни поэта" не находился, да если бы и находился, то у него, въ виду предсмертныхъ страданій Тараса Григорьевича,[1]) не хватило бы духу спрашивать умирающаго о мѣстѣ похоронъ. Хорошо также знаемъ, что никакого завѣщанія, ни письменнаго, ни словеснаго, Тарасъ Григорьевичъ о мѣстѣ своего погребенія не оставлялъ, а мысль его друзей о погребеніи тѣла умершаго около Канева (гдѣ поэтъ собирался строить себѣ „хату") основана была лишь на поэтическомъ завѣщаніи:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могылы,
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучій...

Вотъ это то завѣщаніе страстно желая исполнить, Г. Н. Честаховскій и говорилъ о предсмертной будто бы волѣ поэта...

---

[1]) Мы видѣли Тараса Григорьевича болѣе чѣмъ за полсутокъ до его смерти, и тогда уже эти страданія были ужасны отъ бросившейся въ легкія водянки.

12. В. Гульдманъ. Населенныя мѣста Подольской губерніи. (Алфавитный перечень населенныхъ пунктовъ губерніи, съ указаніемъ нѣкоторыхъ справочныхъ о нихъ свѣдѣній). Каменецъ-Подольскій. 1893. 8 д. II+IV+636 стр.

Въ шестидесятыхъ годахъ Центральный Статистическій Комитетъ М—ва Вн. Дѣлъ предпринялъ было черезвычайно полезное изданіе—«Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», для каждой губерніи отдѣльно. Списки состояли изъ девяти графъ, при чемъ въ 1-й, обозначался № по порядку, во 2-й—названіе населеннаго мѣста, въ 3-й—обозначеніе при какой водѣ оно находится, въ 4-й и 5-й, разстояніе отъ губ. города (городовъ) и отъ уѣзднаго города и становой квартиры (для селъ, деревень и проч.), въ 6-й—число домовъ или дворовъ (для селъ, деревень и проч.), въ 7-й и 8-й—число жителей, мужч. и женщ., и въ 9-й—число церквей и другихъ молитвенныхъ зданій всѣхъ вѣроисповѣданій, учебныя и промышленныя заведенія, ярмарки, базары, пристани.—Населенныя мѣстности распредѣлены были въ книгѣ по уѣздамъ, а затѣмъ, въ уѣздѣ, они размѣщались по дорогамъ и рѣкамъ. Въ концѣ книги помѣщался общій алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей губерніи, съ указаніемъ номера по «Спискамъ».

Изданіе «Списковъ» было начато въ 1861 г., когда напечатаны были списки губерній Архангельской, Астраханской и Бессарабской, но затѣмъ, съ 1862 г., списки стали появляться уже не въ азбучномъ порядкѣ, а въ случайномъ. Къ концу шестидесятыхъ годовъ было напечатано около двадцати пяти губерній, но затѣмъ изданіе это почему то остановилось. Кромѣ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерній, не были напечатаны «Списки» губерній: сибирскихъ, кавказскихъ, прибалтійскихъ, сѣверозападныхъ и юго западныхъ. Такимъ образомъ, не имѣется этого изданія «Списковъ» и для губерній:—Кіевской, Волынской и Подольской. Отсутствіе списковъ населенныхъ мѣстъ этихъ трехъ губерній чувствуется, между прочимъ, и при занятіяхъ научныхъ. Извѣстно, что Лѣвобережная Малороссія была колонизована, въ XVI и XVII вв., преимущественно выходцами изъ кіевской Украины, Волыни и Подоліи, которые переселяясь съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, очень нерѣдко переносили съ собою и названія своихъ родныхъ селъ. Впослѣдствіи, населеніе Лѣвобережной Малороссіи подвинулось далѣе на востокъ, перенося и туда, въ слободскую Украину, названія тѣхъ селъ, изъ которыхъ уходили эти переселенцы... Уже при

изслѣдованіяхъ одного этого движенія, правобережныхъ выходцевъ на лѣвый берегъ и далѣе, чувствуется настоятельная потребность въ подробныхъ и точныхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края. Для Кіевской губерніи недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени, впрочемъ, восполнялся книгою Похилевича («Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи») и тѣмъ алфавитнымъ спискомъ населенныхъ мѣстъ этой же губерніи, который, лѣтъ десять назадъ, началъ печататься кіевскимъ губ. статист. комитетомъ при спискѣ кіевскихъ чиновниковъ. Но для губерній Подольской и Волынской всѣ данныя по этому предмету ограничивались частичными свѣдѣніями, которыя находятся въ Трудахъ Комитета для ист. стат. опис. Подольск. епарх.» и—въ печатающейся книгѣ г. Теодоровича—«Истор.-стат. опис. церквей и приходовъ Волынской епархіи.» (Почаевъ, 1888 и слѣд. г.г.) Съ появленіемъ книги г. Гульдмана, казалось, недостатокъ этотъ для Подольской губ. восполняется, но при ближайшемъ знакомствѣ съ этой работой приходится разочароваться... Дѣло въ томъ. что составитель этой книги, какъ будто и не слыхалъ о «Спискахъ Центр. Стат. Комитета» (въ предисловіи—о нихъ не упоминается) и свои списки населенныхъ мѣстъ напечаталъ въ такомъ видѣ, который испортилъ всю книгу. Всѣ населенныя мѣста губерніи въ книгѣ г. Гульдмана исчислены, въ азбучномъ порядкѣ, съ такими о нихъ свѣдѣніями, напр.,—„Ярославка, село летичевскаго уѣзда, меджибожской волости. 145 дворовъ, жителей 1193 д. об. пола, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 24 верстахъ и мѣстонахожденія волостнаго правленія въ 9. Ближайшая почтовая станція (куда адресуется корреспонденція) м. Меджибожъ (9 в.); ближайшая земская станція Меджибожъ (9 в.); ближайшая желѣзнодорожная станція—Деражня (25 в.); попутная къ губернскому городу м. Меджибожъ (9 в.). С. Ярославка находится во второмъ станѣ, въ 6-мъ урядническомъ участкѣ, во 2 уч. судебно-мирового округ. (мир. судьи), въ 1-мъ участкѣ мир. посредника и во 2-мъ участкѣ судебнаго слѣдователя."

Сколько здѣсь—лишнихъ словъ и ненужныхъ свѣдѣній! Всѣ свѣдѣнія о томъ, въ какомъ участкѣ (судебн. слѣд., мир. посред. и урядн.) находится то или другое населенное мѣсто, (въ томъ числѣ и корчмы съ населеніемъ «въ 4 д. об. пола»), совершенно излишни, такъ какъ жителю даннаго поселенія эти свѣдѣнія извѣстны, а если и неизвѣстны, то онъ справится о нихъ не по книгѣ г. Гульдмана, а для иносельцевъ, могущихъ имѣть книгу г. Гульдмана подъ рука-

ми, свѣдѣнія эти окажутся нужными лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при чемъ, при повторяющемся измѣненіи границъ того или другого участка, свѣдѣнія эти быстро старѣютъ и тогда становятся уже совершеннымъ баластомъ. Къ такимъ-же ненужнымъ свѣдѣніямъ должны быть отнесены и свѣдѣнія о разстояніи населеннаго мѣста отъ ближайшей земской станціи и отъ «попутной къ губернскому городу.» Затѣмъ, если бы населенныя мѣстности были перечислены въ такихъ графахъ, какія приняты въ «Спискахъ» Центр. Стат. Комит., то не пришлось-бы составителю называть тотъ или другой уѣздъ *столько разъ, сколько въ уѣздѣ населенныхъ мѣстъ*!—Загромоздивъ свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ ненужнымъ баластомъ, г. Гульдманъ не сообщаетъ при нихъ главнаго топографическаго признака каждаго населенія—названія воды, при которой послѣднее расположено; въ книгѣ г. Гульдмана видимъ полное умолчаніе о рѣкахъ и рѣчкахъ, при которыхъ расположены подольскія села, и отъ того весь этотъ перечень населенныхъ мѣстъ является туманнымъ: на картѣ приходится искать эти „мѣста" ощупью, слѣдуя отъ одного села къ другому, тогда какъ при указаніи рѣки, послѣдняя и служила-бы маякомъ. Нѣтъ въ книгѣ г. Гульдмана также указанія—церквей, ярмарокъ, заводовъ и другихъ свѣдѣній, которыя конечно нужнѣе и важнѣе свѣдѣній объ урядническихъ участкахъ... Затѣмъ, въ книгѣ г. Гульдмана видится такая странность: хуторà—показаны (стр. 509—531) не подъ собственными своими названіями, а подъ словомъ *хуторъ*, гдѣ и находимъ, въ азбучномъ порядкѣ,—Андріевку, Андріецъ, Бабу, Березину и т. д. Но при этомъ *не всѣ* хутора г. Гульдманъ перечисляетъ подъ словомъ хуторъ; у него есть хутора, которые въ азбучномъ порядкѣ занимаютъ и самостоятельное мѣсто, напр., Костельный хуторъ (стр 223) Кохманъ хут. (224), Кругой Яръ (234), Липняки (257) и т. д. Почему одни хутора указаны подъ общимъ словомъ хуторъ, а другіе отдѣльно—неизвѣстно. Очень неопредѣленны названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстъ, напр.—дача, односелье, ферма, выселокъ, слободка, поселокъ... Удобнѣе было г. Гульдману принять общую номенклатуру населенныхъ мѣстъ—селà, деревни, хутора; а если онъ пожелалъ ввести—особую, мѣстную, то долженъ былъ дать поясненія къ ней. Неправильно, по нашему мнѣнію, г. Гульдманъ поотдѣлялъ отъ мѣстечекъ ихъ предмѣстія («Ляпинцы»—предмѣстье м. Чернаго Острова), а отъ селъ—ихъ «приселки» („Ластенія"—приселокъ с. Сивороги), такъ какъ это такія части того или другого „насел. мѣста", которыя составляютъ

одно цѣлое, причемъ отдѣльныя названія этихъ предмѣстій и приселковъ явились вслѣдствіе значительности поселенія, которое, по этому, потребовало особыхъ названій для нѣкоторыхъ своихъ частей, какъ требуетъ особаго названія та или другая улица города ...

Вообще книга г. Гульдмана является работою, сдѣланною безъ обдуманнаго плана, загроможденною никому ненужными свѣдѣніями, въ родѣ „попутныхъ станцій", и не имѣющею свѣдѣній необходимыхъ, напр.—указанія воды. Приходится пожалѣть о потраченныхъ на изданіе средствахъ, и, попрежнему, ожидать—списковъ населенныхъ мѣстъ Подольской губерніи въ томъ видѣ, въ какомъ они нужны какъ для дѣловыхъ, такъ и для научныхъ справокъ.

---

13. Записка о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ.

(1818—1822 г.г.).

Вигель, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ о сыновьяхъ гетмана Разумовскаго, что „всѣ они воспитаны были заграницею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворѣ и несносные внѣ его аристократы". Къ этому отзыву Васильчиковъ добавляетъ („Семейство Разумовскихъ", II, 44), что старшій изъ сыновей гетмана—Алексѣй Кириловичъ „былъ гордыни непомѣрной... Гордый въ отношеніи къ постороннимъ, Разумовскій былъ суровъ въ кругу своего семейства. Правда, что подроставшіе сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ, а главное долгами. Деньги—это было самое больное его мѣсто. Дѣла по хозяйству шли крайне плохо, на расходы по постройкамъ и роскошныя затѣи часто не хватало средствъ... Графъ хандрилъ, подозрительно относился къ самимъ близкимъ людямъ, вѣчно жаловался, вѣчно былъ недоволенъ"....

Какъ извѣстно, Ал. К. Р—ій, долго уклонявшійся отъ службы, въ 1807 г. былъ назначенъ попечителемъ московскаго университета и округа, а въ 1810 г.—министромъ просвѣщенія.

Послѣ шестилѣтней неохотной службы на министерскомъ посту, Р—ій въ 1816 г. вышелъ въ отставку, оскорбленный принятыми правительствомъ мѣрами противъ іезуитовъ, которымъ министръ просвѣщенія покровительствовалъ въ ихъ школьной дѣятельности.—Первые два года, послѣ отставки, Р—ій провелъ въ Москвѣ и въ своемъ подмосковскомъ имѣніи Горенкахъ, извѣстныхъ чудесными оранжереями, стоившими сотни тысячъ.... Затѣмъ, лѣтомъ 1818 г. Р—ій со всею своею семьею („Сем. Разум.", II, 110) переѣхалъ въ Малороссію и поселился въ м. Почепѣ, мглинскаго уѣзда. Здѣсь у Р—аго былъ дворецъ, представлявшій собою, по отзыву его доктора, нѣмца Гуна, „великолѣпное каменное зданіе необъятнаго простора"... Въ этомъ дворцѣ Р—ій прожилъ до своей смерти, въ апрѣлѣ 1822 г.

Въ печатаемой здѣсь „Запискѣ" разсказано—какъ жилъ эти четыре года въ Малороссіи Ал. К. Р—ій, какъ онъ умеръ и какъ былъ дважды похороненъ, сначала въ Почепѣ, а потомъ—въ Новгородсѣверскѣ. „Записка" составлена въ 1869 г. и заключаетъ въ себѣ воспоминанія одного изъ дворовыхъ крестьянъ Р—аго, Н. Ш—ка, состоявшаго „главнымъ письмоводителемъ дѣлъ" почепской администраціи. Записку эту, въ копіи, получили мы отъ одного нашего знакомаго изъ мглинскаго уѣзда, печатаемъ здѣсь съ нѣкоторыми необходимыми пропусками, обозначенными точками. Воспоминанія изложены по просьбѣ сына ихъ автора, который при этомъ написалъ отцу вопросы; изъ отвѣтовъ на послѣдніе, *по пунктамъ*, и составилась „Записка". Интересъ послѣдней заключается, какъ въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ чертахъ къ біографіи Ал. К. Р—аго, такъ и въ любопытныхъ, хотя и коротенькихъ, свѣдѣніяхъ о его наслѣдникахъ.

---

1. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій родился въ 1748 году. Былъ, сколько мнѣ извѣстно, попечителемъ московскаго учебнаго округа и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія и членомъ государственнаго совѣта. Умеръ въ м. Почепѣ, апрѣля 5 дня, 1822 года.

Графъ пріѣхалъ изъ Москвы въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Въ это время былъ въ Почепѣ управляющимъ надворный совѣтникъ Башинскій, а я письмоводителемъ. Жители м. Почепа встрѣтили графа при въѣздѣ въ Почепъ, поздравили съ пріѣздомъ и поднесли хлѣбъ-соль.—Его сіятельство, поблагодаривъ за это, сказалъ: „я давно съ вами не видался“ и изъявилъ желаніе видѣть ихъ въ домѣ. Поэтому человѣкъ до 40 изъ нихъ отправились въ домъ. Графъ принялъ ихъ въ залѣ, разговаривалъ съ ними часа два о дѣлахъ коммерческихъ и, наконецъ, пожелавъ добраго въ нихъ успѣха, отпустилъ ихъ.

О пріѣздѣ графа въ Почепъ дано знать почепскому волостному правленію въ концѣ декабря 1817-го года, и съ января 1818 года начали отправлять изъ московскаго дома въ почепскій—людей служащихъ въ домѣ и разныя вещи въ такомъ значительномъ количествѣ, что платежъ наемнымъ извощикамъ составлялъ въ каждый мѣсяцъ до 7 т. руб. и болѣе, ассигнаціями, сумму по тогдашнему времени довольно значительную.

2. Для пріѣзда графа нарочитыхъ приготовленій въ почепскомъ домѣ не было.

3. Почепскій домъ, куда графъ пріѣхалъ, во всякое время былъ содержимъ, какъ снаружи, такъ и внутри, въ наилучшей исправности и въ порядкѣ, и былъ снабженъ всякою приличною мебелью въ достаточномъ количествѣ, такъ что не было надобности дѣлать въ немъ какія либо вновь украшенія.

4. Графъ на другой годъ пріѣзда своего въ м. Почепъ, 1819 года весною, выѣхалъ въ полтавское имѣніе свое м. Яготинъ и, пробывъ тамъ все лѣто, возвратился въ Почепъ въ половинѣ ноября мѣсяца.

Въ Яготинѣ гостили у графа родные изъ Полтавы—военный губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ и супруга его Варвара Алексѣевна съ дѣтьми, и, изъ С.-Петербурга, Сергій Семеновичъ Уваровъ и супруга его Екатерина Алексѣевна, и многіе другіе господа. Изъ Яготина графъ и всѣ эти гости ѣздили въ Ромны на Ильинскую ярмарку. Возвратясь

изъ Роменъ въ Яготинъ, всѣ гости разъѣхались въ свои мѣста. Объ этомъ писали въ газетахъ.

Того-же 1819 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, графъ учредилъ въ м. Почепѣ вмѣсто волостнаго правленія—главное правленіе, куда доставляемы были и денежныя суммы отъ всѣхъ имѣній малороссійскихъ: почепскаго, шептаковскаго, яготинскаго и андреевскаго, и великорусскихъ: ершовскаго и аркадакскаго, составлявшихъ 53/т. душъ мужескаго пола. Денежныя суммы эти, исключая суммы, которая поступала отъ почепскаго имѣнія и которою распоряжалось правленіе, хранимы были въ особомъ желѣзномъ сундукѣ, подъ названіемъ кабинетныя. Изъ нихъ ни одна копѣйка не могла поступить въ расходъ иначе, какъ по письменному повелѣнію графа. Объ этихъ кабинетныхъ суммахъ, о приходѣ и расходѣ, представляемы были графу еженедѣльныя и мѣсячныя вѣдомости, и въ этомъ главномъ правленіи графу угодно было тогда-же, при учрежденіи онаго, опредѣлить меня главнымъ письмоводителемъ дѣлъ. Служеніе мое въ этой должности кончилось вмѣстѣ съ кончиною графа, послѣдовавшею, какъ выше объяснено, апрѣля 5 дня 1822 года.

5. Графъ пріѣхалъ въ Почепъ тогда, когда прибыли изъ Москвы въ Почепъ обозы съ людьми и вещами, выше, въ 1-мъ пунктѣ упомянутые. Съ нимъ пріѣхали докторъ, французъ Бонгарде, секретарь старикъ Сорока....

6. Для графа въ Почепѣ приготовленъ былъ въ домѣ весь главный большой корпусъ..... Убранство вновь въ этомъ домѣ заключалось въ томъ только, что поставлена была по личному указанію графа—мебель, привезенная изъ Москвы.

Графъ, какъ выше объяснено, пріѣхалъ въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Послѣ этого, съ 1819 года и до кончины своей, онъ былъ всегда, можно сказать, „въ тяжкихъ заботахъ; неурожай сряду три года, 1819, 1820 и 1821, поставилъ жителей здѣшняго края въ горестное положеніе. Запасы хлѣбные и другіе повсюду истощились. Цѣны на хлѣбъ дошли до 5 р. за пудъ ассигнаціями. Поселяне питались древесною корою, соломою, взятою съ крышъ и истертою въ порошокъ, и тому подобнымъ; словомъ и поселяне, и помѣщики находились

въ самомъ горестномъ, плачевномъ состояніи. Касательно крестьянъ графу принадлежащихъ: изъ нихъ въ почепской и шептаковской волостяхъ было такихъ, которые требовали пособія въ пропитаніи до 40 т. душъ обоего пола, всякаго возраста. Продовольствіе ихъ личною заботою о семъ графа было обезпечено. По личному распоряженію его—хлѣбъ озимый и яровой покупали въ Курскѣ и Орлѣ, съ поставкою продавцовъ. Сверхъ сего, доставляли изъ имѣній графа, какъ то: яготинской, въ полтавской губерніи состоящей волости, и доставляли въ огромномъ количествѣ изъ саратовской и пензенской—ершовской волостей до г. Орла; тутъ въ нанимаемыхъ графомъ, при содѣйствіи тамошняго губернскаго начальства, магазинахъ ссыпали; и изъ Орла на наемныхъ подводахъ доставляли въ почепскую и шептаковскую волости, и раздавали крестьянамъ для продовольствія и на осѣменені е полей. Удовлетвореніе такихъ необходимыхъ нуждъ человѣческихъ графу стоило до милліона рублей. Другіе дѣлать этого не могли. Изъ сего краткаго извлеченія видно, что графъ въ лѣтахъ преклонныхъ, пріѣхавшій въ малороссійскія имѣнія свои для покоя,—тутъ не покоился, а былъ тяжко обремененъ заботами.....

7. Графъ во всякое время года, въ хорошую погоду выѣзжалъ для прогулки въ большой, такъ называемый верхній, садъ и въ Рѣчицкій, вблизи Почепа состоящій, хуторъ, тутъ бывалъ на скотномъ дворѣ, гдѣ находилси отличный, голландской породы, рогатый скотъ.....

8. Графъ тогда, когда пріѣхалъ въ Почепъ былъ лѣтъ 70-ти, но еще стройный, роста высокаго, съ выразительнымъ, серьезнымъ и, вмѣстѣ съ чѣмъ спокойнымъ и пріятнымъ лицомъ. У меня имѣется его портретъ, нарисованный такимъ, какимъ онъ былъ въ Почепѣ. Жизнь графа была всегда строгая, трезвая, аккуратная. Графъ обѣдалъ въ три часа пополудни..... и не ужиналъ.

9. Графъ послѣ обѣда не спалъ; ложился въ 12 часовъ вечера и вставалъ поутру рано.

10. У графа бывали вечера домашніе, въ залѣ нижняго этажа; на хорахъ играла духовая музыка, принадлежавшая ге-

нералъ-маіору Денисьеву, и пѣла графская пѣвчая,—отличная.. Собственной музыки у графа не было.

11. У графа бывали въ Почепѣ: малороссійскій военный губернаторъ князь Репнинъ, полтавскій и черниговскій гражданскіе губернаторы и полтавскій губернскій предводитель дворянства, извѣстный поэтъ Василій Васильевичъ Капнистъ, который гостилъ у графа мѣсяца по два и болѣе, и съ этимъ графъ любилъ бесѣдовать и прогуливаться, въ экипажѣ и пѣшкомъ....

12. Графа почаще навѣщалъ и болѣе другихъ гостилъ у него г. Капнистъ.

13. Свита графа состояла изъ лицъ выше, въ 5-мъ пунктѣ прописанныхъ.

14. . . . .

15. Графъ любилъ заниматься и занимался управленіемъ имѣніями по всѣмъ ихъ частямъ.....

16. Имѣнія, входившія во владѣнія графа: черниговской и полтавской губ.—волости: почепская, шептаковская, яготинская и андреевская—33.333 душъ м. п.; россійскія:—саратовской губ.—аркадакская, и пензенской губ.—ершовская, и часть въ московской губ., до 20 000 душъ м. п. Сверхъ сего, домà въ Москвѣ—на Гороховомъ-Полѣ, въ Горенкахъ, здѣсь и извѣстный Европѣ ботаническій садъ, домъ въ Петербургѣ, съ огромной библіотекою.

17. Имѣнія графа по кончинѣ его поступили, по духовному завѣщанію, двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу и по дарственнымъ актамъ, за годъ до кончины графа сдѣланнымъ, двумъ дочерямъ, княгинѣ Репниной и Уваровой, и г.г. Перовскимъ.

18. Графъ ходилъ въ церковь каждое воскресенье и праздничные дни, исключая изъ нихъ такіе дни, въ которые чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. Пѣвчіе у него были отлично хорошіе. Хоромъ пѣвчихъ дирижировалъ вольнонаемный изъ Москвы какой-то Абросимовъ. Графъ молился такъ, какъ молится всякій добрый христіанинъ Всякій великій постъ говѣлъ, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ, и отъ другихъ, у

него служившихъ, того требовалъ. Духовникомъ у графа былъ въ Почепѣ протоіерей Крыловскій, которому, по завѣщанію графа, выдано пять тысячъ руб. ассигнаціями.

19. Мнѣ неизвѣстно чѣмъ болѣзнь графа обнаружилась въ первый разъ.

20. Графъ почувствовалъ себя нездоровымъ въ мартѣ 1822 года, о чемъ отправлена была эстафета съ извѣстіемъ въ Полтаву княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Репниной, и она вскорѣ прибылъ въ Почепъ. Графъ будучи нездоровымъ, еще ходилъ и занимался...... составленіемъ духовнаго завѣщанія. Въ этомъ завѣщаніи, подписанномъ графомъ въ мартѣ 1822 года, сдѣлано назначеніе двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу такихъ имѣній, которыя оставались никому не отписанными, и сдѣлано распоряженіе о платежѣ долговъ. О погребеніи графъ завѣщалъ такъ: „похоронить меня просто, по христіанскому обряду; сумму, которая потребовалась-бы на пышное меня погребеніе, исчисливъ,—роздать нищимъ". Въ этомъже завѣщаніи сказано, что воля его, графа, кого отпустить на свободу,—извѣстна одному изъ его наслѣдниковъ. Назначенные на волю люди слѣдующіе: а) почепскаго главнаго правленія—главный письмоводитель Никифоръ Ш., конторщики: б) шептаковскій—Григорій Аршуковъ, в) ершовскій—Матвѣй Гусевъ, г) аркадакскій—Данило Варапаевъ и д) московскій—Василій Охотниковъ, ж) кабинетный писарь—Андрей Тарасеновъ; з) архитекторъ—Никифоръ Григоровичъ, и) камердинеръ—Дмитрій Кубаревъ, і) оффиціантъ—Дмитрій Минтюковъ, к) лакей—Погараздовъ, л) поваръ—Давидъ Асадчій, съ ихъ семействами. Графъ въ силахъ слабѣлъ; при немъ было три доктора: домашній—французъ Бонгарде, изъ Полтавы привезенный княгинею Репниной, и третій, занимавшійся по имѣніямъ, Чайковскій. 26-го марта графъ легъ въ постель и уже не вставалъ и, будучи еще въ полномъ разсудкѣ, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Тайнъ, и потомъ приказалъ читать псалтырь. Два чтеца попеременно читали, днемъ и ночью, такъ, какъ было ему угодно. Графъ лежа слушалъ чтеніе псалтыря и это продолжалось шесть дней. Перваго числа апрѣля чтеніе остановили.

Графъ слабѣлъ. 5 числа въ 1-мъ часу пополуночи я вышелъ изъ правленія, зашелъ въ домъ, чтобы узнать о здоровьи графа,—мнѣ сказали, что ему дѣлается легче, и я отправился въ квартиру; послѣ этого, прошло часа два, ко мнѣ пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ козакъ и сказалъ: „графъ умеръ, пожалуйте въ верхъ, васъ спрашиваютъ". Вѣсть эта сильно поразила меня, я въ ту-же минуту отправился въ домъ, взошелъ въ верхъ и въ гостинную графа. Здѣсь встрѣтилъ меня князь Баратовъ, находившійся при князѣ Репнинѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и сказалъ:—„графъ умеръ, мы лишились своего благодѣтеля,—въ главномъ правленіи хранятся кабинетныя суммы,—распорядитесь, чтобы онѣ были цѣлы". Въ эту минуту дверь изъ гостинной въ спальню была отворена и мнѣ представилась ужасная картина. Умершій графъ лежалъ на кроватѣ, на которой онъ всегда почивалъ, вокругъ него стояли на колѣняхъ, рыдая, его родные...... Изъ гостинной я оправился въ правленіе, призвавъ кого слѣдовало, отдалъ надлежащія приказанія и опять отправился въ домъ. Тѣло графа вынесено было изъ спальни и положено на скамейкѣ, прилично убранной, въ гостинной, гдѣ находилось пока сдѣланы были гробъ и, въ залѣ нижняго этажа, катафалкъ...... Гробъ былъ сдѣланъ краснодеревцемъ Бардаковымъ изъ ольховыхъ досокъ и обитъ матеріею темно-вишневаго цвѣта. Тѣло графа положено было въ этотъ гробъ, перенесено въ залу и поставлено на приготовленномъ катафалкѣ, гдѣ и находилось оно три дня; на четвертый день, 8 числа апрѣля, въ 11 часу по утру, при пѣніи пѣвчихъ, въ присутствіи духовенства: духовника протоіерея Крыловскаго, до 30 священниковъ и родныхъ: княгини Варвары Алексѣевны Репниной и друг... тѣло покойнаго графа снято было съ катафалка и перенесено въ церковь; началась обѣдня, послѣ обѣдни—большая панихида, затѣмъ прощаніе и погребеніе въ церквѣ, въ приготовленномъ заблаговременно склепѣ. Я удостоился нести къ погребенію и погребать великаго благодѣтеля своего, знаменитаго вельможу. Съ той минуты, когда тѣло графа поставлено было въ залѣ, на катафалкѣ, и до погребенія, трудно было проходить между людей, приходившихъ со

слезами поклониться тѣлу покойнаго благодѣтельнаго вельможи. Съ того дня, въ который совершено погребеніе графа, началось чтеніе, на могилѣ его, псалтыря и продолжалось оное въ теченіи всего года днемъ и ночью, нанятыми для сего людьми. О болѣзни, предсмертной жизни и кончинѣ графа писано было въ газетахъ... Изъ дому разныя вещи, лошади, экипажи и пѣвчая были отправлены въ Яготинъ. Люди, служившіе въ домѣ, отправлены въ имѣнія, къ коимъ они приписаны; остались въ немъ—дворецкій и нѣсколько человѣкъ, и въ домѣ на мѣстѣ блеска водворилась скучная тишина. Я оставался въ Почепѣ и занимался въ правленіи.

Послѣ кончины графа, спустя семнадцать слишкомъ лѣтъ, когда Почепъ находился уже во владѣніи графа Клейнмихеля, дочь графа, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, просила правительство о разрѣшеніи прахъ родителя ея перевезти изъ Почепа въ Новгородсѣверскій монастырь, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Вслѣдствіе сего г. Уваровъ, извѣщая меня о томъ, предписалъ, въ іюлѣ 1839 года, сдѣлать надлежащія къ тому приготовленія и ожидать присылки отъ княгини Репниной чиновника. Посему сдѣланы были мною слѣдующія приготовленія:

а) Такъ какъ тѣло графа положено и погребено въ гробѣ деревянномъ, находящемся въ склепѣ семнадцать слишкомъ лѣтъ, то сдѣланъ изъ прочныхъ, толстыхъ, дубовыхъ досокъ ковчегъ,—гробъ такой мѣры, чтобы тотъ гробъ, въ которомъ положено тѣло графа, удобно было уложить въ немъ. Ковчегъ облитъ нарочито сваренною смолою, обитъ внутри приличною матеріею, а снаружи чернымъ бархатомъ, и на немъ, въ приличныхъ мѣстахъ, вышиты изъ серебряннаго бѣлаго позумента кресты. б) Для людей, которые были при превозкѣ графа—траурныя одѣянія. в) Дроги, на которыхъ везенъ былъ гробъ, и лошади. г) Факелы, еслибы случилось быть въ дорогѣ поздно вечеромъ. д) Разная провизія для дороги. е) Приглашенъ духовникъ покойнаго графа протоіерей Крыловскій, съ причтомъ, въ дорогу. ж) Приготовленъ въ Новгородсѣверскѣ, въ монастырѣ, въ большой церквѣ, склепъ. з) Въ Новгородсѣверскомъ мона-

стырѣ разная провизія, напитки, приличное столовое бѣлье и посуда, для пріема духовенства и другихъ лицъ, послѣ погребенія праха графа. и) Приглашенъ архимандритъ и духовенство монастыря, для встрѣчи и служенія. і) Сдѣлано въ Новгородсѣверскомъ совѣщаніе съ городничимъ и директоромъ гимназіи на счетъ встрѣчи праха графа. к) Приглашена въ Новгородсѣверскомъ гимназическая пѣвчая, которою и дирижировалъ старшій учитель гимназіи Самчевскій.

Все было приготовлено и чиновникъ отъ княгини, г. Василевскій, пріѣхалъ. 27 ч. іюля 1839 года вошли въ подвалъ церкви къ склепу, въ которомъ покоился прахъ графа и который въ подвалѣ представляетъ видъ кирпичной печи, какія дѣлаются въ комнатахъ, прорубили съ боку двери. Собралось со всего Почепа духовенство и народъ, отслужили панихиду и, затѣмъ, я первый вошелъ въ склепъ и, съ помощью привезеннаго мною изъ Баклани Дмитрія Сем. Іонова, подняли гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ мѣстѣ, отслужили вечерню и панихиду,—разошлись по домамъ. Гробъ и матерія, которой онъ былъ обитъ, оказались нисколько не поврежденными; на матеріи только замѣтны пятна отъ извести, падавшей сверху при задѣлкѣ склепа. Гробъ легокъ такъ, какъ бы въ немъ ничего не было. На другой день отслужили заутреню и панихиду, послѣ сего внесли въ церковь сказанный ковчегъ, отслужили обѣдню и большую панихиду, вложили гробъ въ ковчегъ, покрыли чернымъ сукномъ, вынесли изъ церкви, поставили и укрѣпили на рессорныхъ дрогахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, и тронулись въ путь, въ сопровожденіи духовника графа протоіерея Крыловскаго, дьякона, дьячка и другихъ многихъ лицъ изъ служившихъ покойному графу. Стеченіе людей, не только изъ Почепа, но и съ окрестныхъ селеній, было чрезвычайно большое.—Всѣ они провожали прахъ графа за Почепъ, не ближе трехъ верстъ, и весьма многіе изъ нихъ плакали, выговаривая: „ты нашъ былъ отецъ". Того-же дня прибыли въ Баклань, при закатѣ солнца. тутъ остановились возлѣ церкви и, отслуживъ панихиду,—ночевали. На другой день, остлуживъ панихиду, от-

правились въ путь чрезъ Погаръ, гдѣ останавливались три раза вблизи церквей для служенія панихидъ. Обѣдъ и отдыхъ людямъ и лошадямъ былъ на Ворѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Погара. Отсюда, проѣхавъ чрезъ м. Гремячь, отслужа возлѣ церкви панихиду, ночевали въ Слободѣ Каменской, куда, какъ было вечеромъ и темно, вошли съ факелами и служили панихиды. На другой день, выѣхавъ изъ слободы, остановились, на обѣдъ и отдыхъ людей и лошадей, въ селѣ Мамекинѣ; изъ этого села отправили въ Новгородсѣверскъ нарочнаго съ извѣстіемъ г. директора гимназіи, городничаго, архимандрита и протоіерея, по предварительномъ о томъ мною съ ними совѣщаніи. Когда выѣхали изъ Мамекина, не доѣзжая до Новгородсѣверска версты полторы, встрѣтило духовенство: протоіерей законоучитель гимназіи Ленчевскій и до [illegible] священниковъ съ причетниками и городничимъ, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужили панихиду. Не доходя гимназіи за $^{1}/_{2}$ версты, встрѣтили: директоръ, всѣ учителя и ученики гимназіи, и съ ними гимназическая пѣвчая. Когда прошли гимназію, не доходя до монастыря саж. за сто,—встрѣтилъ архимандритъ со своимъ духовенствомъ и, наконецъ, когда остановились у монастырскихъ воротъ, люди, приготовленные г. городничимъ, сняли въ дрогъ гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ заблаговременно мѣстѣ. Отслужили вечерню и разошлись по домамъ, на ночлегъ. На другой день, 31-го іюля, рано по утру, служилъ заутреню архимандритъ; затѣмъ, спустя часа 3, онъ же совершалъ литургію въ присутствіи вышеупомянутыхъ, принимавшихъ участіе во встрѣчѣ, лицъ и пѣвчей, при многочисленномъ стеченіи господъ и народа. Послѣ литургіи служили большую панихиду и потомъ произнесены были рѣчи: протоіеремъ Ленчевскимъ и учителемъ гимназіи; наконецъ, совершено погребеніе въ церкви, въ склепѣ. Затѣмъ—обѣдъ въ залѣ архимандрита. На обѣдѣ были: архимандритъ, духовенство, директоръ, учители гимназіи, городничій и разные значительные господа до 50 душъ. Вскорѣ послѣ сего и памятникъ, перевезенный изъ Почепа въ Новгородсѣверскъ, поставленъ на могилѣ графа.

И такъ, я два раза погребалъ своего великаго благодѣтеля. Миръ праху твоему, благодѣтельный мужъ!

Милости и благодѣянія, которыя оказывалъ мнѣ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, во всю жизнь мою, не могутъ изгладиться изъ благодарной моей памяти.—

Относительно служенія моего графу Алексѣю Кирилловичу и, по кончинѣ его, дочерѣ его, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея Сергію Семеновичу Уварову.

Служеніе мое графу я проходилъ такимъ образомъ.—1810 г. въ апрѣлѣ, я, бывшимъ въ то время управляющимъ почепскою волостью, маіоромъ Тимоновымъ, опредѣленъ въ почепское волостное правленіе къ письменнымъ дѣламъ, и утвержденъ повелѣніемъ графа января 20-го, 1811 г., за № 28-мъ, (въ подлинникѣ у меня хранящимся). Тутъ служилъ я по 15-е іюня 1813 г. Этого 15 ч. іюня прибылъ въ м. Почепъ, принятый графомъ главноуправляющимъ надъ всѣми малороссійскими имѣніями, составлявшими почепскую, шептаковскую, яготинскую и андреевскую волости, заключавшими въ себѣ 33.333 д. м. п., орловской губ. помѣщикъ Тимоновъ, и графу угодно было назначить меня къ нему письмоводителемъ, и тутъ служилъ я 4½ года. Въ концѣ 1817 г. Тимоновъ уволенъ и я занималъ въ почепскомъ волостномъ правленіи должность письмоводителя, до учрежденія въ м. Почепѣ, въ 1819 году, главнаго правленія, гдѣ служилъ я, какъ выше объяснено, главнымъ письмоводителемъ или правителемъ дѣлъ до кончины графа, всего 12 лѣтъ.

Служеніе мое г. г. Уваровымъ началось, продолжалось и кончилось такъ: послѣ съѣзда въ Москву наслѣдниковъ графа для раздѣла, пріѣхалъ изъ Москвы въ Почепъ, въ іюнѣ 1822 г., г. Уваровъ и, зная обо мнѣ изъ переписки, обратился ко мнѣ и распрашивалъ у меня о дѣлахъ до бакланской и машевской экономій относящихся, и поручилъ мнѣ, на основаніи акта, даннаго отъ покойнаго графа супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ, просить о вводѣ во владѣніе сихъ экономій, и я исполнилъ это такъ, что онъ былъ доволенъ и изъявилъ мнѣ свою

благодарность. Между тѣмъ, писалъ онъ княгинѣ Репниной, чтобы я допущенъ былъ въ кабинетъ покойнаго графа—отобрать и принять въ немъ бумаги, до тѣхъ экономій относящіяся, на что послѣдовало отъ княгини Репниной согласіе, и я таковыя бумаги въ кабинетѣ принялъ и доставилъ г. Уварову. Въ тоже время онъ изъявилъ желаніе свое, чтобы я, оставя служеніе свое въ Почепѣ, переѣхалъ въ Машевъ и тутъ принялъ должности письмоводителя и казначея, и устроилъ-бы канцелярскій порядокъ. Я и это исполнилъ такъ, что Уваровъ, будучи вполнѣ мною доволенъ, пріѣхавъ въ Бакланъ въ 1826 г., поручилъ моему управленію бакланскую, а въ 1827 г. и машевскую экономіи, заключавшія въ себѣ до 6 т. д. м. п., и суконныя фабрики, съ казною обязанныя; и я распоряжался ими 20 лѣтъ.

И такъ, служеніе мое продолжалось графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому до кончины его, 12 лѣтъ, дочери его Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея—20 лѣтъ, всего 32 года.

Наконецъ, несмотря на то, что назначенные на волю выше, въ 20 пунктѣ поименованные люди, всѣ, исключая меня, по кончинѣ графа, получили отпускныя отъ лицъ, получившихъ имѣнія, въ 1822 и 1823 годахъ,—я, доставшійся въ числѣ крестьянъ, составлявшихъ бакланскую и машевскую экономіи до 6 т. д. м. п., на часть дочери графа—г-жи Уваровой, отпускной не получилъ. По волѣ ея и супруга ея, оставленъ служить имъ и служилъ вѣрою и правдою, управляя означенными имѣніями 20 лѣтъ, получая отъ г. Уварова во все продолженіе этого времени весьма часто благодарности, отпускныя дѣтямъ моимъ, вскорѣ послѣ ихъ рожденія, и увѣреніе въ томъ, что и мнѣ, въ непродолжительномъ времени, будетъ отпускная и особенная за усердіе мое къ нимъ награда, могущая достаточно обезпечить существованіе мое и семейства моего на будущее время. Но г. Уваровъ сего не исполнилъ, вопреки последней воли благодѣтели своего графа Алексѣя Кирилловича, давшаго супругѣ его огромныя имѣнія, вопреки своихъ обѣщаній и увѣреній и вопреки справедливости!—

Генеральный Обозный

Василий Борковский.

[illegible]

Въ 1842 году я отъ управленія имѣніями уволенъ. На мѣсто мое поступилъ полякъ Рудницкій и пять человѣкъ поляковъ же, привезенныхъ имъ изъ Варшавы. Начетовъ на мнѣ, при всемъ ихъ стараніи запутать меня, никакихъ не оказалось. Послѣ сего, спустя 4 года, въ 1846 году, г.г. Уваровы бакланскую и машевскую экономіи отдали дочери своей А-рѣ С., а вмѣстѣ съ ними и меня, назначеннаго графомъ на волю, которую слѣдовало мнѣ получить, какъ и другіе получили, въ 1822 году или 1823 году. Супругъ А-ры С., которому я ни одного дня не служилъ, принявъ во владѣніе свое означенныя имѣнія, тотчасъ занялся, употребляя во зло помѣщичью власть, притѣснять людей, служившихъ графу и г.г. Уваровымъ, требовать отъ нихъ выходовъ на волю и платить ему за это по назначенію его деньги въ такой суммѣ, которой они не имѣли и имѣть не могли, угрожая въ противномъ сему случаѣ—ссылкою въ Сибирь! Такимъ образомъ разорялъ ихъ до крайности, и тѣмъ способомъ отнялъ и у меня все благопріобрѣтенное предками моими и мною достояніе, разорилъ меня до последка и потомъ выдалъ мнѣ съ женою и двумя малолѣтними дочерьми отпускную въ январѣ 1851 года. Такая, выдуманная мужемъ А-ры С. для умноженія доходовъ своихъ, неслыханная въ здѣшнихъ мѣстахъ, система — оскорбительна не только для честнаго, благороднаго дворянства, но для всякаго честнаго, здравомыслящаго лица.

Да судитъ ихъ Господь Богъ!

---

14. Генеральный обозный Василій Каспаровичъ Борковскій. р. 1640+1702 г.

КЪ ПОРТРЕТУ.

О происхожденіи Борковскихъ въ ихъ „родословіи" говорится, что они „въ польской рѣчи посполитой знатные шляхетскіе чины имѣли и отъ многихъ прошедшихъ вѣковъ владѣли въ разныхъ воеводствахъ добрами" (имѣніями). Одинъ изъ этихъ Борковскихъ, по имени Каспаръ, (слѣд.—католикъ), переселился въ перв. полов. XVII в. въ лѣвобережную Малороссію и здѣсь,

въ Черниговскомъ полку, основалъ с. Борковку; но „въ бывшее за гетмана Богдана Хмельницкаго на польское шляхетство нападеніе“ Каспаръ Борковскій былъ убитъ; убиты были также жена и дочь Каспара, бѣжавшія въ Нѣжинъ, гдѣ на мѣстѣ ихъ убіенія поставленъ былъ де каменный столпъ, говоритъ тоже „родословіе“, причемъ столпъ этотъ былъ будто бы цѣлъ еще и въ к. XVIII [1]). Сынъ Каспара Василій, по словамъ „родословія“, „бывшій тогда малолѣтнимъ, лишь случайно остался въ живыхъ“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что у Каспара Борковскаго былъ и другой сынъ, Юрій, который также остался въ живыхъ. Оба эти Борковскіе остались въ лѣвобережной Малороссіи и, выросши, начали служить „войску запорожскому“, причемъ, конечно, были уже православными. Василія Б—аго въ первый разъ въ актахъ встрѣчаемъ въ 1668 г., когда онъ, будучи выбельскимъ сотникомъ, получилъ въ сентябрѣ отъ Дорошенка универсалъ на село Борковку, „маетность подлежащую ему отчистымъ правомъ“ [2]).

---

[1]) Другія *преданія* о происхожденіи Борковскихъ и наименованіи ихъ Дунинными (отъ слова дунчикъ—датчанинъ) см. въ брошюрѣ гр. Г. А. Милорадовича „Малороссійское дворянство“. (Черниговъ. 1890. 4 д., стр. 18—25.

[2]) Въ нач. XVIII в. крестьяне с. Борковки жаловались на „приверненіе“ ихъ Василіемъ Борковскимъ изъ козачества въ посполъство, при чемъ одинъ изъ жалобщиковъ Фесько Смѣянъ, между прочимъ, разсказывалъ, что „предъ чигиринскимъ походомъ (1674 г.). Радько атаманомъ бувъ въ Бурковцѣ надъ козаками; а когда же покойній п. Бурковскій, зостаючи сотникомъ выбельскимъ, увѣдомился о томъ, же есть листы ихъ отческіе у Сипка, осадчого, на с. Бурковку, того ради прибувши п. Бурковскій до нихъ, тіе писма отъ нихъ отобралъ и того часу осадчому войтомъ приказалъ бути, а Радько атаманъ, собравшись съ козаками, тихъ же временъ, пану Бурковскому въ подданство привернулся, и зостали посполитыми, а сихъ козаковъ (жалобщиковъ) дѣды и отци ихъ, якіе въ первомъ пунктѣ написани, не похотѣли въ подданство привернутися и о томъ челобитствовали и до гетмана на п. Бурковского, а по челобитю томъ служили боярско п. Борковскому, а напотомъ въ посполитство привернени...“ Арх. Ген. Канц., № 330. Изъ этого разсказа видно, что основанная Каспаромъ Б—ичъ слобода, во время войнъ Хмельницкаго, разошлась, какъ и многія другія, а потомъ, когда лѣвобережная Малороссія успокоилась,—вновь была „осажона“, на основаніи „листовъ“ черниговскихъ полковниковъ, при чемъ новое населеніе Борковки, какъ видно, пописалось въ козаки. Но В. Борковскій, получивъ въ 1668 г. отъ Дорошенка универсалъ, прежде всего отобралъ у „осадчаго“ тѣ полковничьи „листы“, которыми населеніе Борковки защищалось отъ „панскаго начала“ а потомъ, силою старшинской власти, „привернулъ“ тамошнихъ козаковъ „въ подданство“.

Та же Борковка подтверждена въ мартѣ 1669 г. Многогрѣшнымъ „войсковому товарищу Юрію Борковскому“, [1]) вѣроятно, на томъ основанін, что у Василія, какъ сотника, были маетности и кромѣ Борковки.—Выбельскимъ сотникомъ Василій Б—ій оставался до низложенія Многогрѣшнаго. Въ это время черниговскимъ полковникомъ былъ братъ послѣдняго, Василій Многогрѣшный, который лишенъ былъ полковничества за родство съ гетманомъ и, какъ и гетманъ, сосланъ въ Сибирь. Б—ій принималъ, повидимому, немалое участіе въ низложеніи Многогрѣшныхъ и за это поставленъ былъ черниговскимъ полковникомъ [2]). Поставленіе это сдѣлано было новымъ гетманомъ, Самойловичемъ, который, какъ бывшій тоже черниговскимъ полковникомъ, хорошо зналъ Б—аго и, какъ видно, цѣнилъ его, потому что чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія, Самойловичъ даетъ (28 іюня) Б—му рядъ маетностей: села Авдѣевку, Казиловку и Холмы, въ сотнѣ понорницкой, д. Бобровицу—подъ Черниговомъ и „отчистую маетность въ сотнѣ березинской—село Борковку“. Маетности эти даны были, какъ говорилось въ универсалѣ, за то, что Василій Б—ій „зъ дитинныхъ лѣтъ при одвазѣ и ущербіи здоровя своего, вѣкъ свой проводячи, якѳ зичливый и вѣрный цѣлости добра посполитого и отчизны сынъ, въ очахъ всего войска запорожского, съ разными непріятелями немало навалныхъ и прикрыхъ отправлялъ экспедицій“... Здѣсь Б—му приписаны заслуги, видимо, преувеличенныя, такъ какъ они могли быть имъ понесены лишь на сотничьемъ его урядѣ... Очевидно, что Самойловичъ награждалъ новаго черниговскаго полковника не за бывшія его заслуги въ военныхъ „экспедиціяхъ“, а за будущія, желая имѣть въ Б—омъ вѣрнаго сторонника...

Б—ій оставался черниговскимъ полковникомъ до 1686 г., когда поставленъ былъ генеральнымъ обознымъ, на мѣсто свата своего Петра Забѣлы, который долженъ былъ оставить этотъ урядъ по глубокой старости. Когда, на походѣ въ Крымъ, въ

---

[1]) Подлинный универсалъ въ нашей б—кѣ.

[2]) А. Ю. З. Р., IX, 850.

августѣ 1687 г., старшина рѣшила низложить Самойловича, то, по преданію (Бант.—Кам.) Голицынъ предлагалъ гетманство Б—му, требуя за это десять тысячъ рублей, но скупой обозный отказался. Выбранъ былъ Мазепа, подкупивъ, какъ говоритъ тоже преданіе, Голицына деньгами, взятыми у Борковскаго. Такъ ли это было или нѣтъ, но черезъ два мѣсяца послѣ своего избранія, Мазепа прибавилъ Б—ому къ прежнимъ маетностямъ еще три: Орловку при р. Убеди, Брусиловъ при р. Снови и Тупичевъ—около г. Городни, а въ 1691 г. далъ еще с. Шабалтасовку, около м. Понорницы. Съ такими маетностями Б—ій сталъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи.

Генеральнымъ обознымъ Б—ій оставался до самой смерти. Умеръ онъ въ 1702 г., оставивъ вдову и, кромѣ нѣсколькихъ выданныхъ замужъ дочерей [1]), двухъ сыновей—Михаила и Андрея.

Мазепа не любилъ Б—аго; Кочубей (генер. судья) разсказываетъ, что когда Б—ій умеръ, „а зосталась по немъ жена и сыновъ его двое въ малыхъ лѣтахъ, то гетманъ заразъ (сейчасъ) немалое числомъ людей у ей, Борковской, отнялъ [2]), а другую маетность, мѣстечко (Орловку), якое на урядъ обозничества належало, тое немало тогожъ дни, якъ умеръ небожчикъ, на гетманскій дворъ отобрако" [3]). Не любилъ Б—аго Мазепа, вѣроятно, за его богатство и скупость, потому что былъ завистливъ и стяжателенъ. Не любилъ Б—аго и народъ—за его жестокость къ своимъ „подданнымъ". Нелюбовь народа къ Б—ому свидѣтельствуется тѣмъ черниговскимъ преданіемъ объ этомъ богачѣ, которое записалъ историкъ Маркевичъ [4]). Преда-

---

[1]) Въ брошюрѣ гр. Милорадовича указывается, что одна изъ дочерей Б—аго, Елизавета, была-де замужемъ за графомъ Войцехомъ Коссаковскимъ, но подтвержденія этого свѣдѣнія мы въ историческихъ актахъ не встрѣчали, вѣроятно, оно записано по одному преданію...

[2]) Кочубей говоритъ здѣсь, конечно, объ Авдѣевкѣ, которую отнявши, Мазепа отдалъ Д. Апостолу. Кромѣ Авдѣевки Мазепа отобралъ у вдовы Б—аго еще и с. Казиловку.

[3]) Чтенія въ Моск. Общ. Истор. 1858 г., I, 109.

[4]) Обычаи, повѣрья и проч. малороссіянъ, Н. Маркевича. Кіевъ. 1860. 8 д. Стр. 79.

ніе это называетъ Б—аго „*упыремъ*"; „упырь этотъ былъ-де злой человѣкъ: ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, насиловалъ дочерей и женъ крестьянъ своихъ, самихъ крестьянъ одѣвалъ въ медвѣжьи шкуры и травилъ меделянами. Когда упырь умеръ, его похоронили въ Троицкомъ монастырѣ, а на другой день увидѣли, что онъ ѣдетъ на шестеркѣ вороныхъ по Красному мосту (въ Черниговѣ, черезъ рч. Стрижень), кучеръ, форейторъ, лакей и три собесѣдника были—черти. Вслѣдствіе разнесшейся объ этомъ явленіи по Чернигову молвѣ, надъ умершимъ провозглашено было проклятіе, послѣ чего упырь со всѣмъ своимъ поѣздомъ провалился въ Стрижень; а когда послѣ этого открыли гробъ, то нашли въ немъ упыря красносинимъ, съ открытыми глазами; тогда его пробили осиновымъ коломъ"... Вся эта легенда, по разсказу Маркевича, изображена была масляными красками на стѣнахъ собора Троицкаго монастыря и закрасили-де эту картину только въ началѣ этого столѣтія... Несомнѣнно, что разсказъ о картинѣ измышленъ фантазіей какого-нибудь „любителя старины", а историкъ легко повѣрилъ этому вымыслу. Начать съ того, что Б—ій погребенъ не въ Троицкомъ, а въ Елецкомъ монастырѣ, въ возобновленіи котораго онъ ревностно помогалъ тогдашнему архимандриту Голятовскому, почему назывался и ктиторомъ этого монастыря [1]). Слѣдовательно, нужно думать, что Маркевичу сообщали объ уничтоженномъ изображеніи похожденій упыря на стѣнахъ не Троицкаго (Ильинскаго), а Елецкаго монастыря; но и тутъ такого изображенія, конечно, не существовало, такъ какъ обитель не дозволила бы такого поруганія надъ памятью одного изъ ревностныхъ своихъ ктиторовъ, котораго портретъ висѣлъ тутъ-же, въ Успенскомъ храмѣ, надъ его могилою, вмѣстѣ съ „надгробкомъ", прославлявшимъ заслуги умершаго предъ обителью. „Надгробокъ" Б—аго гласитъ слѣдующее:

Въ годъ Господень тысящный и семсотный вторій,
Отъ временной сей жизни въ небесніе двори,
Марта дня четвертого духомъ преселися,
А здѣ въ храмѣ Успенскомъ тѣломъ положися

[1]) Опис. Чернит. Епарх., III, 16 и 33.

Пан Василій Борковскій, от Дунѣнов дому,
Лѣт шестдесят двѣ пожив не себѣ самому,
Но Богу, царем и всей россійской отчизни—
Вѣрний бил син и слуга, ввесь вѣк своей жизни.
Годов пятнадесят полк черпѣговскій правил,
По сем Бог енералним обозним прославил,
Лѣт шестнадесят славою пребысть на той чести,
Всегда царем и вождям служаше без лести.
Первій бѣ по гетману праведно славний,
Всим бо баше любезен дѣлами своими,
Церкви и обители усердно любляше,
Благолѣпіе оных везде разширяше.
Церков соборна чрез брань баше опустѣла,
Его тщаніем вскорѣ сотворися цѣла,
Своим ю имѣніем претвори на нову,
В честь преобразившуся Христу Богу Слову.
Его тщанія дѣло и храм воскресенскій
Каменный, его память храм благовѣщенскій,
Их же создав украси иконами зѣло,
Чая себѣ от Бога мзды за сіе дѣло.
Он от основанія дѣвичу обитель
Воздвиже и бысть оной прещедрый кормитель.
Он святых страстотерпец алтарь понренногу
Дражайшими сосуды украси в честь Богу.
Сія такожде церковь Елецка названна
Оним основася и трапеза созданна,
И келіи каменія и иная многа
Чрез него имать сія обитель убога.
Он даде иконостас, фолоны, сосуды
Сребряніе, его то уклад, кошт и труды.
Много добра духовным и мірским твораше,
Всѣх любя и сам от всѣх любим бяше.
Бог благослови его в наслѣдіи рода,
Да не останет древо доброе без плода:
Двох сынов в старости даде и остави
Да будут наслѣдницы родителской славы;
Сам от временной к вѣчной жизни преложися
И на сем святом мѣстѣ тѣлом положися.
Проводи его свѣтло Іоанн (Максимович)
Пастирь чернѣговскій и ввесь чин освященный;
Погребен в храмѣ, в немже пречистая Дѣва
Славися успеніем и по смерти жива.
И Василій Борковскій да живет во вѣки
С Богородицею и со ангелскими лики,
Молит усердие мимо гроб его ходящих
Глас от гроба возносит спастися хотящих,

Молитеся, людіе, о мнѣ Христу Богу,
Да получу отъ него милость въ небѣ многу.
Аминь, аминь, аминь" [1]).

„Надгробки", иначе—„епитафіоны", старой Малороссіи—представляютъ собою очень полезные „послужные списки" умершихъ, такъ какъ въ нихъ приводятся обыкновенно точныя свѣдѣнія о времени рожденія и смерти, а также и о важнѣйшихъ дѣлахъ покойника. То-же видимъ и въ приведенномъ „надгробкѣ" Б—аго; если мѣра похвалъ умершему обозному здѣсь и переходитъ границы правды, то за то мы находимъ тутъ полный перечень тѣхъ храмовъ, на украшеніе которыхъ Б—ій сдѣлалъ, конечно, не малыя жертвы: большіе грѣхи нужно было замаливать и большими жертвами.

Висѣвшій надъ гробомъ въ Елецкомъ монастырѣ портретъ Борковскаго находится нынѣ въ собраніи В. В. Тарновскаго и представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ портретовъ этой коллекціи, какъ по старательной его работѣ, такъ и по той обстановкѣ, которую портретистъ тутъ изобразилъ. Фототипія этого портрета и прилагается къ настоящей книжкѣ, вмѣстѣ съ факсимиле Борковскаго, взятымъ изъ письма, писаннаго имъ въ 1689 г., къ своему зятю Ивану Петровичу Забѣлѣ.

---

15. Антонъ Танскій, полковникъ кіевскій.

(1712—1734 г.).

По поводу портрета жены Палѣя.

На приложенномъ здѣсь портретѣ изображена жена извѣстнаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Палѣя вмѣстѣ съ ея внучатами. Несмотря на громкую извѣстность послѣдняго представителя малорусскаго козачества на правомъ берегу Днѣпра, о семьѣ его сохранились свѣдѣнія болѣе чѣмъ краткія: извѣстно (да и то, о женѣ, изъ одного лишь ея портрета), что жену Палѣя звали Федосьей, а единственную его дочь Марьей и что эта Марья

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1886 г., № 19.

была замужемъ за однимъ изъ братьевъ Танскихъ. Послѣдніе, по семейному преданію, вышли, вмѣстѣ съ отцемъ, изъ Молдавіи и принадлежали къ числу тѣхъ авантюристовъ, которые приходили въ Малороссію искать матеріальныхъ достатковъ па воинскомъ поприщѣ. Одинъ изъ этихъ братьевъ Танскихъ, Михаилъ, благосостояніе свое устроилъ женитьбою на дочери такого виднаго дѣятеля правобережной Малороссіи, какимъ былъ Палѣй. Нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, вмѣстѣ со старыми, какъ объ этомъ Танскомъ, такъ и о его тестѣ, приводимъ здѣсь въ поясненіе той среды, къ которой принадлежала „Феодосія Палѣевая".

Семейное преданіе говоритъ, что Михаилъ Танскій женился на дочери Палѣя въ 1677 г. [1]), но извѣстнымъ этотъ Танскій становится лишь съ того времени, когда Палій былъ сосланъ, по проискамъ Мазепы, въ Сибирь (1704 г.). Около этого времени Антонъ Танскій становится охоче-комонныхъ полковникомъ, получивъ этотъ урядъ конечно отъ Мазепы; а въ 1706 г. Мазепа даетъ ему въ корсунскомъ уѣздѣ село Яхни и сельцо Микитинцы [2]).—Когда Мазепа измѣнилъ, Петръ Великій въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій по этому случаю, послалъ Танскому (31 октября 1708 г.) приглашеніе „немедленно прибыть съ своею командою въ армію", добавляя въ письмѣ: „за что мы вамъ милость свою и жалованье обѣщаемъ, а полкъ вашъ здѣ обрѣтается (письмо писано „отъ р. Десны"), который мы до пріѣзду вашего удоволствовали нашимъ жалованьемъ, а по пріѣздѣ вашемъ не только оный полкъ, но и иные полки охотницкіе, вѣдая вѣрность вашу къ намъ, дадимъ подъ команду" [3]). Танскій не замедлилъ исполнить царскій приказъ и, какъ говоритъ семейное преданіе [4]), тутъ же просилъ царя о возвращеніи тестя изъ ссылки. Возвращенный Палѣй былъ назначенъ „по прежнему" охотницкимъ полковникомъ [5]),

[1]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 64.

[2]) Т. ж., 698.

[3]) Т. ж., стр. 709.

[4]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ. Арх. черниг. дворянск. депут. собр.

[5]) Въ царской грамотѣ, данной 3 сентября 1709 г., въ м. Сольцѣ надъ Высою, (подписалъ Головкинъ) читаемъ: „Наше царское величество пожаловали бив-

т. е. значитъ, ему не былъ возвращенъ Бѣлоцерковскій полкъ; но фактически, Палѣй сталъ по прежнему распоряжаться Хвастовщиною [1]). На этотъ разъ власть Палѣя была непродолжительна: въ январѣ 1710 г., онъ умеръ, какъ видимъ изъ слѣдующаго универсала Скоропадскаго: „панамъ старшинѣ полковой, сотникомъ, атаманомъ... полку бѣлоцерковского, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ извѣстившися мы, что панъ Палій судбами божіими временное скончивъ житіе свое, а при кончинѣ вручилъ данніе себѣ отъ его царского пресвѣтлого величества клейноти войсковіе на охочокомонное полковничество пану Танскому, зятевѣ своему, и притягалъ вашмостей назадъ въ Хвастовъ, желаючи, жебысте его за полковника бѣлоцерковского мѣти соизволили, яко на тое, зъ подписомъ именъ всѣхъ васъ, онъ же, п. Танскій, прислалъ до насъ суплѣку. Лечъ ижъ статися и потвержено отъ насъ тое быти не можетъ безъ вѣдома и виразного указу монаршого, теди за сполнимъ согласіемъ зъ сіятел. министромъ его мил. г. Андреемъ Петр. Измайловымъ, писалисмо оразъ до царского величества о томъ, просячи скорого указу; а нѣмъ одержимо, по доношенію нашомъ, монаршій о полковничествѣ вашемъ бѣлоцерковскомъ указъ, до того часу вручаемъ быти полковникомъ наказнимъ п. Павлу Цяганчуку, обозному полковому..." [2]). Изъ этого универсала видимъ—какъ Палѣй заботился о будущей судьбѣ Танскаго. На просьбу Скоропадскаго „о скоромъ указѣ" относительно назначенія Танскаго бѣлоцерковскимъ полковникомъ, Головкинъ, въ мартѣ, отвѣчалъ: „что принадлежитъ о полковничествѣ бѣлоцерковскомъ, что къ

шаго заднѣпровскаго охотницкаго полковника Семена Палѣя, за его къ намъ вѣрность и службы, велѣли ему быть по прежнему полковникомъ охотницкимъ, коннымъ, надъ компанейцами, которые нынѣ подъ командою его; и быть ему подъ командою и въ послушаніи подданнаго нашего гетмана войска запорожскаго Ивана Иллича Скоропадскаго, и ради увѣренія всѣмъ указали мы, великій государь, дать ему, Семену Палѣю, на тотъ чинъ полковничества сію нашу царскаг величества жалованную грамоту". Тамъ же.

[1]) Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3. т. II, стр. 183.

[2]) Генер. слѣдствіе о маетност. кіевск. полка, рукопись нашей б-ки. Изъ приведеннаго универсала опредѣленно узнаемъ мѣсяцъ смерти Палѣя. Ср. Арх. Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 185.

оному послѣ Палея интересуется Танскій и ваша вельможность изволте сіе дѣло оставить до времени, въ той мѣрѣ, какъ оное нынѣ есть, а сколь скоро прибуду въ Спб., о томъ его величеству доложу и получа указъ, писать буду". [1]). Но Скоропадскій, не дождавшись этого отвѣта, въ концѣ февраля уже назначилъ Танскаго наказнымъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, объяснивъ Головкину, что и старшина тамошняя, и чернь о немъ просятъ. Головкинъ нашелъ это распоряженіе „изряднымъ", конечно будучи увѣренъ въ милости царя къ Танскому. Но царское согласіе на назначеніе Танскаго „совершеннымъ" полковникомъ бѣлоцерковскимъ послѣдовало только черезъ годъ: въ февралѣ 1711 г. Скоропадскій объявилъ своимъ универсаломъ „о врученіи совершенной власти полковничества бѣлоцерковского"—Танскому. [2])—Получивъ Хвастовщину въ свое управленіе, Танскій сталъ распоряжаться здѣсь такъ, что по словамъ мѣстной шляхты, имѣнія послѣдней до того были Танскимъ разорены, что къ нимъ можно было примѣнить слова: „гдѣ столла Троя, тамъ теперь волнуется созрѣвшая жатва!" [3]) Недолго однакожъ пришлось Танскому корыстоваться шляхетскими богатствами: прутскій договоръ измѣнилъ судьбу правобережной Малороссіи и козачеству послѣдней пришлось перебираться на лѣвый берегъ Днѣпра. Но Танскій едвали отъ этого проигралъ: за потерянную Хвастовщину, онъ получилъ кіевское полковничество. Въ іюлѣ 1712 г., Головкинъ писалъ Танскому: „царское величество, вѣдая, что вы, будучи въ Бѣлой Церкви, служили его величеству всегда вѣрно и постоянно и что нынѣ вы не у полку, пожаловать повелѣлъ васъ опредѣлить къ кіевскому полку, который нынѣ имѣетъ ваканцію, о чемъ я указомъ его величества писалъ и г. гетману И. И. Скоропадскому, за которую царскаго величества милость надлежитъ вашей милости трудиться наипаче службы ваши показывать... [4]) Гетманъ съ своей стороны огласилъ пожалованіе

---

[1]) Матер. для отечеств. исторіи, Судьенка, II, 150.
[2]) Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 3, т. II, стр. 748.
[3]) Тамъ-же, 190.
[4]) Тамъ-же, 768.

Танскаго слѣдующимъ универсаломъ (20 августа 1712 г.): „запобѣгаючи тому, чтобы въ полку кіевскомъ, по преставленіи покойного п. Федора Волского, полковника тамъ бывшого, войсковіе порядки безъ совершенного началника не пришли до якого разоренія, писалисмо до двору царского величества, просячи повелѣнія—кого-бы на тотъ вакансъ полковникомъ устроити, а поневажъ такое его монаршее состоялося соизволеніе, якое получилисмо, ижъ-бы п. Антонія Танского, полковника бѣлоцерковского, за его вѣрныя службы на томъ полковничествѣ поставили.... Теды мы, гетманъ, вручили ему тотъ полковничества кіевского началъ и полецилисмо оному всякіе тамошніе полковіе, подлугъ давнего обыкновенія, управляти порядки“. [1])

Послѣ измѣны Мазепы, Петръ В. отнялъ у гетмана право назначенія полковниковъ и сталъ выбирать ихъ лично, стараясь, чтобы полковничьи уряды были замѣщены людьми вполнѣ надежными. Вполнѣ надежнымъ считалъ, какъ видно, Петръ В. и Танскаго. Но эти полковники, получая власть непосредственно отъ царя, почти не признавали надъ собою власти гетмана и позволяли себѣ всякій произволъ. Танскій также ни во что ставилъ гетмана и управляя полкомъ болѣе 20-ти лѣтъ, самовластвовалъ въ кіевскомъ полку какъ хотѣлъ. [2]) Скоропадскій жаловался царю, что Танскій его не слушаетъ и въ то же время щедро одѣлялъ непослушнаго—маетностями. Отъ Скоропадскаго Танскій получилъ въ 1713 г., с. Свѣтильное, въ 1715 г.—хуторъ Мокіевскій съ слободою Мокіевкою, при р. Переводѣ, [3]) съ прилегавшею къ ней степью, простиравшеюся на десятки верстъ, и въ 1716 г.—с. Калиту. Кромѣ того, у Танскаго было значительное количество „ранговыхъ маетностей“ [4]).

Антонъ Танскій пробылъ на кіевскомъ полковничествѣ до смерти, а умеръ онъ не раньше 1734 г. Жену свою, повиди-

---

[1]) Дѣло о родѣ дворянъ Танскихъ, въ арх. черниг., двор. деп. собр

[2]) Танскій не стѣсняется распоряжаться даже въ чужихъ полкахъ. См. Сулимовск. Арх., 71.

[3]) Теперь въ южной части нѣжинскаго уѣзда.

[4]) См. о нихъ въ генер. слѣдствіи о маетн. кіевск. полка, напечатанномъ Н. П. Василенкомъ въ VII-й книгѣ Чтеній въ общ. Нестора.

мому, онъ пережилъ, почему вѣроятно и явился портретъ дѣтей его вмѣстѣ съ ихъ бабкой, которая, значитъ, досматривала своихъ внучатъ по смерти дочери. Антонъ Танскій оставилъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, трехъ сыновей, Михаила, Ивана и Осипа, и дочь Анну. На прилагаемомъ портретѣ изображены, какъ говоритъ надпись, сынъ Танскаго Иванъ и дочь Федора.

Подлинникъ портрета „Федосьи Палѣевой" находится въ коллекціи В. В. Тарновскаго и пріобрѣтенъ имъ, въ старые годы, въ Борзнѣ, откуда Палѣй былъ родомъ [1]). Вѣроятно, тамъ сберегли этотъ портретъ какіе нибудь родичи послѣдняго. Другой портретъ „Палѣевой", сохранявшійся у Танскихъ въ м. Мокіевкѣ, (тоже во весь ростъ и тоже „зъ унуками"), нынѣ находится у А. И. Ханенка. На обоихъ этихъ портретахъ почтенная малорусская матрона временъ Мазепы изображена съ головою, закутанною въ ту бѣлую повязку, отъ которой женщина у поляковъ встарину называлась „бялоглoвой" и которая въ Малороссіи еще недавно (лѣтъ двадцать назадъ) составляла часть народной одежды, подъ именемъ *намитки*; одѣта „Палѣевая" въ парчевый кунтушъ, который составлялъ въ старой Малороссіи верхнюю одежду какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Кунтушъ у женщинъ составлялъ необходимую одежду, когда они отправлялись въ гости или принимали гостей у себя. „Ни одна женщина не можетъ явиться въ бесѣду безъ кунтуша, а мужчинамъ запрещено видѣть ее въ одномъ корсетѣ, кромѣ развѣ близкихъ родныхъ", какъ записалъ въ 1808 г., одинъ любитель мѣстной старины, В. Я. Ломиковскій, въ своемъ словарѣ малорусской старины.

---

16. Письмо жены гадяцкаго полковника Григорія Грабянки, Евдокіи Ивановны, къ брату своему Ивану Забѣлѣ.

Григорій Грабянка, которому приписывается лѣтопись— «Дѣйствія презѣльной брани» былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ, (внукѣ двухъ генер. обозныхъ—Петра Забѣлы, по отцу, и Василія Борковскаго, по матери). У Грабянокъ дѣтей не было, и вотъ почему Евдокія Ивановна

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1882 г., № 3, стр. 609.

тысячу «золотыхъ», которую она должна была получить по завѣщанію матери своей,[1]) отъ брата Ивана Ивановича Забѣлы, даритъ крестной своей дочери «Улясенцѣ»; обѣщая брату, что объ этомъ мужъ ея не будетъ знать, что она де ему скажетъ, что завѣщанныя матерью деньги она полностью уже получила... Письмо писано въ то время, когда Григорій Грабянка былъ полковымъ судьею (1717—1726) и когда Иванъ Забѣла «выбирался въ далекую дорогу», т. е. въ Сулацкій походъ, весною 1725 г.[2]). Писано письмо конечно не самою «судіиною», такъ какъ, безъ сомнѣнія, она была неграмотна, но писало письмо лице, повидимому, довѣренное, можетъ быть мѣстный священникъ...

«Мосцѣ пане Іоанъ Забѣла, мой найкоханшій пане брате рожоній. Зичу вм. м. пану з милою панею отъ Госпола Бога доброздравственного пребыванія и во всякихъ замыслахъ благополучныхъ поведеній, причемъ соболѣзную сердцемъ моимъ за вами, же такъ въ далекую дорогу вибираетеся и на долгое время. Чи не можно би отпроситыся въ Глуховѣ прилуцкимъ розыскомъ одъ сей дороги. О гроши, которіи пишете, тисячу золотихъ, даю дочцѣ моюй Улясенци да за мою душу, на сорокоуста, подасте, якъ умру, а я скажу пановѣ своему (т. е. мужу), якъ прииде, що безъ него у васъ отобрала всѣ гроши, а онъ щобъ васъ не турбовалъ нѣ в чомъ. Горѣлки стоятъ не проданы, бо не купуютъ нѣхто. Притомъ вм. мосцѣ пана Господу Богу въ сохраненіе поручаю и зостаю вашмости пану всего добра зичливая сестра Евдокія З(абѣлиная) Г(рабянковая) С(удіина) П(олковая) Г(адяцкая). З Гадяча, мѣсяця февраля 5 числа.»

Письмо списано съ копіи, внесенной въ домашнюю записную книгу б. т. Ивана Ив—ча Забѣлы, которую мы когда то видѣли у Ѳ. Г. Лебединцева.

---

17. Историческія мелочи.

I. *Военнопоходной приказъ генер. обозного Якова Лизогуба бунчуковымъ товарищамъ.* «1. Всякому щоденно отбирать у пановъ асаулъ лозонъ, и зъ коньми своихъ служителей на пашу безъ лозона не посылать, а приказать всякому зъ служителей при коняхъ имѣти списъ и заправное оружѣе. 2. Поочередно всякому пану бунчуковому

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883 г., № 7, стр. 537.

[2]) См. Дневникъ Як. Марковича, изд. Кіевск. Стар., I, 254 и II, 114.

по опредѣленію велможного пана обозного енералного, бить готовому на обездній полевій караулъ. 3. Имѣтъ всякому оружже заправное и по едному осѣдланному коню зъ служителемъ—почту (почту?) содержа̀тъ въ готовности. 4. Напередъ зъподъ знаку не выѣздитъ и назадъ безъ вѣдома не оставатся; такожъ до мѣстечокъ, городовъ и селъ безъ позволенія, самоволне не отъездить. Обозный войсковий енералний Яковъ Лизогубъ. (Приказъ написанъ въ 1733 г., на походѣ, когда Лизогубъ «съ бунчуковыми товарищами и съ полками рушилъ къ Смоленску, заграницу, въ Полшу». Дн. Зап. Як. Марков., I, 408).

II. *Портретъ козака 1644 г.* Въ церквѣ Рождества Богородицы м. Богачки (миргородск. у., полтавск. губ.) въ женскомъ предѣлѣ, виситъ портретъ на холстѣ въ рамахъ, вышиною въ аршинъ, а шириною $^3/_4$ арш., изображающій масляными красками старика въ позѣ—молящагося предъ распятіемъ, колѣнопреклоненнаго и съ сжатыми на груди руками. Вверху портрета надпись: «Тутъ преставился Михаилъ Бреславецъ, козакъ его королевской милости, умеръ року 1644 г., декабря 15 дня». По мѣстному преданію Бреславецъ былъ основателемъ м. Богачки. (См. Полтавск. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 8, стр. 288).

III. *Письмо кіевскаго полковника Солонины къ Братскому игумену, 1687 г.* «Превелебный въ Богу, мосцѣ отче игуменъ братскій киевскій, мой велце ласкавий отче и пріятелю. По росказаню ясневелможного его милости добродѣя пана гетмана, въ листѣ его панскомъ до мене выраженномъ, отдаю вашей превелебности до Карпиловки (остерск. у., черниг. губ.) два присюлки Косачовку и Лутаву (около Карпиловки), а Виповзовъ заставуемъ къ мѣсту (т. е. къ городу Остру). А коли Господь Богъ дастъ здоровье, можемъ ми и лучшіе до того святого вашого мѣсца знайти маетности, при томъ яко здорового вашу превелебность оглядати зичу, такъ его жъ святимъ полѣцаю мене молитвамъ. Вашой превелебности всего добра зычливий приятель Костантій Солонина, войска ихъ царского пресв. велич. запор. кіевскій. З Козелца. Октоврія 1 дня, року 1687». Полковникъ даетъ Братскому монастырю маетности по распоряженію только что поставленнаго на гетманство Мазепы, но тутъ же замѣчаетъ, что онъ, полковникъ, современемъ *лично* дастъ монастырю лучшія маетности. А Мазепа предоставляя Солонинѣ выбрать для Братскаго м-ря маетности, желаетъ этимъ выразить свое вниманіе къ одному изъ старыхъ полковниковъ, передъ которыми онъ въ первые мѣсяцы своего полковничества особенно заискивалъ...

IV. *Племянница Мазепы.* Въ универсалѣ Мазепы отъ 12 января 1708 г. читаемъ: «Превелебная в Богу ея милость панна *Маріанна Вѣтославская*, милая *сестриниця*, иноквня монастыря девичого Святовознесенского Печерского Киевского, поблизу кгрунтовъ своихъ в уѣздѣ Козелецкомъ, подъ селомъ Крехаевомъ лежачихъ, маетъ давно уже занятій лѣсъ, прозываемий Малый Корнилъ, на который просила насъ о потвержателный нашъ унѣверсалъ и оборону, жебы нѣхто того лѣса не пустошилъ...». (Докум. Михайловск. м-ря, въ б-кѣ Кіевск. Духовн. Акад., № 52).

V. *Портретъ гетмана Самойловича на стѣнѣ Густынскаго монастыря, описанный въ 1785 г.* «Въ церквѣ Живоначальныя Троицѣ, на лѣвой сторонѣ, на стѣнѣ, гдѣ казалница (гдѣ говорены были проповѣди) стоитъ, написанъ портретъ во весь ростъ гетмана Ивана Самойловича, предъ которимъ на столику изображена гетманская золотая булава и бархатная шапка съ соболимъ околишкомъ. Тамъ же, около головы, написанъ гербъ его—на дворянскомъ щите, въ голубомъ полѣ, три золотіе креста повыше другихъ, а около щита золотые лавры; на верху щита золотой шлемъ и подъ онымъ три бѣліе страусовые пера; коло лавръ стоятъ слѣдующія буквы: I. С. Г. В. I. Ц. В. В. З. Платье на гетманѣ польское, кафтанъ бѣлой золотой парчи, поверхъ оного на епашку алая бархатная шуба, соболями опушоная; руки держитъ сложивши, въ верхъ поднявши». (Изъ замѣтокъ о Густынскомъ м-рѣ, записанныхъ въ 1785 г.).

VI. *Письмо печерскаго архимандрита Іоасафа Кроковскаго къ генер. есаулу Ломиковскому, 1698 г.* «Mosci panie assauł woyska iego carskiey przeswietney msci Zaporozskiego generałny, mnie wielce msci panię y zyczliwy dobrodzieiu.

Przy szczęsliwym powrocie z domu ich mosciow miłych panow synow wmsci msci pana na swiętym mieyscu debita weneratione przywitawszy, modlitwami naswiętszey Panny Matki Bożey przy dobrym zdrowiu felicem studiornm życzę ich mosciom w naukach wyzwolonych continuationem, sumkę sto talery bitych własnie . . . . . . loco od wmsci msci pana wdzięcznie przyiawszy, pokornie dziękuiemy albowiem nie przynależalo na . . . . . . wchodzie z wmscią msci panem przychilney et major . . . . . . ku mieyscu swiętemu y ku sobie samym doznawaiącym . . . . . . iako y w dalszy czas mieyscu swiętemu y nam wielce po . . . . . wmsci msci pana y dobrodzieia upraszamy. Zapis . . . . wmsci msci pana, iako doskonale cum suis . . . . . podpisawszy y do ksiąg urzędowych kiiowskich . . . . . posyłamy wmsci

msci panu et fortunatam cum benedict . . . . . domûs zycząc possessionem, panskiey łasce y do . . . . . iako naypokorniey siebię y na zawsze połeca. . . . . . .

Wmsci *mego wielce młciwego pa . . . . . y zycliwego dobrodzieja zycsliwy bogomodlca y sluga nayniźczy Joasaph Krokowski, archimandryta Piecsarski Kijowski s bracią.*

Dat. z manastyra Pieczarskiego

177 *bris*, anno 1698, februarii 20.»

На оборотѣ: Memu wielce msciwemu panu iego msci panu Janowi Łomikowskiemu, assaułowi iego casarskiey przeswietney mosci woyska Zaporozskiego generałnemu, mnie wielce msciwemu panu y życliwemu dobrodzieiowi pokornie oddac.

Рукою Ломиковскаго: «*Ten list podany 27 februar. 1698, s zapisem na dwor Kijowskij*».

Печерскій архимандритъ Іоасафъ Кроковскій (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ) пишетъ генер. есаулу Ломиковскому *попольски* о возвращеніи въ Кіевъ, съ праздниковъ, сыновей генер. есаула, какъ видно, учившихся въ это время въ академіи, и извѣщаетъ Ломиковскаго о полученіи ста талеровъ «битыхъ», за «кіевскій дворъ», проданный послѣднему лаврою. Напечатанныя курсивомъ слова—писаны Кроковскимъ собственноручно. Съ подлинника въ нашей б-кѣ. Точками обозначены слова отъ времени истлѣвшія.

VII. *Письмо императрицы Екатерины II къ черниговскому епископу, 1781 г.* — «*Преосвященный епископъ черниговскій Ѳеофилъ.* Генералъ-фельдмаршалъ и малороссійскій губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій по воли моей будетъ съ помощію Божіею, открывать правленіе въ намѣстничествахъ Черниговскомъ, въ декабрѣ сего года, Новгородскомъ-Сѣверскомъ, въ генварѣ слѣдующаго 1782 года, по образу отъ меня предначертанному. Я удостовѣрена, что, ваше преосвященство, не оставите ему въ семъ на пользу отечества устрояемомъ дѣлѣ пособствоватъ, пачеже общими ко Всевышнему молитвами предводительствовать вашими пастырскими, да судъ, правда и благо нами насаждаемое возрастятъ плодъ желаемый, пребывая въ прочемъ вамъ доброжелателная Екатерина. Въ Царскомъ Селѣ, сентября 16 дня, 1781 года. Съ подлиннымъ сводилъ катедралный намѣстникъ Илія».

VIII. *Гдѣ полковники разбирали дѣла своихъ полчанъ, а судьи—гдѣ судили.* Черниговскій полковникъ Богдановъ писалъ въ 1724 г.,

въ генералную канцелярію: «За бывшихъ прежде мене въ Чернѣговскомъ полку полковниковъ, якъ старшина полковая мнѣ объявила,—полковые по указамъ дѣла отправлялись въ домахъ полковничихъ, а судовые, кромѣ криминалныхъ справъ [1]) (которіе тогда обще зъ магистратовыми урядниками въ ратуши были отправлены) сужены приватне въ домахъ судейскихъ; и въ тѣ поры для отправленія полковыхъ дѣлъ, давалось де въ дворъ полковничій, на свѣчи лою (сала) изъ городовъ Чернѣговского полку, зъ ратушей, а именно: зъ мѣстечка Березной шесть пудъ, а зъ Мены и изъ Сосницы—по полъ четыре пуда». Арх Генер. канцел., № 2530.

IX. *Договоръ прихожанъ съ священникомъ о размѣрахъ платы за требы.* „Року 1705 г., мѣс. януарія 20 дня. Ми, громада села Краснослободскіи и Видилскіи, ставши предъ превелебнимъ г. чеснимъ отцемъ Селивестромъ, городничимъ (управляющимъ) Пакулскимъ Томошевичомъ съ честнимъ отцемъ Евстафиемъ, священникомъ своимъ новопосвященнимъ, которій у насъ упоминается датку рокового, гдижъ ми всѣ ему поступуемъ громадою таковый датокъ: съ кождого пахара по четверику жита чернѣговской мѣри, яко тежъ давали отцу Тимофею, презвитеру пакулскому, такъ тежъ и ему; а кто жъ однимъ воломъ оре, съ таковихъ по повчетверика, съ огородниковъ чеховъ по пять, съ сусѣдовъ—по шагу; зъ шлюбу младенческого—по повзолотого, зъ удовця—повкопи; а зъ челядника нашего повиненъ болше узяти за шлюбъ; за похоронъ великій—повзолотого, за малий—чеховъ пять, за столи (т. е. за поминанье) аще дома становлятся, чеховъ пять, а роковіи—повзолотого; въ церквѣ поминати—повиненъ копу дати; за субутникъ (за субботнее поминанье) що впишетъ,—копу. И абы не было зъ насъ ни съ кого якой звяги; доходи, якіе поступилисмо, абы не вымагалъ зъ насъ болшей, що тежъ мы даемо ему писаніе сіе вѣкуистое ему и дѣтемъ его, абы за насъ Господа Бога благалъ до конца живота своего, а по смерти его повиненъ и сынъ его на томъ же престолѣ зоставати. Тое ему предложивши, симъ нашимъ писаніемъ его жъ святимъ молитвамъ отдаемося назавше. Ми, громада, подписуемся руками своими напродъ Антонъ Дудка, войтъ краснослободскій, Ѳеодоръ Котлубай, Петро Жолобецкій, Кирило Жабчинецъ, Павелъ Шинкаръ и вся громада. Такъ тежъ и Видилская: Стефанъ Гетманъ, войтъ, Василь

---

[1]) Т. е. уголовныхъ дѣлъ.

Бойченко, Кирѣй Курдукъ, Корнѣй Шапаръ и вся громада. Дѣялося въ замку Пакулскомъ року и дня вышеписанномъ". (Арх. Черниг. Казенной Палаты, акты Печерской лавры).

С. Пакуль, Черниговскаго уѣзда, было центромъ одной изъ волостей, принадлежавшихъ Печерской лаврѣ, почему въ актѣ значится, что онъ написанъ *въ замкѣ*. Къ пакульской волости принадлежали с. Виделѣцы и с. Краснослободка, теперь, кажется, несуществующая.

X. *Универсалъ гетмана Скоропадскаго объ учрежденіи въ Глуховѣ богадѣльни.* „Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ всей обще старшинѣ и чернѣ и кождому зособна, кому бы колвекъ о томъ теперъ и въ потомніе часи вѣдати надлежало, а менововите п. сотниковѣ глуховскому, атамановѣ городовому и войтовѣ тамошнему съ протчіими урядовыми, ижъ, устроивши, мы, гетманъ, въ городѣ Глуховѣ власнимъ нашимъ коштомъ болницу, ради промешкання престарѣлыхъ, такожъ разнимъ немощми и калѣствами обдержимыхъ людей, а также для нихъ поблизу церковь теплую, до которой священникъ съ протчіими церковними жъ служителми, дабы въ ней во умноженіе хвали Божія всегдашния не уставала отправа святой литоргіи и иныхъ надлежащихъ церемоній, установленъ, а хотячи, жебы за житія нашего и въ будущіе понасъ времена, такъ помянутому священнику съ служителми, яко и самимъ въ той болницѣ мешкаючимъ таковимъ немощнимъ, въ пищи, въ одѣяніи и въ иныхъ нужныхъ потребахъ не било оскудѣнія, зъ горливости христіанской, определяемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ до той же церкви и болници, присѣлокъ подъ Глуховомъ, именуемій Новая-Гребля и клѣтку одну млина о трехъ колахъ, подъ самимъ городомъ на греблѣ мѣской, на рецѣ Есманѣ обрѣтающюся. Вѣдаючи прето о таковой волѣ нашой всякъ, абы нѣхто зъ старшины и чернѣ войсковихъ и посполитихъ людей жадной священникамъ съ служителми при церквѣ той и въ болницѣ теперь живучимъ и впредъ жити мѣючимъ немощнимъ людемъ, во владѣніи помянутого присѣлка и вишевираженного млина, такожъ въ отбираню приходячихъ зъ него розмѣровихъ, обоей, мелницкой и войсковой части, пожитковъ перешкоди, насилія и трудности чинити не важился; посполитіе зась тогожъ присѣлка Новой-Греблѣ жители, должны суть и будутъ до помянутой церкви и болницы обиклое, въ чомъ указуватимѣтъ потреба, отдавати послушенство, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Домъ въ канцеляріи нашей войсковой, въ Глуховѣ,

генваря 9 дня, року 1718. Звышменованній гетманъ рукою власною». (Арх. генер. канц., № 6304).

Въ 1734 г. въ этой богадѣльнѣ находилось богадѣльниковъ: 18 мужчинъ и 14 женщинъ.

XI. *Къ исторіи налётовъ саранчи въ Малороссію.* Въ одной изъ книгъ нашего дѣда встрѣтилась записанная имъ слѣдующая любопытная замѣтка о саранчѣ, остававшейся на поляхъ (въ Малороссіи) *семь лѣтъ.* „Саранча въ Малой Россіи укоренившаяся, дѣйствовала въ болшомъ количествѣ зъ 1798 по 1806 годъ; а въ семъ году зима была такъ гнилая, что и хлѣбъ въ землѣ вездѣ повипрѣвалъ и сѣмена саранчи также погнили. Отъ таковой непостоянной зимы, а весною отъ безпрестанныхъ ливнихъ дождей, которіе простиралися даже до августа мѣсяца, здѣлался неурожай хлѣба и было въ продажѣ въ Конотопѣ жито по 75 коп., а гречи и протчая ярина по 50 коп. за пудъ". Къ этой замѣткѣ можно прибавить другое свѣдѣніе о той же саранчѣ, записанное въ одной церковной книгѣ м. Ични, (Борзенск. уѣзда) мѣстнымъ священникомъ.— „Въ 1799 г., августа 5 дня, съ юго-востока шла чрезъ Ичень саранча въ такомъ множествѣ, что собою закрывала солнце. Начала итти въ 10 ч. утра, а кончила шествіе въ три часа пополудни. Ночевала всѣми своими силами за Ичнею, занявъ мѣста для ночлега двѣ версты въ длину и больше двухъ въ ширину. Толща слоя ея, покрывшая землю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была болѣе аршина. Пашнямъ здѣсь причинила мало вреда, но лѣсъ в. тов. С. Булыги совсѣмъ поломала...".

(Опис. Черниг. Епарх. VI, 521).

XII *Письмо кіевскаго комендакта Андр. А. Аракчеева къ брату его гр. Ал. А. Аракчееву, 1825 г., объ открытіи фундамента древней Десятинной церкви.* «М. г., батюшка-братецъ Алексѣй Андреевичъ. Иностранные народы въ отечественныхъ земляхъ своихъ будучи побуждаемы благороднымъ тщеславіемъ, въ доказательство ихъ древняго рода, происхожденія и что ихъ предки были люди образованные, съ познаніемъ ученыхъ искусствъ и художествъ, стараются ясными доказательствами, чрезъ открытіе древнихъ памятниковъ, сообщать потомству существующему славу ихъ предковъ. Городъ Кіевъ— есть мѣсто отечества любезныя Россіи! Городъ Кіевъ есть фундаментъ вѣры Христа Спасителя нашего! Городъ Кіевъ есть источникъ нравственности, наукъ и художествъ нашихъ! Какъ же не гордиться и не уважать сей памятникъ бытія нашего, нынѣ существующаго подъ благословенною сѣнію благочестивѣйшаго нашего монарха

и отца! Сими изъясненными причинами будучи побуждаемъ, почтеннѣйшій архипастырь нашъ, митрополитъ Евгеній, обративъ вниманіе на древній памятникъ по исторіи и преданіямъ извѣстной бывшаго храма прес. Богоматери, сооруженной въ 996 году всероссійскимъ великимъ князем Владиміромъ, подъ названіемъ Десятинныя церкви, которая по нашествіи враговъ отечества татаръ за 600 лѣтъ была разрушена и приведена въ ничтожность и неизвѣстность. Принявъ сіе благочестивое намѣреніе, высокопреосвященный сообщилъ о семъ людямъ имъ избраннымъ, изъ коихъ одинъ, чиновникъ 5 класса морскаго департамента Лохвицкій, побуждаемый единымъ усердіемъ, принялъ на себя трудъ исполнителя, коимъ нынѣ въ короткое время открытъ фундаментъ оного храма, огромность онаго строенія, основанная на гранитныхъ большихъ разнаго рода камняхъ, отъ разрушенія остатки найдены карнизовъ и колонъ восточнаго бѣлаго мрамора, части красокъ алфреско на цементѣ, непотерявшій (шихъ?) цвѣта чрезъ 600 лѣтъ, мѣлкой стекляной разноцветный мазоикъ (sic), какъ должно полагать бывшимъ украшеніемъ стѣнъ храма, коего подобные остатки украшенія еще существуютъ въ Софійскомъ соборѣ, полъ въ главномъ олтарѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора и граната (sic); всѣ сіи достопамятныя древности, любезныя для всякого сына отечества, прошедшей осени, сколько позволяло время, означены, а для яснаго соображенія и нужнаго понятія отряженнымъ отъ меня чиновникомъ инженеровъ снятъ планъ онаго храма сообразно помѣстному отрытію фундамента означеннаго. Объяснивъ все оное согласно съ желаніемъ высокопреосвященнаго м. Евгенія, я посылаю къ вамъ, батюшка-братецъ, планъ и обращики древнимъ вещамъ найденнымъ, увѣренъ будучи, что вы не откажетесь въ полезномъ быть помощникомъ нашимъ и что таковое древнее и рѣдкое открытіе доведете до свѣдѣнія всемилостивѣйшаго государя императора, коего мнѣніе подастъ болѣе силы и способовъ къ открытію и описанію сего достопамятнаго памятника вѣры нашей. Былъ, есмь и пребуду по гробъ вѣрно любящимъ братомъ и слугою...» «Г. Кіевъ. Генваря 15 дня 1825 года».

Настоящее письмо найдено, въ копіи, между бумагами Ив. Ром. Мартоса († 1831), жившаго въ это время въ Кіевѣ.

XIII. *Батуринскій заводъ восковыхъ свѣчей гетмана Разумовскаго.* славился качествомъ выдѣлываемыхъ въ немъ свѣчей; свѣчи эти выписывались даже въ Кіевъ. Одинъ изъ усердныхъ богомольцевъ печерской лавры, въ ней проживавшій болѣе десяти лѣтъ, бывшій ди-

ректоръ департамента министерства юстиціи Ив. Ром. Мартосъ, писалъ въ 1827 г, изъ лавры, конотопскому своему пріятелю: «прошу привезти для меня два пуда батуринскихъ восковыхъ свѣчей, на коихъ съ-поду бываютъ печати или штемпели. Я знаю что они дорого покупаются, въ чемъ не извольте и сомнѣваться, лишь бы только свѣчи были хорошіе, до сихъ поръ я платилъ за сіи произведенія гетманской экономіи по сто рублей за пудъ».

Свѣчной заводъ въ Батуринѣ былъ устроенъ въ концѣ XVIII в., поселившимся въ это время тамъ на покой гр. К. Гр. Разумовскимъ.

---

18. Изъ отношеній печерской лавры къ кіевской митрополіи въ XVIII в.

Печатаемый здѣсь документъ, найденный въ бумагахъ А. М. Марковича, издателя Дневныхъ Записокъ своего дѣда, представляетъ любопытный фактъ изъ отношеній Печерской лавры къ Кіевской митрополіи въ то время, когда лавра ревниво берегла свою самостоятельность и управлялась архимандритами, почти независимыми отъ кіевскихъ митрополитовъ. Документъ этотъ представляетъ собою письмо кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ гетманшѣ Скоропадской о томъ, что печерскій архимандритъ Романъ Копа будто бы старается въ Москвѣ отторгнуть Гамалѣевскій монастырь отъ кіевской митрополіи и подчинить печерской лаврѣ.

«Ясновелможная м-цѣ п-нѣ гетмановая; мнѣ велце м-цѣ п-нѣ и милостивая благодѣтелко,

Дано смиренію моему отъ певныхъ нѣкоторыхъ особъ извѣстіе, что будто зостаючій теперь въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ страпческихъ монастыря святопечерского кіевского дѣлахъ, отецъ Романъ Копа, схимникъ и началникъ ближной пещеры, намѣриваетъ и монастырь строенія велможности вашей Гамалѣевскій со всякими угодьями къ нему прилежащими чрезъ страпаны свое въ Москвѣ къ высокимъ лицамъ отторгнувши отъ епархіи и катедры нашей архіерейской и подвергнути къ монастырю святопечерскому и во владѣніе свое и въ область свою подчинить, какое отцевъ святопечерскихъ намѣреніе и замышленное дѣло есть ли велможности вашей извѣстно или нѣ—извѣститися отъ велможности вашей за благо желаю воскорѣ, понеже хотя нѣкоторое мѣрности моей и приходить мнѣніе, чи не съ согласіемъ велможности вашей сіе дѣло устро-

яется, однакъ не надѣялся бъ я, дабы такій подлогъ епархіи кіевской и моему смиренію архіерейской особѣ и по мнѣ будучимъ архіереемъ, отъ велможности вашей содѣеся. О чемъ до велможности вашей подъ секретомъ сіе мое писаніе ординуючи, прошу и молю вашу велможность, такожде подъ секретомъ, мене, пастыря своего, писаніемъ своимъ немедленно увѣдомити. Какой вѣдомости ожидаючи отъ велможности вашей, божіе и моего смиренія архіерейское велможности вашей засилаю благословеніе и желаю при молитвахъ моихъ архіерейскихъ, о здравіи вашемъ всегда приносимыхъ, здравствовати благополучно на множество лѣтъ.

Велможности вашей, милостивой моей благодѣтелки всѣхъ благъ желаючій пастырь и богомолецъ смиренный Варлаамъ, архіепископъ кіевскій.

Кіевъ, 1728 г. февраля 13 дня". (Съ копіи).

---

20. Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины.

Приводимъ здѣсь разсказъ, записанный когда-то со словъ покойнаго редактора нашего журнала А. С. Лашкевича о гибели памятниковъ фамильной старины Рубцовъ, громадныя владѣнія которыхъ возбуждали зависть самого гетмана Самойловича [1]). У одного изъ многочисленныхъ потомковъ богача Ильи Рубца, Афанасія Ивановича Рубца, въ хуторѣ Раздорахъ, близъ с. Истобокъ, (новозыбковск. у., черниг. губ.) сохранялся фамильный архивъ Рубцовъ, ихъ портреты (числомъ 18) и множество старинныхъ вещей, въ томъ числѣ и жалованные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ—Михаилу Рубцу (брату Ильи) кубки. Афанасій Ивановичъ Р-цъ въ сороковыхъ годахъ сошелъ съ ума и до зимы 1869—70 г. жилъ подъ вѣдѣніемъ опекуновъ, въ своей усадьбѣ, гдѣ вся Рубцовская старина продолжала сохраняться въ томъ видѣ, какъ было и до болѣзни ея владѣльца. Слухи о богатомъ собраніи серебра, хранившагося въ усадьбѣ, расположенной среди дремучихъ лѣсовъ, давно уже привлекалъ вниманіе жителей сосѣднихъ раскольничьихъ слободъ... Въ зиму 1869—70 г. собралась шайка грабителей и напала на Раздорскую усадьбу; случайно не нашедши сундука съ серебромъ, грабители напали на больного Афанасія Ива-

---

[1]) Опис. Стар. Молорос. I, 396.

новича и страшно изранили его топорами. Отъ этихъ ранъ онъ тогда же и умеръ. Потомъ, изрубивъ мебель въ домѣ, забрали разную движимость, въ томъ числѣ фамильныя бумаги и портреты, и всю эту движимость, ломая и уничтожая, разбросали по лѣсу... Такъ погибло одно изъ богатѣйшихъ собраній фамильной старины. Оставшееся старинное серебро разошлось между множествомъ бѣдныхъ наслѣдниковъ Афанасія Ивановича, отъ которыхъ затѣмъ было пріобрѣтено разными спекулянтами.

У нѣкоторыхъ изъ Рубцовъ сохранилась впрочемъ часть фамильныхъ бумагъ и была собрана А. С. Лашкевичемъ. Этими бумагами мы пользовались при разсказѣ о Рубцахъ, въ первомъ томѣ описанія старой Малороссіи.

---

19. Изъ прошлой жизни Печерской лавры.

Въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за 1883 г. (№ 9—8, стр. 325) въ числѣ «замѣтокъ» напечатана «традиціонная характеристика кіевскихъ монастырей». Какъ передавалъ намъ, при печатаніи этой «замѣтки», покойный редакторъ «К. Ст.» Ф. Г. Лебединцевъ, «характеристику» эту записалъ онъ со словъ недавно усопшаго митрополита Платона, чѣмъ и объясняются выставленные подъ «замѣткой» иниціалы—*М. П.* По этой характеристикѣ—между прочимъ, проходитъ мимо «путника»—«преогромнѣйшій» монахъ, въ шелестящей рясѣ, сопровождаемый «во всемъ новомъ» молодымъ послушникомъ;—поклонившись монаху, путникъ спрашиваетъ: изъ какого, батюшка, монастыря? —Спытай мого хлопця! отвѣчалъ монахъ и пошелъ дальше.— Эта характеристика, относящаяся къ далекому прошлому, пополняется слѣдующими *историческими* свѣдѣніями. Путивльскій помѣщикъ Ив. Мих. Гамалѣя писалъ въ 1819 году, пріятелю своему Ив. Ром. Мартосу [1]), жившему тогда въ Печерской лаврѣ: «И мнѣ довелось быть въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ въ 1792 г. Служеніе, пѣніе и порядокъ были отличные въ лаврѣ. Я удивлялся красотамъ и богатству храма Царицы Небесной, чувствовалъ благоговѣніе въ семъ святомъ мѣстѣ и видѣлъ отцевъ соборныхъ, въ формахъ [2]) двухъ

---

[1]) Это бывшій директоръ департамента министерства юстиціи при министрѣ Трощинскомъ, жившій послѣ отставки, болѣе десяти лѣтъ, въ лаврѣ.

[2]) Формами называются особыя монашескія мѣста въ церкви, похожія на небольшіе шкапчики, безъ крышки и дверецъ.

крылосовъ, толщины необыкновенной. Теперь, думаю, лавра уже не имѣетъ подобныхъ отцевъ, которые составляли послѣдніе остатки въ лаврѣ еще послѣ Зосима [1]), да я самъ даже теперь текущій вѣкъ во всемъ, и въ великомъ и въ маломъ, тоньше прошедшаго...».

Въ другомъ письмѣ 1836 г., лаврскаго іеромонаха Варлаама, къ миргородскому помѣщику В. Я. Ломиковскому, читаемъ: «Жить въ лаврѣ выгодно и спасительно, но строгость отъ новаго намѣстника архимандрита Серафима, по духу митрополита, чрезвычайная и труды немалые, а способной братіи не такъ то много. Да и что же было бы безъ строгости! Прошло то время, что соборные старцы такъ были разнѣжены, что услыша благовѣстъ къ заутренѣ, говорили: «хлопче! иди, перекрести мене»! А теперь и того штрафуютъ, кто пришелъ въ церковь послѣ благовѣста [2])».....

20. Къ поминкамъ по Сковородѣ.

Въ «житіи» Сковороды, написанномъ Ковалѣнскимъ, («Кіевск. Стар.» 1886 г., № 9, стр. 113), разсказывается, что С—да поступилъ въ домъ Томары послѣ того, какъ былъ изгнанъ изъ Переяславскаго училища тогдашнимъ епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ и жилъ у одного изъ пріятелей, около Переяслава, въ страшной нуждѣ.— «С—да одобренъ былъ Томарѣ отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ д. Коврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку». Такъ говоритъ «житіе» Ковалѣнскаго. Ученикомъ С—ды былъ Василій Степановичъ Томара, который о приглашеніи С—ды въ ихъ домъ разсказывалъ иначе. Разсказъ этотъ записанъ въ одномъ изъ писемъ (30 іюля 1824 г.), Ив. Ром. Мартоса [3]) къ его пріятелю В. Я. Ломиковскому, причемъ поводомъ къ этому разсказу послужила статья Вернета о Сковородѣ, напечатанная въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., № 4 стр. 106). Мартосъ пишетъ: «Покойный сенаторъ Василій Степановичъ Томара, продолжавшій нѣсколько лѣтъ благопріятныя со мною сношенія, между прочимъ, пересказывалъ мнѣ весьма любопытный анекдотъ о Сковородѣ. Въ слѣдствіе чего прошу васъ перенестись мысленно въ прежнюю Малороссію, когда въ ней полковникъ состав-

[1]) Зосима Валькевичъ, архимандритъ Печерской лавры, 1762—1786.

[2]) Оба письма, въ подлинникахъ, въ нашей б—кѣ.

[3]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 10, стр. 154, примѣч.

нилъ маленькаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царя, каковымъ царькомъ въ Переяславлѣ былъ отецъ сенатора Томары, въ малолѣтствѣ избалованнаго матерью до крайности. Помянутый переяславскій полковникъ [1]), будучи въ дружбѣ съ тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ [2]), просилъ о присылкѣ къ нему въ домъ инспектора самаго лучшаго для избалованнаго матерью сына. Одолжить полковника, да еще друга, присылкою въ домъ его студента для исправленія баловня, гдѣ инспекторъ долженъ всякій разъ найтись не только въ томъ, какъ себя вести въ публикѣ, безъ оскорбленія чести своей, да и въ томъ, дабы не посрамить ни академіи, ни пославшаго—конечно для митрополита составляло немаловажную задачу. Какъ же поступилъ онъ въ семъ затруднительномъ положеніи?—Прислалъ инспекторомъ Сковороду.—Самъ ученикъ его Томара, проводившій зрѣлѣйшіе годы жизни своей въ чужихъ краяхъ, почитавшійся непослѣднимъ въ своемъ родѣ мистикомъ и кончавшій уже седмой десятокъ свой, пересказывалъ мнѣ съ полною признательностію, какимъ удивительнымъ образомъ поступилъ съ нимъ инспекторъ сей, дабы склонить его къ исправленію.

Дѣйствительно, это есть весьма любопытное происшествіе, дѣлающее честь производителю своему, но только я не имѣю теперь времени распространяться въ дальнѣйшемъ изъясненіи. Довольно для васъ и того, что мною уже сказано, дабы вамъ имѣть возможность сообразить напечатанное на 167-й страницѣ, въ разсужденіи обмана архіерея мнимою неспособностію и прочее—не чепуха ли это надряпана? Покрайней мѣрѣ не такъ обстоятельства изложены» [3]).

---

21. Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки.

1894, XI

Въ изданіи лѣтописи Грабянки 1854 г., за страницей 194-ю слѣдуетъ—197-я, а между тѣмъ въ текстѣ перерыва нѣтъ («къ сему же и Доро (конецъ стр. 194-й)—шенко (начало стр. 197-й) подобно отъ ляховъ наущенъ...»). Ошибки въ пагинаціи тоже нѣтъ, а есть здѣсь пропускъ, который долженъ былъ занимать страницы 195-ю и 196-ю.

---

[1]) Степанъ Васильевичъ Томара переяславскимъ полковникомъ не былъ, а былъ дѣйствительно большимъ „паномъ" въ Переяславщинѣ, благодаря своему богатству. См. о Томарахъ въ „Кіевск. Стар." 1885 г., № 5.

[2]) Арсеній Могилянскій?

[3]) Съ подлиннаго письма, въ нашей б—кѣ.

Вотъ этотъ пропускъ: «предлагая Бруховецкому: «чого ради онъ на вѣчное себѣ проклятіе, народъ свободній, не давно отъ лядского плѣненія, зъ многопролитіемъ крове, церзновѣніемъ и мужествомъ свободившійся, доброволнѣ же Москвѣ поддавшійся, ради тягчайшого еще порабощенія, попустилъ воеводамъ по всѣхъ градѣхъ быти, и дани отъ всякой душѣ и со всѣхъ маетностей, такожде пошлини со всѣхъ промисловъ взимати, и на воеводъ всѣмъ людямъ работати, до нихъ же ни гетманъ, ни полковники, ни всѣ начальницѣ козацкіе не имѣють въ волностяхъ ихъ никакого дѣла, зане же и прежнихъ вѣковъ нашему народу россійскому того не бывало; аще когда, допущеніемъ Божіимъ, каковіе монархи и завоевали Русь, обаче отъ того жъ народу русского старѣйшину въ Россіи поставляли и насиліемъ старѣйшинъ своихъ отъ себе не насилали людемъ, яко же и Кгедимѣнъ, князь Литовскій, побѣдивши послѣднихъ князей русскихъ, всѣ землѣ русскіе вручилъ князю Олшанскому Миндогу и его точію самого Кгедимѣнъ вѣдалъ; прочіе же властелини и обладателѣ всѣ отъ русскихъ людей бяху и своимъ точію княземъ управляеми бяху. Егда же послѣдніе роди отъ поляковъ, не повинующеся своимъ королямъ, восхотѣвше въ Россіи Малой державы свои распространяти и оттуду велія богатства собѣ притяжати, перве уставиша, дабы воеводи, каштеляни и старости зъ россіанъ не были и козакамъ потомъ отъ себе ляховъ на полковничества и сотничества наслаша; что козаки, послѣди, коронѣ польской на вѣки невозвратно шкодою и уроном заплатили!» —По каковой Дорошенковой намовѣ, зъехавши, по Богоявленіи Господнемъ, Бруховецкого енералная старшина и полковники зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоти ставши на началахъ и у крамарей себѣ дщери ихъ въ жени побравши, до оннхъ и сами присташа, и хитро, яко самоволци, имѣяху всегда на мисли разграбленіе,—зъ гетманомъ Бруховецкимъ усовѣтоваша, дабы отъ царского величества отступити. И Бруховецкій велѣлъ воеводъ, отъ него жъ самого доброволне во гради принятихъ, убивати; на что вишше писанная старшина енералная и полковники, ради хищенія и разграбленія, абіе соизволила, и разъехавшися во своя полки, еднихъ воеводъ отслаша во свояси, другихъ же, приступами въ градѣхъ добиваше, умертвиша,—точію въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переясловѣ въ крѣпостехъ затворшаяся Москва, одержася, обаче запорожци и народъ посполитій городи разграбивше, въ конецъ разориша. Зачавши убо гетманъ, за совѣтомъ наведенныхъ за собою запорожцевъ, великое и не его разумомъ могущое совершитися

дѣло, еще на болшое къ болшому людей разоренію покусился: посла посли своя въ двѣ странѣ—Стефана Гречаного въ Кримъ, призиваючи прошеніемъ хана въ согласіе и въ помощъ себѣ, даба воздвигнути брань на Москву, а Григорія Гамалѣю и Лаврентія Кашпуровича, канцеляристу, къ турскому царю, поддаючися ему со всею Украиною,—не извѣстенъ же того, яко не имѣетъ себѣ уже доброжелателного въ войску никого же, кромѣ запорожцовъ, черезъ нихъ же произведенъ былъ и на гетманство». Засимъ должно слѣдовать напечатанное на стр. 197-й продолженіе лѣтописи: «Къ сему же случаю князь Ромодановскій......».

Приведя это опущенное мѣсто изъ лѣтописи, авторомъ которой называется гадяцкій полковникъ Григорій Грабянка, кстати спросимъ людей знающихъ—на чемъ основано это авторство?—Намъ оно кажется весьма сомнительнымъ... Какъ извѣстно, ни одна изъ малорусскихъ лѣтописей не дошла до насъ въ такомъ значительномъ количествѣ списковъ, какъ лѣтопись, озаглавленная—«Дѣйствія презѣльной брани Богдана Хмелницкого». На своемъ вѣку намъ пришлось видѣть больше десятка этихъ списковъ, а между тѣмъ ни на одномъ изъ нихъ мы не встрѣтили и намека на авторство Грабянки. Въ первый разъ лѣтопись эта была напечатана Фед. Ос. Туманскимъ въ его журналѣ—«*Россійскій Магазинъ*» [1]) (1793 года), но здѣсь авторъ лѣтописи указанъ не былъ, конечно, потому что онъ не значился по рукописи. Первое печатное извѣстіе объ авторствѣ Грабянки мы встрѣтили въ одномъ изъ писемъ г. Кулиша къ умершему О. М. Бодянскому, 1846 г., гдѣ читаемъ: «посылаю вамъ лѣтопись, какъ думаю священника Михаила Пласки, а м. б. она только повторена Плискою... «*Лѣтопись Грабянки*» (начало которой тоже посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ Писаревскою, по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, *когда извѣстно имя лѣтописца*...«(Русск. Арх. 1892 г., № 11, стр. 294). Затѣмъ, явилось изданіе лѣтописи 1854 г., въ которомъ приведено заглавіе ея, повидимому, имѣвшееся на томъ спискѣ, который послужилъ основою для изданія. Въ заглавіи этомъ значится, что лѣтопись «составлена трудомъ Григорія Грабянки». Въ предисловіи, здѣсь, подробно описанъ основной списокъ, причемъ замѣчено, что списокъ этотъ принадлежалъ Гр. Андр. Полетикѣ, отъ наслѣдниковъ котораго пріобрѣтенъ М. О. Судьенкомъ, въ числѣ другихъ рукопи-

[1]) См. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, I, стр. 11.

сей.—Пріобрѣтенныя Судьенкомъ у Вас. Вас. Полетики рукописи [1]) подарены недавно наслѣдниками О. М. Судьенка († 1892 г.) Кіевскому университету. Въ числѣ ихъ мы не нашли того основного списка лѣтописи, который описанъ въ предисловіи къ изданію 1854 г., но нашли другой списокъ этой же лѣтописи, (м. б., полов. XVIII в.), на которомъ то самое заглавіе, которое впервые мы увидѣли въ изданіи Кіевской археографической коммиссіи, написано *собственноручно* Гр. Андр. Полетикою.—(Почеркъ его намъ хорошо извѣстенъ.—) Не было ли имъ же, Полетикою, написано заглавіе и на «основномъ» спискѣ?—Г. Кулишъ могъ говорить о принадлежности лѣтописи Григорію Грабянкѣ, руководствуясь тѣми же списками этой лѣтописи изъ библіотеки М. О. Судьенка, которая, повидимому, была ему доступна. Въ концѣ концевъ, можно спросить: не явилось ли авторство Григорія Грабянки плодомъ—одной только догадки Григорія Полетики или—преданія, имъ слышаннаго?..

---

23. Дневникъ гетманича Петра Апостола.

Недавно мы имѣли возможность познакомиться съ чрезвычайно интересною рукописью, заключающею въ себѣ дневникъ одного изъ сыновей гетмана Апостола, Петра, писанный на французскомъ языкѣ. Петръ Даниловичъ Апостолъ, по М. Антоновскаго, сообщенію былъ взятъ при Петрѣ Великомъ, ко двору, (едва ли не въ качествѣ заложника), и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меншикова. Тамъ же, конечно, молодой гетманичъ изучалъ и иностранные языки; изъ дневника видно, что кромѣ французскаго, онъ зналъ еще нѣмецкій и итальянскій языки, при чемъ французскій и нѣмецкій—зналъ настолько, что исполнялъ при Меншиковѣ обязанности переводчика оффиціальныхъ бумагъ.—Не разъ приходилось намъ слыхать, что у одного изъ потомковъ гетмана Апостола, г. Алексѣева, сохраняются мемуары этого самаго гетманича Апостола, писанные на французскомъ языкѣ; трудно вѣрилось этому слуху, но теперь слухъ этотъ представляется совершенно правдоподобнымъ и остается только пожелать, чтобы г. Алексѣевъ далъ возможность желающимъ поскорѣе обнародовать этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, любопытный памятникъ.—Дневникъ Петра Апостола начинается съ мая 1725 г. и заканчивается въ августѣ 1727 г.—Въ 1725 г. будущій гетманъ Д. Апостолъ, въ то время миргородскій

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1891 г., апрѣль, стр. 107 и 112, примѣч. 1-е.

полковникъ, по распоряженію правительства, жилъ въ Петербургѣ, куда онъ былъ вытребованъ для слѣдствія по дѣлу Полуботка, въ въ концѣ 1723 г. Семья Д. Апостсла оставалась въ Малороссіи. Состояла эта семья тогда—изъ жены миргородскаго полковника, двухъ старшихъ сыновей, Ивана и Петра, уже женатыхъ, и младшаго Павла, еще не женатаго. Сохранившійся дневникъ Петра А-ла обнимаетъ собою время, когда старый Апостолъ, соскучившись своею подневольною жизнью въ Петербургѣ, задумалъ выпроситься, съ помощью Меншикова, домой, «на Украйну», при чемъ сынъ его Петръ долженъ былъ, на всякій случай, остаться въ Петербургѣ, вмѣсто отца.—Выбранъ былъ для этого Петръ А-лъ, какъ человѣкъ близко извѣстный Меншикову, въ семьѣ котораго могъ и самъ замолвить слово за отца. Дневникъ застаетъ Петра А-ла въ Малороссіи, въ Миргородщинѣ, гдѣ, въ это время, сосредоточены были Апостоловскія обширныя маетности. Здѣсь, мать и старшіе сыновья жили по разнымъ селамъ, но вели, повидимому, общее хозяйство. Петръ А-лъ жилъ въ Сорочинцахъ. Отсюда онъ ѣздилъ, въ концѣ мая, въ Глуховъ, вернулся оттуда въ Сорочинцы 8 іюня и прожилъ здѣсь до половины августа, когда пришло время выѣзжать въ Петербургъ, ради освобожденія оттуда отца.

Для ближайшаго знакомства съ дневникомъ приводимъ здѣсь изъ него отрывки въ подлинникѣ, имѣя намѣреніе напечатать, въ скоромъ времени, полный переводъ этого памятника.

Іюня 15. L'allais voir ma mére à Chomutez et m'entretenant en chemin avec Deniseлiez, j'en appris le sujet de la disgrace de Zacharewski, feu colonel d'Uzium, qu'il divertissait les plages à son usage, ce que denonça un cap. appelè Czyrkow. A mon retour de Chomutez, je fis voir mes abeilles, que je trouvais au nombre de vieilles ruches—122, les essaims (рои)—78.

— *17.* Je fus voir mon frère à Portianka (одно изъ Апостоловскихъ селъ, недалеко отъ Сорочинецъ), où ma femme, accompagné, de la sienne, au sortir du bain, courrut—risque de tomber dans la fosse.

Іюля 5. Les fauchers de Chomutez commencerent à faucher. Je les fis voir.

— *14.* Je fis voir les fauchers de Jerki (село), dont il y eu—37.

— *28.* M-r le general de Weissbach, (стоявшій съ войсками въ Малороссіи), nous envoya, par un caporal du regiment de Pskow, un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg.

Выѣхалъ П. А-лъ въ Петербургъ только 19 августа, при чемъ его провожали жена и старшій братъ. *22-го августа.*—Nous passames toute une journée pres de Budki, (село ок. Ромна), ayant bu jusqu'a l'exces —*23.* Je pris congé de ma femme et de mon frère.—Въ Петербургъ А-лъ доѣхалъ только 15 октября, записавъ въ этотъ день: Je trouvai, graces à Dieu, mon père en bonne santé. Mess. Zurak. (Жураковскій), Lisoh. (Лизогубъ), Walk. (Валькевичъ), Corec. (Корецкій) et Hreb. (Грабянка) visiterent mon père.

Съ этого времени въ дневникѣ А-ла идетъ запись его времяпрепровожденія въ столицѣ, при чемъ изъ краткихъ замѣтокъ видно, что старый Апостолъ сталъ съ этого времени настоятельно хлопотать у Меншикова о своемъ отпускѣ въ Малороссію.

Ноября 15. Mon père et moi, nous fûmes chez le prince (Меншикова), à qui mon père presenta la requete.

— *21.* Mon père me donna une terrible reprimande au sujet du festin des jeunes princes de Moldavie, où j'etais sur le point d'aller.

Декабря 23. Nous fûmes chez le prince, qui declara à mon père qu'il parlerait le landemain de ses affaires à sa majesté.

Подобная же запись идетъ и въ 1726 г.

Февраля 16. Après midi, mon père allant chez le prince Galicyn, m'ordonna de l'attendre chez le pr. Menszikow, où etant venu, je ne trouvai pas le dit prince au logis; mais 1 heure après, il revint et mon (père?) s'y troura aussi. Nous y fumes accuillis de la maniere le plus gracieurse du monde.

Марта 11. M-r Bassewicz (голштинскій посолъ) envoya son valet pour me faire appeller; lorque j'y vins, il me dit qu'on delatra notre affaire ce jour—ci.

Апрѣля 1. Je fus à wyszny sud, où j'entendis de Surowcow, qu'on a deja rendu un arret pour nous faire rendre nos papiers.

— *27.* Nous fûmes chez le pr. Mensz., qui nous dit, que nous eussions patience jusqu'au jour du sacre de sa majesté.

Мая 6. Je fus de fort bonne heure à la cour du pr. Mensz., qui me fit dire par Zerebcow, que mon père eut à se venire à 2 henres, après midi, au jardin du palais imperial d'eté. Suivant l'avis du pr., mon père et moi nous nous rendimes au lieu destinè, où nous eumes l'honneur de baiser la main de sa majesté.

— *18*. Je fus avec mon père au collège de dehors; puis nous allames à l'eglise de s-te Trinité, entendre la messe, après laquelle mon père y preta le serment de fidilité, en presence de Maslow et Judicz [1]).

— *21*. Je fus avec mon père chez le pr. Mensz., qui donna l'ordre pour son depart et le passeport.

Мая 27. Mon père partit avec l'aide de Bien (?) pour l' Ukraine.

— *28*. Je fus chez le pr. Mensz., ayant eu l'honneur de baiser ses mains.

Іюля 30. On me donna dans la chancellerie du pr. divers pièces françaises et allemandes à traduire, à quoi je passai toute la journée.

1727 г., февраля 1. Ma femme arriva à Emska (Янская), où j'ai passai la nuit.

— *2*. Je me transporté avec elle à Petersbourg.

— *18*. Le prince me fit appeller pour me demander une specification de certains biens en fonds en Allemagne. Je traduisis la lettre 1) de Bulhak, 2) l'assurance, 3) la lettre de m-r Duprè.

— *24*. Je lus devant le prince les pièces mentionnèes ci-dessus, que l'on ma donnè à traduire: 1) la lettre de l'eveque de Vilne, 2) le memorial du chanoine de Vilne, 3) la patente de la fondation de l'eglise de Horki.

— *25*. Je dinai avec ma femme chez les princes de Valachie.

— *30*. Le prince m'a fait traduire les etiquettes des pommades (?)

— *Мая 3*. Ma femme fit une fausse couche.

— *6*. Les jeunes princesses (Меншиковы) de compagne avec le prince leur frère, me visiterent. A 9 heures du soir, sa majesté l'imperatrice est decedée.

— *7*. Le grand duc fut proclamé empereur de Toutes les Russies. Le meme jour j'eus l'honneur de lui baiser la main.

— *16*. L'on enterra le corps de s. m. l'imperatrice. J'y assistai, en faisant la cour aux princesses. Immendiatement àpres l'enterrement, s. m. l'empereur vint loger au palais du pr. Menszykoff.

— *Августа 3*. L'ecuyer partit pour l'Ukraine.

Этою записью кончается дневникъ Петра Апостола.

---

[1]) Эта любопытная присяга („живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностію напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ., LV, 291.

24. Преемніе изыскатели малорусской старины.

Въ предисловіи къ своей лѣтописи Величко такъ объясняетъ поводъ къ ея написанію: читая разныя историческія сочиненія, онъ находилъ въ нихъ „объясненіе славы только иностранныхъ народовъ; разыскивая же свѣдѣнія о прошломъ своей родины, онъ увидѣлъ, что „рыцарскія отваги и богатырскія дѣянія сармато-козацкихъ предковъ" остаются безъ описанія и объясненія, „будучи покрыты плащемъ лѣности своихъ историковъ". Если и можно найти кое-какія интересныя свѣдѣнія о „нашихъ козацко-русскихъ предкахъ", продолжаетъ Величко, то таковыя находятся не у „нашихъ лѣнивыхъ", а у „иностранныхъ исторіографовъ". Бѣдность своего лѣтописанія навела было Величко на мысль—самому описать „славныя и великія дѣла героевъ своей родины", но не „дерзнулъ" скромный книжникъ на такой трудъ по недостатку матеріала, по отсутствію „козацкихъ лѣтописцевъ". Когда же пришлось Величку пройти въ 1705 году, съ козацкими войсками, черезъ „тогобочную малороссійскую Украину" и когда онъ увидѣлъ разоренный видъ послѣдней, то, живо заинтересовавшись картинами запустѣнія, сталъ распрашивать людей старинныхъ: „почто бысть тако, изъ якихъ причинъ и чрезъ кого опустошися тая земля наша"?—Отвѣты получались, говоритъ Величко, неполные, неудовлетворительные... И лишь въ книгахъ нашелъ онъ отвѣтъ на свои вопросы, но и этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ добросовѣстнаго изыскателя родной старины, потому что въ „лѣтописныхъ сказаніяхъ" оказались „несогласія", т. е. противорѣчія. Тогда Величко—„для выгоды чителника малороссійскаго, трудолюбствуя, понудихся—вывести, простимъ стилемъ и нарѣчіемъ козацкимъ, исторію о войнѣ зъ поляки Хмелницкого и о запустѣніи тогобочномъ украино-малороссійскомъ"...

Такъ объяснилъ происхожденіе своего историческаго труда „истинный Малой Россіи сынъ", какъ назвалъ себя авторъ, подписываясь подъ этимъ объясненіемъ.

Приведенное предисловіе даетъ намъ основаніе видѣть въ Величкѣ перваго по времени изыскателя малорусской старины

съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ—дать тогдашнему читателю возможность познакомиться съ исторіей родины.—Продолжатели Величка явились лишь въ началѣ второй половины XVIII в., когда вмѣстѣ съ сокращеніемъ автономной жизни старой Малороссіи, начался въ ней рѣшительный переходъ къ общегражданскимъ формамъ государства. Въ это время потребовался новый о прожитой страною жизни историческій трудъ, который долженъ былъ дать тому же „малороссійскому читателю" возможность сопоставить уходившій старый строй—съ наступавшимъ новымъ. Такая работа была исполнена, повидимому, *наскоро*, образованнѣйшимъ въ то время „сыномъ Малой Россіи" Гр. А. Полетикою, вслѣдъ за его избраніемъ депутатомъ въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія. Мы разумѣемъ здѣсь, явившуюся около 1770 г., „Исторію Русовъ", написавъ которую съ достаточною долею „патріотической горячности", Полетика—въ то время инспекторъ морскаго кадетскаго корпуса,—пустилъ ее въ свѣтъ безъ своего имени.—Не останавливаясь на „Исторіи Русовъ", Полетика сталъ ревностно собирать по архивамъ, преимущественно—государственнымъ, матеріалы для исторіи Малороссіи, тѣмъ самимъ признавая неполноту и односторонность исполненнаго уже труда, сталъ писать статьи и говорить рѣчи публицистическаго характера [1]) и—возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ такой интересъ къ малорусской старинѣ, что изъ среды его появились и другіе изыскатели этой старины. Въ ряду послѣднихъ мы видимъ и людей съ достаточнымъ книжнымъ образованіемъ, результаты изыска-

---

[1]) Высказывая здѣсь нѣсколько опредѣленнѣе нашу догадку о написаніи „Исторіи Русовъ„ Гр. А. Полетикою, мы основываемся при этомъ на характерѣ литературной дѣятельности послѣдняго—какъ она выражается въ его бумагахъ, недавно поступившихъ, вмѣстѣ съ другими рукописями собранія М. О. Судіенка, въ библіотеку Кіевскаго университета. Въ числѣ этихъ бумагъ мы видѣли, какъ тѣ матеріалы для исторіи Малороссіи (нѣсколько фоліантовъ), о которыхъ говоримъ выше, такъ статьи и рѣчи гр. А. Полетики. Говоря, что „Исторія Русовъ" была написана *наскоро*, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что событія XVIII в. въ сей исторіи, особенно начиная съ измѣны Мазепы, въ значительной части писались, какъ видно, по живому преданію, а отчасти, должно быть, и по личнымъ свѣдѣніямъ автора. Отсюда—анекдотическій характеръ въ изложеніи этихъ событій. Для такого способа писанія исторіи—много времени не требовалось, особенно при литературномъ талантѣ Гр. А. Полетики...

ній которыхъ явились въ учено-литературныхъ трудахъ, и людей, не имѣвшихъ такого образованія, но которые ревностно собирали сырые матеріалы для изученія малорусской старины. Ограничивая рядъ этихъ изыскателей первою половиною настоящаго вѣка, поименный ихъ списокъ будетъ такой: Гр. А. Полетика, А. И. Чепа, Ф. Ос. Туманскій, Я. М. Марковичъ, М. И. Антоновскій, В. Гр. Полетика, В. Я. Ломиковскій, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, М. Ф. Берлинскій, А. И. Мартосъ, А. М. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица были начинателями и пособниками того научнаго изученія малорусской старины, которому посвящаютъ теперь свои труды участники „Кіевской Старины". Отсюда является настоятельная надобность ближайшаго знакомства, какъ съ личностями этихъ прежнихъ изыскателей малорусской старины, такъ и съ ихъ трудами по этому предмету.

Этихъ лицъ и имѣютъ въ виду настоящіе очерки.

I. Яковъ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1776 † 1804).

Яковъ Андреевичъ Марковичъ, авторъ обширнаго Дневника, какъ видно изъ послѣдняго, былъ человѣкъ по преимуществу книжный. Уже во время ученія М—ча въ Кіевской академіи, одинъ изъ профессоровъ послѣдней, извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ, обратилъ на него вниманіе и совѣтовалъ ему не разставаться съ книгой и по выходѣ изъ академіи. Такъ М—чъ и дѣлалъ: преслѣдуя житейскіе интересы въ разныхъ ихъ формахъ, М—чъ не разставался и съ книгою. У него была порядочная для того времени библіотека, преимущественно богословскаго содержанія, къ которой онъ постоянно обращался, не прерывая цѣлую жизнь литературныхъ занятій, состоявшихъ то въ переводахъ, то въ сочиненіи богословскихъ разсужденій. Книжность М—ча была причиною и его неустаннаго продолженія своего дневника въ теченіе полувѣка.... Въ семейной жизни М—чъ не былъ счастливъ. Женившись 18-ти лѣтнимъ юношей на дочери извѣстнаго Павла Полуботка,

М—чъ имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ выросли только двѣ дочери, но въ концѣ концовъ и ихъ пережилъ отецъ; умерла и жена М—ча, оставивъ пятидесятилѣтняго вдовца, который женился послѣ этого черезъ три года, во второй разъ. Отъ второй жены у М—ча родился въ 1752 г. сынъ Михаилъ, который и былъ продолжателемъ рода своего отца. М—чъ очень заботился объ ученіи и воспитаніи своего „Миши"; сначала учили его дома, а 14-ти лѣтъ—отецъ отвезъ его въ Глуховъ, къ какому то Верту, „учителю латинскаго языка", а черезъ годъ, въ 1767 г., молодой Марковичъ отвезенъ былъ „для наученія" въ Москву. Черезъ три года послѣ этого умеръ Як. Андр. М—чъ. Мы не знаемъ, гдѣ и какъ окончилъ свое ученіе Михаилъ М—чъ, но знаемъ, что въ 1774 г. онъ уже женился; женился онъ на дочери бригадира Петра Ив—ча Забѣлы († 1793 г.) Настасьѣ. Отъ этого брака у М. Я. М—ча было пять дочерей и четыре сына: Яковъ (р. 1776 г.), Петръ (р. 1782 г.), Андрей (р. 1785 г.) и Александръ (р. 1790 г.). Изъ этихъ сыновей—старшій Яковъ и младшій Александръ съ молодыхъ уже лѣтъ, вѣроятно по наслѣдству отъ дѣда, обнаружили учено-литературныя наклонности.

Яковъ Михайловичъ Марковичъ оставилъ послѣ себя небольшую (въ 98 стр.) книжку,—*Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ*,—напечатанную въ 1798 г., когда автору было отъ роду съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Не смотря на малый объемъ книжки, она, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, представляетъ собою учено-литературную работу, авторъ которой во всякомъ случаѣ не долженъ быть забытъ. М—чъ начавъ рано свою умственную жизнь, рано и умеръ; поэтому біографическія свѣдѣнія о немъ не велики и несложны.

Гдѣ начиналъ свое ученіе М—чъ, мы не знаемъ; очень, впрочемъ, вѣроятно, что ученіе это онъ проходилъ въ Глуховѣ, въ пансіонѣ „мадамъ" Лэянсъ, о которомъ младшій братъ Якова М—ча говоритъ, что *пансіонъ этотъ извѣстенъ былъ во всей Малороссіи* [1]). Предположеніе объ обученіи М—ча въ пансіонѣ Лэянсъ

---

[1]) Опис. Стар. Малорос., II, 433. См. также Сулим. Арх., 137.

до нѣкоторой степени подтверждается и его обстоятельнымъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ.—Изъ Глухова М—ча отвезли, какъ когда то и отца его, въ Москву, откуда сосѣдъ М—чей, Клечановскій, писалъ (6 іюля 1792 г.) къ его матери: „м. г—ня Настасья Петровна. Яковъ Михайловичъ, благодаря Бога, здоровъ. Много я старался, сударыня, освободить его отъ извѣстной вамъ болѣзни. Въ насъ, въ университетѣ, есть самые искусные доктора и опытные въ своей должности, я ихъ просилъ и самъ, и посредствомъ профессоровъ, которые для меня есть очень хорошіе люди, то они въ разсужденіи сей болѣзни сдѣлали между собою консиліумъ и говорятъ, что ето такая внутренная болѣзнь, отъ которой никакое лѣкарство пособить не можетъ, а совѣтуютъ носить бандажъ, потому что Я. М. теперъ растетъ, то можетъ быть въ сихъ лѣтахъ и сама по себѣ минется. Одному изъ нихъ я сулилъ хорошее награжденіе отъ имени ваше, чтобъ онъ одинъ объ етомъ постарался, но ни за что не согласился. Однакъ, слава Богу, теперь етотъ припадокъ съ Я. М. рѣдко случается, но и то гораздо легче противъ прежняго."—Изъ слѣдующаго письма видно, что М—чъ въ это время уже учился въ Москвѣ, какъ можно догадываться,—въ тамошнемъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ [1]). Въ самомъ концѣ декабря (28-го), того же 1792 г., М—чъ пишетъ къ роднымъ: „Я получилъ за прилѣжаніе сребряную медаль и книгу, то неужъто не удостоюсь и отъ васъ, нѣжныхъ родителей, одобренія, дабы въ послѣдующее время труды мои возъимѣли гораздо живѣйшую быстрость, ясность и достигли бы наконецъ такого совершенства, что я можетъ быть въ состояніи буду принесть пользу отечеству и себѣ.—Впрочемъ съ достодолжнымъ моимъ сыновскимъ почтеніемъ пребываю въ надеждѣ, любезные родители! вашъ послушный сынъ Яковъ Марковичъ".

---

[1]) См. Воспоминанія объ этомъ пансіонѣ Н. Сушкова (Чтенія Моск. Общ. Ист. 1848, I, 31—104), откуда видимъ, что съ 1791 г. тамъ получили золотыя медали, между прочими, слѣдующіе уроженцы Малороссіи: Семенъ и Аркадій Родзянки, Яковъ Лизогубъ, Григорій Полетика (сынъ Гр. Андр—ча), Александръ Величко и Алексѣй Войцеховичъ.

После этого письма следуетъ значительный перерывъ въ перепискѣ М—ча съ родными. За 1793-й годъ мы не имѣемъ ни одного письма; а между тѣмъ въ концѣ этого года въ семьѣ М—ча случилось большое несчастье: въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ" и лишился употребленія языка, руки и ноги. Точныя вѣсти о болѣзни отца дошли къ сыну, повидимому, нескоро. Въ половинѣ іюля 1794 г. М—чъ пишетъ матери: „м. г—ня матушка! наконецъ узналъ я причину вашего молчанія, которое часъ отъ часу болѣе лишаетъ меня спокойствія. Да и какъ возможно быть спокойнымъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Какъ быть спокойнымъ, услышавъ такое несноснѣйшее и печальнѣйшее извѣстіе, которое тѣмъ болѣе ужасно, что ни малѣйшій слухъ ни о чемъ ко мнѣ не доходилъ? Любезнѣйшая матушка! Не лишите меня сего самаго малого удовольствія, сдѣлайте милость, увѣдомите меня объ томъ, что дома происходитъ. Можетъ быть, Богъ столь милосердъ, что этотъ слухъ ложенъ. О есть ли бы онъ былъ ложенъ, то бы сыновнее сердце мое воспылало благодарностію къ источнику блага. Великій, праведный Боже!.. Ты видишь горесть мою, видишь!—но сердце мое знаетъ, что источникъ милости и источникъ человѣколюбія въ единомъ Тебѣ обитаетъ!... Но сердце мое тяжко бьется, и ни что, ни что не можетъ привесть его въ спокойное состояніе. Боже мой!... Но есть ли слухъ вѣренъ, есть ли и въ самомъ дѣлѣ правосудіе столь жестоко, есть ли и подлинно такъ слѣпо провидѣніе, есть ли столь неумолима, столь несмягчительна злоба смерти, то какое жъ наше щастіе и наше благо и чего ожидать намъ остается! Лишивъ насъ недавно ближайшихъ, любезнѣйшихъ предметовъ [1]), которые еще всегда извлекаютъ и извлекать будутъ вздохи изъ сердецъ нашихъ, горестію отягченныхъ, которыхъ воспоминаніе, которыхъ имена вѣчно неизгладимы въ нихъ пребудутъ, лишивъ насъ,— еще лишаютъ подпоры неопытныхъ лѣтъ нашихъ, и лишаютъ столь жестокимъ, варварскимъ образомъ. Дражайшая матушка!

[1]) Въ 1793 г. умеръ дѣдъ Як. М—ча по матери. Можетъ б. и онъ здѣсь разумѣется

простите мнѣ, что я смѣю обезпокоивать васъ такимъ печальнымъ плачевнымъ, и несноснымъ для сердца моего воспоминаніемъ. Простите мнѣ, я не могу удержать волнованія души моей, унять вздоховъ сердца моего, я не могу довольно оплакать нещастя своего. Я опять васъ прошу: сдѣлайте милость, дражайшая матушка, не лишите меня вашихъ писемъ, потому что молчаніе ваше часъ отъ часу тяжелѣе для сердца моего. И возможно ли, уже два мѣсяца, какъ я ни слова о здоровьи васъ и домашнихъ не знаю. Я живу далеко отъ дому и потому сколько горестно для меня не получать о родителяхъ извѣстія; сдѣлайте милость, любезнѣйшая матушка, изволте увѣдомить меня или сами, или приказать безсовѣстнымъ сестрицамъ утѣшить меня хоть разъ еще письмами своими. Повѣрьте, люб. м—ка, что это время, въ которое я ни отъ васъ, ни отъ сестрицъ не получалъ писемъ, такъ для меня грустно и несносно, что ни одинъ часъ не проходилъ совершенно весело и спокойно: и—то различные мысли занимали душу, или—то заставляли грустѣть (sic), потому что и сестры забыли меня. Сверхъ того, я зналъ давно, что батюшка нездоровъ, то—чего сердце мое не имѣло и не чувствовало въ сіи два мѣсяцы, которые болѣе нежели два года показались? Но, наконецъ получилъ, я извѣстіе, котораго во всю жизнь свою не желалъ бы слышать; о Боже мой! того ли я ожидалъ за бѣдственно претерпѣнные два сіи мѣсяцы. Но видно, ахъ! видно, что мнѣ не опредѣлено было вкусить спокойствія, вкусить радости, не другой какой, но только той радости, чтобъ любезнѣйшіе родители были благополучны и здоровы, и чтобъ всѣ родственники, всѣ ближайшіе мои—наслаждались такими же дарами. Я есмь, любезнѣйшая матушка, вашъ покорнѣйшій, послушнѣйшій и вѣрнѣйшій сынъ Я. М.".

Что дѣлалъ М—чъ въ 1794 г., когда писалъ это письмо, не знаемъ, но 1795 г. онъ провелъ въ Малороссіи, причемъ посѣщая Перервинское имѣніе своего отца, въ Пирятинскомъ уѣздѣ, познакомился съ другимъ изыскателемъ малорусской старины—А. И. Чепою[1]), жившимъ въ томъ же уѣздѣ, въ с. Чепурковкѣ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1890 г., № 5, стр. 364 и 1892 г., № 1, стр. 47.

Съ какимъ вниманіемъ относился къ двадцатилѣтнему М—чу почтенный ревнитель малорусской старины, видно изъ его письма, писаннаго къ М—чу 29 сентября 1795 г., имѣніе Марковичей, с. Перервинцы: „вчера былъ у меня мой почтеный сосѣдъ Петръ Степановичъ Волховскій. Услышавъ отъ меня о вашемъ здѣсь пребываніи и бывши знакомъ вашему батюшки, усильнѣйше просилъ меня познакомить его съ вами; я обѣщалъ ему на завтрашній день согласить васъ къ нему обѣдать; въ томъ я надѣялся на дружеское ваше ко мнѣ расположеніе. Я ему пересказалъ въ краткихъ словахъ о вашихъ добродѣтеляхъ и достоинствахъ, кои я видѣть и чувствовать могъ, и онъ съ нетерпѣливостію васъ ожидать будетъ..."

Очень вѣроятно, что ближайшее знакомство М—ча съ Чепою послужило значительнымъ толчкомъ въ развитіи у перваго охоты къ занятіямъ мѣстною стариною. Чепа издавна началъ собирать разнаго рода письменные памятники по исторіи Малороссіи и во время знакомства съ М—мъ обладалъ уже значительнымъ ихъ запасомъ. Изъ переписки Чепы съ В. Т. Полетикою видно, съ какою ревностью относился этотъ собиратель къ вопросу о написаніи „славной вѣтви россійской исторіи—исторіи Малороссіи". Очень можетъ быть, что въ эти свиданія въ 1795 г., съ М—мъ, Чепа и передалъ ему свои сборники матеріаловъ[1]) съ надеждою, что юный адептъ родной старины возьмется за писаніе этой исторіи.—Но пока дѣло дошло до ближайшаго изученія источниковъ послѣдней, М—чъ поступилъ прежде въ военную службу, которую въ декабрѣ 1796 г. уже рѣшилъ и оставить, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему матери, писаннаго 30 декабря 1796 г., въ Петербургъ.

[1]) Тамъ-же, стр. 50. Свѣдѣній о Чепѣ сохранилось такъ мало, что мы находимъ не лишнимъ привести здѣсь недавно встрѣченный о немъ отзывъ человѣка хорошо его знавшаго лично: „статскій совѣтникъ Чепа, служившій въ канцеляріи Румянцева по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно и даже опередившій въ томъ свое время. Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ Полтавской губерніи, и былъ не единожды призываемъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ правители канцеляріи, но безъ успѣха". (Изъ бумагъ М. О. Судіенка).

„Любезный мнѣ Яковъ Михайловичъ. Я получила твое письмо, которое меня весма огорчило, видя съ онаго такую тебѣ неудачу, но чтожъ дѣлать, не одному тебѣ,—и знатнѣйшіи тебя одинъ жребій имѣютъ, а толко старайся здоровье свое зберегти и старайся спискать благодѣтелей себѣ: но можно ли куда опредѣлиця къ писменимъ дѣламъ, когда тебѣ тяжола кажеця служба военная, а въ отставку не спѣши, подумай, что ты зъ себя здѣлаешь, когда пойдешь въ отставку сержантомъ. Я зъ твого писма увидѣла, что ти не получилъ денегъ и писемъ моихъ; я послала тебѣ, ноября 18, 100 р., декабря 13 тебѣ послала 450 р. и послѣ Осиповичу послала 50 р., декабря шестого. Да скажи повѣреному, не можно ли теперъ какъ виискать апеляцѣй затераниxъ, посланихъ отъ батюшки по дѣлу зъ Оболонскимъ и Заводовскимъ“...

Изъ этого письма можно заключить, что М—чъ служилъ рядовымъ въ гвардіи, причемъ „неудача“ этой службы, повидимому, заключалась въ измѣненіи порядковъ гвардейской службы, послѣдовавшихъ съ воцареніемъ императора Павла I.—Оставивъ военную службу, М—чъ началъ искать въ Петербургѣ службы гражданской; для этого онъ старался, какъ и прочіе малороссы, найти доступъ къ Безбородку, въ чемъ и успѣлъ при благопріятствѣ Трощинскаго, съ охотою помогавшаго землякамъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ искать счастья.—Въ концѣ февраля 1797 г., М—чъ писалъ матери: „м. г-ня матушка, съ восхищеніемъ спѣшу я увѣдомить васъ, о положеніи своемъ, которое слава Богу исправляется, дабы чрезъ то удалить отъ васъ всякое сомнѣніе. Г. Трощинскій оказываетъ мнѣ великое снисхожденіе, онъ принялъ отъ меня прозьбу и вручилъ ее графу Безбородкѣ, коего просилъ онъ обо мнѣ для помѣщенія въ иностранную коллегію, въ коей графъ первый членъ.—И такъ, судьба моя не знаю какъ рѣшится; я сердечно желалъ бы быть принятымъ, но не знаю какъ будетъ... Я за честь почелъ знакомиться здѣсь съ многими людьми, а особливо изъ бывшихъ моихъ соучениковъ, которые теперь при весьма важныхъ мѣстахъ. Я познакомился также съ дѣтьми Бакуринскаго, нашего губернатора, съ шуринами и сыномъ графа Ильи Андрее-

вича Безбородка, и многими другими, которые меня такъ полюбили, что даже оставляютъ у себя ночевать и помогаютъ мнѣ".

Благодаря помощи земляковъ, М—чъ пристроился въ Петербургѣ и, какъ видно, хорошо: онъ былъ назначенъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, въ которой Безбородко былъ первымъ членомъ. Объ этой службѣ М—чъ писалъ, въ іюлѣ 1797 г., къ матери: „служба моя хотя и становится труднѣе, но я доволенъ ею. Съ помощію Бога можно при семъ выиграть больше, нежели въ другомъ". Тутъ же М-чъ добавляетъ: „въ свободное время, *занимаюсь я составленіемъ одной книги*, которую посвятить хочу Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому". Черезъ мѣсяцъ, въ августѣ, М—чъ снова упоминаетъ въ письмѣ къ матери, о „составленіи своей книги": „я писалъ вамъ, что хочу посвятить книгу г. Трощинскому; я денно и нощно тружусь надъ нею и скоро будетъ готова, но нужны деньги, чтобъ ее напечатать. Теперь время весьма благопріятно, такъ сдѣлайте милость, не замедлите и пришлите, какъ можно скорѣе, денегъ, чтобъ я могъ скорѣе сдѣлать желаемое. Вы не пожалѣйте, матушка, и пришлите 500 р.—Я отъ намѣренія своего ожидаю хорошаго успѣха, к теперешнее время весьма дорого. Вся надежда моя теперь на васъ". На это письмо мать отвѣчала: „я получила твое письмо, въ которомъ пишешъ о книги, которую сочиняешь; я весма рада, когда сіе будетъ къ благополучію, а толко то для меня непріятно, что ты симъ дѣломъ много здоровя своего теряешъ. Да смотри, зъ книгою будь весма осторожена, чтобъ не подалъ на себя какой критики. Денегъ тебѣ посылаю 300 р., а болше вседушно бъ рада, но крайне нетъ, и сама теперь остаюсь безъ оних".

Въ письмахъ этихъ идетъ рѣчь объ изданной М—чемъ книжкѣ—*Записки о Малороссіи*. Хотя въ приведенномъ письмѣ авторъ ея и говоритъ, что книжку свою онъ писалъ съ цѣлію получить „хорошій успѣхъ", разумѣется, въ достиженіи житейскихъ благъ, но изъ его приготовленій къ работѣ для этой книжки вовсе не видится указываемаго М—чемъ практическаго стимула. По всѣмъ вѣроятіямъ, авторъ въ письмѣ къ матери на себя клевещетъ, желая выпросить побольше денегъ, въ кото-

рыхъ постоянно нуждался.—Послѣ М—ча остались черновыя тетради приготовительныхъ работъ по написанію имъ своей книжки, при чемъ изъ этихъ тетрадей ясно видно—какъ онъ добросовѣстно подготовлялъ свою работу и какъ онъ былъ далекъ здѣсь отъ житейскаго „хорошаго успѣха"... Одна изъ этихъ тетрадей („Выписки для древней исторіи Россіи. Начаты въ 1797 г.") заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ, источниками для которыхъ служили ему слѣдующія книги: а) Отвѣтъ Болтика на письмо кн. Щербатова, б) Скифская исторія, Лызлова, в) Записки касательно Россійской исторіи, (соч. императрицы Екатерины II), г) Ядро Россійской исторіи, Хилкова, д) Опытъ о библіотекѣ Академіи Наукъ, Бакмейстера, е) Das Russische Reich, Зонтага, ж) Voyage de milady Craven à Constantinople par la Crimée, (Лондонъ, 1789), з) Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Гердера, и) Опытъ повѣствованія о Россіи, Елагина [1]), і) Religie der muscuviters, на голландскомъ яз., изд. 1698 г., к) Церковный словарь, прот. Алексѣева, л) Россійская исторія, Эмина, м) Россійская исторія, Левека, (напечатана I-я часть въ 1787 г.), н) Академическія извѣстія, 3-й томъ, 1779 г., о) Тредьяковскаго, Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ, п) Словарь Россійской Академіи и р) Зеркало свѣта, журналъ изд. Ф. Туманскаго.

Уже одинъ этотъ списокъ показываетъ, что М—чъ, готовясь къ изданію своихъ „Записокъ", прочиталъ не мало такихъ сочиненій, которыя были далеко не въ постоянномъ оборотѣ даже и тогдашнихъ цеховыхъ ученыхъ; для этого достаточно указать на книгу Гердера,—Ideen, изъ которой М—чъ сдѣлалъ три страницы извлеченій о славянахъ. Дѣлая выписки, М—чъ иногда присоединяетъ къ нимъ и свои замѣчанія, указывающія, что къ источникамъ онъ могъ относиться и критически. Напр., дѣлая выписки изъ голландской книги—Religie der Muscuviters, М—чъ замѣчаетъ: „вся эта книга наполнена

[1]) Указавъ „Опытъ" Елагина, М—чъ отмѣчаетъ, что пользовался имъ *по рукописи*. (Книга Елагина напечатана только въ 1803 г.); изъ этаго сочиненія М—чъ взялъ въ свою книжку (стр. 23, прим. 33)—„переводъ пѣсни храбраго Гаральда, за коимъ была княжна Елисавета Ярославишна."

пустяками, враками и вздоромъ. Изъ описанія только одни изображенія идоловъ (заслуживаютъ вниманія?), о коихъ авторъ говоритъ—(слѣдуетъ голландскій текстъ, въ которомъ значится, что свѣдѣнія эти голландскій авторъ получилъ van un *jode*). Трудно повѣрить, продолжаетъ М—чъ, чтобы жидъ могъ доставить сочинителю то, чего русскіе не могли отыскать до сихъ поръ". Тѣмъ не менѣе, М—чъ тутъ же срисовываетъ перомъ, и очень искусно, изображенія этихъ идоловъ: *pioruni*, *chorsi*, *mocosi*, и *stribi* [1]).—Приведенныйвыше списокъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался для задуманной работы, пополняется еще цѣлымъ рядомъ другихъ, означенныхъ въ цитатахъ напечатанной книжки, гдѣ указываются: Плутархъ, Геродотъ, Несторъ, Синопсисъ, Щербатова—Россійск. исторія, Леклеркъ, Ломоносовъ—Древн. Россійск. исторія, Пуффендорфъ, Географ. словарь, Полунина и Миллера, Шереръ (Annales de la petite Russie), Стрійковскій, Коховскій Веспасіянъ, Фрибе (Ueber Ruszlands Handel)... Отсюда мы видимъ, что тотъ ученый аппаратъ, съ которымъ двадцатилѣтній М—чъ приступалъ къ своему труду, представляется во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по полнотѣ, особенно, если къ этому аппарату присоединить еще и тѣ *личныя наблюденія* М—ча надъ „жителями и произведеніями" Малороссіи, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книжкѣ.

Какъ-же авторъ исполнилъ свой трудъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ подробною передачею содержанія книжки, которая, въ виду ея рѣдкости, очень мало извѣстна. Книжку свою М—чъ посвятилъ Трощинскому, при чемъ въ посвященіи говоритъ:

«Еще до сихъ поръ Малороссія не описана никѣмъ подробно. Я осмѣлился изображать ее не кистью историка или физика, но какъ юный сынъ, посвящающій первый опытъ своихъ познаній и чувствованій мать-странѣ своей».

Затѣмъ въ предисловіи авторъ подробно излагаетъ планъ своего описанія.

«Славный натуралистъ Линней удивляется, что страна, такъ щедро природою облагодѣтельствованная, какова Малороссія, не за-

[1]) См. „замѣчаніе" къ стр. 16-й „Записокъ". Рисунки сдѣланы М—мъ въ его тетради „выписокъ".

манила къ себѣ ни физиковъ, ни историковъ. Давно похитила смерть сего друга натуры; естьлибъ онъ живъ былъ, то до сихъ поръ, можетъ быть, удивлялся бъ тому. Я имѣлъ удовольствіе жить въ сей пріятной странѣ и занимался разсматриваніемъ ея жителей и произведеній. Все, что мнѣ казалось примѣчательнымъ, полезнымъ, новымъ, записывалъ я въ своемъ журналѣ, разсуждалъ о томъ или сравнивалъ съ мыслями авторовъ, писавшихъ прежде о тѣхъ же матеріяхъ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось, чтобы и другіе могли судить о успѣхѣ наблюденій моихъ,—и вотъ главнѣйшая причина, почему издаются сіи Записки. Въ каждой части помѣщены будутъ статьи изъ древней и новой малороссійской исторіи, черты, объясняющія характеръ жителей, идрографическія и топографическія описанія, общее исчисленіе минераловъ, растеній и животныхъ, находящихся въ разныхъ частяхъ Малороссіи, и частная исторія примѣчательнѣйшихъ породъ оныхъ и проч. и проч. Въ нужныхъ случаяхъ присовокуплены будутъ и изображенія писанныя съ натуры и гравированныя самимъ авторомъ [1]). Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опытъ трудовъ моихъ былъ безъ всякихъ погрѣшностей и недостатковъ. Однако я прошу читателей разбирать его со всею строгостью ученаго критика. Ихъ исправленія и примѣчанія приму я съ великою благодарностью, только *были-бы оныя, касательно исторіи, доказаны*, а по физической части основаны больше на собственныхъ наблюденіяхъ, нежели на словахъ — какого автора [2])».

Первая (и единственная) книжка „Записокъ" заключаетъ въ себѣ шесть главъ:

1. Историческое изображеніе страны, называемой нынѣ Малою Россіею, съ древнихъ временъ до первогонадесять вѣка.

2. Взглядъ на прежнее и нынѣшнее гражданское устройство Малороссіи.

3. Общее физическое описаніе Малороссіи.

4. Характеристика малороссіянъ.

5. Малороссійская идрографія или описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи.

6. Исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи.

[1]) Такихъ „изображеній" при первой книжкѣ—нѣтъ.

[2]) Предисловіе подписано „15 генваря, 1798 г.".

Въ первой главѣ (стр. 1—28) изложенъ краткій историческій очеркъ народовъ, обитавшихъ на территоріи средняго Днѣпра, сарматовъ, скифовъ, славянъ... Очеркъ оканчивается разсказомъ о княженіи Ярослава I, при чемъ въ концѣ очерка значится: „*продолженіе исторіи въ слѣдующей части*".

Первый свой очеркъ авторъ начинаетъ такъ:

«Я не хотѣлъ бы вступать въ царство мечтаній и призраковъ (Плутархъ называетъ такъ исторію древнихъ временъ), не хотѣлъ бы представлять картины мрачной древности, естьлибъ исторія не объясняла характера и не показывала степеней образованія и промышленности каждаго народа. Время изгладило всѣ слѣды, по коимъ можно бы дойти до мѣста рожденія и до гробовъ первыхъ обладателей Малороссіи; но можно именовать ее *колыбелью Россовъ*, потому что предки оныхъ сарматы, скифы и славяне поселились тамъ прежде и построили первые города. Часть, которую занимали сарматы, была обширнѣе и называлась *суоми*; а скифы жили только при берегахъ Днѣпра, и для отличія отъ прочихъ скиѳскихъ племенъ именовались *геррійскими*. Въ 33 или 34 году по Р. Х. св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ имъ христіанскую вѣру».

При послѣднихъ словахъ авторъ дѣлаетъ ссылку на „древняго нашего историка Нестора", прибавляя, что „новѣйшіе писатели сомнѣваются о семъ".

Во второй главѣ—о гражданскомъ устройствѣ Малороссіи стр. 29—41)—появленіе послѣдней въ исторіи объясняется такъ:

«Со временъ Олега до вел. кн. Владиміра страна, называемая нынѣ Малороссіею, составляла одну область; но въ началѣ перваго на десять вѣка она раздѣлена была на три княжества, Кіевское, Черниговское и Сѣверское, коими правили удѣльные князья. По завладѣніи сихъ княжествъ Литвою, переименованы оныя Малою Россіею въ отношеніи къ той большой части Россіи, которою русскіе князья владѣли. Польскій король Казимиръ Ягелловичъ учредилъ тамъ воеводство и повѣты, ввелъ магдебургское право, поставилъ воеводъ, судей, старостъ и каштеляновъ; сверхъ того роздалъ всю Малороссію, по частямъ, вѣрнымъ и храбрымъ людямъ изъ тамошнихъ жителей. Стефанъ Батторій уступилъ козакамъ лежащія при берегахъ Днѣпра земли, кои названы потомъ Украиною, т. е. пограничною землею; и съ того времени до введенія Малороссіи въ подданство великороссійское, южная часть области сей принадлежала козакамъ,

а сѣверная Польшѣ. При Петрѣ Первомъ Малороссія раздѣлялась на десять полковъ, которые назывались по именамъ главныхъ городовъ въ своемъ округѣ.... Сверхъ того для удобнѣйшаго разбиранія частныхъ и тяжебныхъ дѣлъ, страна сія раздѣлена была вмѣстѣ и на 20 повѣтовъ, изъ коихъ въ каждомъ находился земскій и подкоморскій судъ... Всѣ сіи установленія совершенно изчезли, когда въ царствованіе Екатерины II учреждены были въ Малороссіи три намѣстничества...».

Говоря о населеніи страны, М—чъ пишетъ:

«Между природными малороссіянами щитается четыре класса: дворянинъ, мѣщанинъ, козакъ и мужикъ. Дворяне происходятъ или отъ польскихъ дворянскихъ родовъ, или отъ бывшихъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Въ XIV вѣку польскій король Казимиръ Великій жаловалъ достоинствомъ симъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ, а при Зборовскомъ трактатѣ, заключенномъ между козаками и польскою республикою, облечены въ оное многіе изъ козаковъ, оказавшихъ на войнѣ важныя услуги. Царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ въ Малороссіи дворянскими грамотами татаръ и жидовъ, принимавшихъ христіянскую вѣру [1]» (?)... Мѣщане и граждане живутъ въ городахъ и составляютъ купцовъ или разныхъ промышленниковъ. Они управляются магдебургскимъ правомъ, введеннымъ въ XIV вѣку. Ихъ магистратъ состоялъ прежде изъ войта, бургомистровъ и райцевъ или ратсгеровъ, и отправлялъ разныя городовыя дѣла; но въ неправомъ онаго рѣшеніи истцы относились апелляціями въ генеральный судъ....».

«Происхожденіе козаковъ есть нерѣшимая въ исторіи задача. Нѣкоторые производятъ ихъ отъ козаръ и коссоговъ, обитавшихъ въ древнія времена при Днѣпрѣ... Можетъ быть всѣхъ вѣроятнѣе слѣдующее мнѣніе, что въ началѣ XVI вѣка нѣкто изъ малороссіянъ, по прозванію Дашкевичъ, видя частые отъ крымскихъ татаръ набѣги, уговорилъ многихъ единоземцовъ своихъ для отогнанія непріятеля сего отъ своихъ предѣловъ. Сіе имѣло щастливый успѣхъ и побѣдители назвались тогда козаками, что значитъ на татарскомъ языкѣ легковооруженные. Польскій король Сигизмундъ I уступилъ героямъ симъ городъ Терехтемировъ, на правой сторонѣ Днѣпра стоящій, а Стефанъ Батторій—лежащія при обоихъ сторонахъ Днѣп-

---

[1]) Думать нужно, что это свѣдѣніе основано авторомъ на какихъ нибудь единичныхъ фактахъ, намъ впрочемъ неизвѣстныхъ.

ра земли, сверхъ того привелъ ихъ въ хорошую дисциплину и опредѣлилъ имъ жалованье. Отъ сихъ козаковъ произошли и украинцы, составлявшіе прежде малороссійское войско. Остатокъ онаго суть нынѣшніе козаки, но они уже не воины, а сельскіе жители. Они пользуются особыми правами, не состоятъ въ крестьянствѣ и могутъ торговать виномъ. Съ нѣкотораго времени начали они переселяться въ прежнее Екатеринославское намѣстничество или нынѣшнюю Новороссійскую губернію; но не смотря на то остается ихъ въ Малороссіи еще весьма много, гдѣ и живутъ отдѣльно или вмѣстѣ съ крестьянами».

«Малороссійскіе мужики назывались прежде *посполитыми* и имѣли свободу переходить отъ одного господина къ другому. Происходившіе отъ того великіе безпорядки и нарушеніе самаго спокойствія жителей суть тѣ главнѣйшія причины, кои понудили уничтожить сію кочевую ихъ жизнь; и съ того времени они начали болѣе заниматься трудами и промыслами».

Третья глава (стр: 41—54), заключающая въ себѣ „физическое" описаніе Малороссіи,—вмѣстѣ съ четвертою (стр. 54—68) о „характеристикѣ малороссіянъ", составляютъ самую интересную часть книги, потому что обѣ эти главы основаны на личныхъ наблюденіяхъ автора, который при этомъ выражаетъ иногда и личные свои вкусы.

Говоря о климатѣ „Малороссійской губерніи", М—чъ авторитетно указываетъ, что хотя—

«Климатъ ее весьма умѣренъ, но не имѣетъ такой степени теплоты, какова въ другихъ, подъ равною широтою лежащихъ, земляхъ, что происходитъ какъ можно думать отъ того, что поверхность въ сей странѣ большею частью ровна и нѣтъ въ сосѣдствѣ никакихъ высокихъ горъ, кои бы защищали ее отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ...». — «Поляки называли Малороссію *молочною* и *медовою землею*; можно именовать ее еще страною обилія и пріятностей. Здоровый климатъ, красота мѣстоположенія, великое плодородіе земли и разнообразіе произведеній суть преимущества, по коимъ она заслуживаетъ такое имя. На плодородной поверхности ея извиваются большія и малыя рѣки, кои обращены больше къ Черному морю и всѣ посредствомъ Днѣпра въ оное вливаются..... Съ сѣверной стороны губерніи сей («Малороссійской») простираются большіе лѣса, наполненные дичиною и разными звѣрями; въ южной пестрѣютъ

богатыя степи, кои бывають, такъ сказать, покрыты стадами лошадей, коровъ и овецъ. По способности климата и хорошаго свойства земли плодовитыя деревья получають тамъ лучшую доброту и разводятся до излишества. Хлѣбопашество—главный источникъ народнаго благоденствія—отъ самой природы въ такомъ состояніи, какого только требовать можно. Безъ лишняго труда и тонкаго искусства земледѣльцевъ, пашни разводятся легко и обильную приносятъ жатву. Кто имѣетъ чувствительное сердце, кто удовольствіе духа своего полагаетъ и находитъ въ разсматриваніи природы, тотъ обозрѣвъ Малороссію, конечно назоветъ ее страною, гдѣ природа является въ изящномъ великолѣпіи. По крайней мѣрѣ я такъ называлъ ее въ моемъ сердцѣ»!

Всѣдъ за этимъ сантиментальнымъ восклицаніемъ, слѣдуетъ интересное, по обстоятельности, обозрѣніе Малороссіи (лѣвобережной) по частямъ.

«По мѣстоположенію и свойству земли, страну сію раздѣлить можно на три полосы: *сѣверную*, *южную* и *среднюю*. Въ каждой изъ оныхъ не токмо климатъ, свойство кряжа и произведенія, но даже состояніе и характеръ людей отличны.

1) *Сѣверная* полоса, гдѣ извиваются самыя большія рѣки изъ всѣхъ текущихъ въ Малороссіи, покрыта во многихъ мѣстахъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, почему и называется *лѣсною стороною* или *Польсьемъ*.... Она заключаетъ то пространсто, которое лежитъ между рѣками Днѣпромъ, Десною и Бѣседью. Поверхность тамъ большею частью низка, болотиста и съ тундрами; но по берегамъ большихъ рѣкъ простираются неправильныя возвышенія или пригорки и холмы, содержащіе разныя глины, мѣлъ, известь, дикій камень и желѣзную руду.—Вообще Малороссія въ старину была лѣсомъ гораздо обильнѣе нынѣшняго. Всякой догадается, что главнѣйшая причина того есть винокуреніе, производящееся въ ней еще съ XIII вѣка. (?) Теперь самые большіе боры и лѣса находятся въ окружностяхъ Стародуба, Мглина, Погара, Чернигова и Новгородъ-Сѣверскаго, гдѣ рубятъ лѣсъ для корабельнаго строенія и мачты, кои препровождаются либо въ Ригу или внизъ по Днѣпру, къ черноморскимъ портамъ.....».

2) *Южная* часть лежитъ между рѣками Остромъ, Супоемъ, Днѣпромъ и Ворсклою. Она извѣстна подъ именами *Украины*, *Степи* и *Полей*, отъ чего и тамошнихъ жителей называютъ *украинцами*, *степовиками* и *полевиками*. Поверхность ея, въ сравненіи

съ сѣверною, возвышенна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ оврагами и холмами, скудна лѣсомъ и пересѣкается тремя большими рѣками и множествомъ ручьевъ, кои вообще текутъ медленно. Поэтъ могъ-бы сказать, что они струятся тихо для того, чтобы болѣе наслаждаться великолѣпіемъ орошаемыхъ ими степей. Исполины изъ царства растеній и тираны изъ животныхъ удалились отсюда. Природа не хотѣла здѣсь ни приводить въ изумленіе, не наводить ужаса, но только нравиться и плѣнять. Чтобы представить совершенную картину того великолѣпія, въ какомъ она здѣсь видна, надобно имѣть кисть Пуссеня или перо Бюффона, кои хранятся въ пантеонѣ безсмертныхъ.—Здѣшнее хлѣбопашество, пчеловодство и скотоводство лучшіе во всей Малороссіи. Въ прочихъ мѣстахъ землю сперва унавоживаютъ, потомъ пашутъ сохою два и три раза; но степовикъ не заботится и о удобреніи, оретъ плугомъ, который не разбиваетъ земли такъ мелко, какъ соха—и должно удивляться, что на поляхъ столь легко обработываемыхъ растетъ почти всегда частый и крупный хлѣбъ. Бывали случаи, что на вспаханной такимъ образомъ однажды землѣ, взростаютъ двѣ разныя пашни, напр., когда посѣянная весною гречка совершенно созрѣетъ, то не снимая ее, сѣютъ по ней рожь или озимую пшеницу, которую по снятіи гречихи, скородятъ бороною, а въ слѣдующее лѣто сжинаютъ. Есть два обычая у степныхъ малороссіянъ: 1) что они мѣру пахатныхъ полей исчисляютъ *упругами* (упряжками) и *днями*; три *упруга*, ранній, обѣденный и вечерній, или одинъ *день* земли означаетъ такое пространство, сколько отъ восхода до захожденія солнца съ роздыхомъ вспахать можно. 2) Не имѣя сушняковъ или овинъ, сушатъ они рожь на печкѣ, отъ чего она не столь годна къ винокуренію, какъ овинная, и чаще подвержена бываетъ *головнѣ* и *рожкамъ*—болѣзнямъ, происходящимъ отъ поврежденной въ зернахъ влажности. Впрочемъ сѣютъ они много пшена, боръ и кійки или пшеничку, разводятъ всякаго рода табакъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ анисъ и турецкій перецъ; сверхъ того имѣютъ позаимствованныя отъ татаръ *бакши* (по здѣшнему *баштаны*), гдѣ растутъ дыни и арбузы, называемые здѣсь *каунами*.—Рогатый скотъ въ степной полосѣ весьма крупенъ и по добротѣ своей извѣстенъ не токмо въ столицахъ нашего отечества, но и въ другихъ европейскихъ земляхъ, особливо въ Германіи и Пруссіи, куда гоняли его прежде для продажи...»

3) *Средняя* полоса лежитъ между двумя первыми и достаточна какъ лѣсомъ, такъ и полемъ. Въ ней поверхность выше и гористѣе,

воздухъ отъ меньшаго числа лѣсовъ и болотъ чище и здоровѣе, а хлѣбопашество отъ лучшаго свойства земли превосходнѣе, нежели въ сѣверной части. Однако между Переяславлемъ и Нѣжиномъ попадаются обширныя болота, гдѣ растутъ нѣкоторыя травы, свойственныя лѣсной части, а около Борзны простирается степь съ лужами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Пошва (т. е. почва) между Батуриномъ, Кролевцемъ и Глуховомъ песчана и глиниста, съ глубокими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оврагами и съ довольнымъ количествомъ чернаго и крупнаго лѣса...»

„Характеристику малороссіянъ" М—чъ начинаетъ такъ:

«Говорятъ, что духъ человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ, миніатюрный портретъ страны, гдѣ онъ основалъ свое жилище; это справедливо и потому, что жители щастливой положеніемъ Малороссіи не были никогда номадами и не могутъ быть варварами. Посмотримъ, что говорятъ объ нихъ иностранцы».

Засимъ М—чъ приводитъ слѣдующую выписку изъ книги Фрибе (Ueber Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur etc. 1796 г.).

«Въ Малороссіи видна великая степень промышленности. Дворяне занимаются разными до экономіи и торговли касающимися предметами; и ихъ примѣру слѣдуетъ даже земледѣлецъ. Садикъ его съ огородною зеленью и разнаго рода плодами служитъ доказательствомъ его прилежности и исправнаго хозяйства. Правда, что сему благосостоянію способствуетъ нѣсколько хорошее свойство кряжа, однако въ другихъ странахъ, имѣющихъ такое же преимущество, незамѣчено подобнаго расположенія къ домашнему хозяйству. Малороссіяне важны, вѣрны, открыты безъ рабскаго униженія и безъ подлой лести, меньше употребляютъ горячіе напитки, нежели великороссіяне и любятъ музыку».

Не ограничиваясь Фрибе, приводится изъ Шерера, что

«Малороссіяне мужественны, проворны, великодушны, безкорыстны, неутомимы, смѣлы, храбры...» За симъ слѣдуетъ заключеніе самаго М—ча:

«Казалось бы, что всякій народъ, имѣющій столько въ себѣ самомъ и въ своей странѣ преимуществъ, могъ-бы уже нѣкоторымъ образомъ возвышаться предъ другими; но напротивъ того малороссіянинъ отъ природы и кротокъ и добръ; онъ имѣетъ только важную наружность и можетъ быть нѣсколько тщеславія. Съ какою ласкою, съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ принимаетъ онъ вся-

каго проѣзжаго. Онъ радъ, естьли въ состояніи его накормить, помочь ему—и благородный духъ его оскорбляется, когда предлагаютъ ему за то награду. Бѣдность не доводитъ малороссіянъ до преступленій. Въ городахъ и селахъ построены *шпитали* или *богадѣльни*, гдѣ бѣдные и страждущіе имѣютъ спокойное пристанище.. Всякой по достатку надѣляетъ ихъ пищею и одеждою...»

«Въ древнія времена жители Малороссіи говорили языкомъ словенскимъ, но потеряли или испортили его въ то время, когда находились въ плѣну у татаръ, литовцовъ и поляковъ. Не смотря на то, въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ, или собственно нарѣчіи, видны еще нѣкоторые оттѣнки и щастливаго климата и нѣжнаго свойства души образователей его. Естьли выбросить изъ него всѣ грубыя слова, употребляемыя простолюдиномъ, исключить заимствованныя отъ нѣмцевъ, французовъ, крымскихъ татаръ—и судить тогда о немъ, судить о духѣ его: то надобно признаться, что онъ нѣженъ, пріятенъ и наполненъ патетическими выраженіями, уменьшительными словами, кои произошли конечно не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей. Можно назвать его языкомъ любви, или по крайней мѣрѣ весьма способнымъ выражать живо чувства любви.

Возмемъ въ примѣръ малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви—и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Естьли содержаніе ихъ трогательно, ест ли представляетъ оно разлуку съ милымъ или съ мать-страною, то съ разительною гармоніей тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она разсказываетъ свое нещастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, проситъ летящихъ птичекъ донесть извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души. По врожденной склонности малороссіянъ къ музыкѣ, страна ихъ въ Россіи то же, что въ Европѣ Италія.

Малороссіяне научились отъ поляковъ брить бороду и голову, но сей обычай теперь нѣсколько измѣняется. Жители стародубовскаго и мглинскаго повѣтовъ обрѣзываютъ головные волосы, какъ великороссіяне, а степовики начинаютъ (?) стричься такимъ образомъ какъ запорожцы, т. е. всю голову вокругъ, оставляя надъ лбомъ длинный кло-

чокъ, называемый *чуприною*[1]). Они дѣлаютъ то отчасти для легкости и для того, чтобы избавиться сродной имъ вмѣстѣ съ поляками болѣзни, называемой *ковтуномъ*...»

«Одежда Малороссіянъ не имѣетъ ничего щеголеватаго, но важна и покойна. Между простымъ народомъ мущины носятъ такъ называемую *свитку*, изъ сѣраго, чернаго и бѣлаго сукна, которая нѣсколько схожа съ русскимъ платьемъ, а у женщинъ *свитка* всегда бѣла и шьется особливымъ покроемъ. *Кобенякъ* степнаго жителя есть родъ шинели и отличается отъ свитки тѣмъ, что дѣлается съ капюшономъ назади, который называется *отлогою*. Женщины носятъ на головѣ *очѣпокъ*, сдѣланный на подобіе простаго чепца, и повязываютъ его длиннымъ кускомъ холста или *повязью*; а выходя изъ дому и въ праздники, надѣваютъ сверхъ того *намѣтку*, то есть длинный кусокъ сарпанки, повязываемый на подобіе покрывала у монахинь. Вмѣсто юпки привязываютъ онѣ два куска шерстяныхъ матерій, кои называютъ *запаскою* и *плахтою* или *паніовою*. Деревенскія дѣвушки заплетаютъ волосы въ *связку* и въ *косники*, переплетаютъ оные шелковыми снурками и навязываютъ вкругъ головы длинныя ленты, кои называютъ *строчками* или *стрѣчками*. Придерживающіеся старины дворяне носятъ польское, козацкое или кабардинское платье и брѣютъ голову въ кружокъ; а таковыя же между женщинами одѣваются въ *кунтыши* и носятъ на головѣ *кораблики*.

Въ обычаахъ и обрядахъ поселянъ видно нѣсколько стариннаго, суевѣрнаго и много замысловатаго. При началѣ годовыхъ временъ или главныхъ земледѣльческихъ упражненій, бываютъ у нихъ разныя увеселенія и какъ бы празднества. Такъ, напримѣръ, весною деревенскія дѣвушки садятся при захожденіи солнца на зеленой травѣ и поютъ *веснянку* или пѣснь весны; а скучные вечера зимы провождаютъ онѣ въ своихъ собраніяхъ и балахъ, называемыхъ *вечерницами* и *игрищами*, гдѣ играютъ на скрипкѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ. Любопытнѣйшіе изъ обрядовъ свадебные, но объ нихъ сказано будетъ подробно въ другомъ мѣстѣ......»

«Теперь разсмотримъ характеръ малороссіянъ. Взгляните на жителей сѣверной части, особливо, когда разсмотрѣли степныхъ. Въ са-

---

[1]) Это свѣдѣніе возбуждаетъ сомнѣніе въ его дѣйствительности. Стрижка волосъ на головѣ и оставленіе одной чуприни—обычай въ Малороссіи очень старый, какъ это видно напр., по стариннымъ портретамъ. См. Кіевск. Стар., 1891 г., № 1, стр. 186 и слѣд.

мой наружности первыхъ не увидите вы той нѣги, какова у послѣднихъ; въ ихъ духѣ найдется нѣкоторый родъ апатіи и холодъ, который, такъ сказать, переселяется туда изъ ихъ мрачныхъ лѣсовъ; и вы почувствуете всю справедливость мыслей Бюффона, что воздухъ и земля имѣютъ вліяніе на видъ человѣка и въ странѣ, гдѣ воздухъ влаженъ, люди по большей части не столь пригожи и не замысловаты. Сѣверный малороссіянинъ имѣетъ однако и свои преимущества. Онъ болѣе привязанъ къ трудамъ и смѣлѣе южнаго, который, родясь, такъ сказать, средь нѣги и роскоши, почти не имѣетъ случаевъ, кои бы принуждали его къ тому. Но свойственныя послѣднему живыя и нѣжныя чувства столь чужды для жителей лѣсной части, что они не имѣютъ почти никакихъ чувствительныхъ и пріятныхъ пѣсенъ.—Они не такъ рослы и видны, какъ степные, что происходитъ частью отъ влажности и стужи, частью и отъ образа ихъ жизни, ибо они не столь опрятны и употребляютъ грубѣйшую пищу. Ихъ называютъ обыкновенно *литвинами*, и въ самой Малороссіи говорятъ о нихъ столько же, какъ во Франціи о гасконцахъ, въ Германіи—о швабахъ. Такова участь и нарѣчія ихъ, которое щекочетъ ухо малороссіянина степной и средней полосы. Избы у нихъ, не смотря на излишество лѣса, построены непрочно и безъ трубъ, отъ чего живущіе тамъ, по причинѣ всегдашняго дыма, часто подвержены глазнымъ болѣзнямъ. Литвины склонны къ охотѣ, ловятъ на лыжахъ и нартахъ дикихъ козъ, сражаются съ медвѣдями и выучиваютъ ихъ плясать. Прочія упражненія ихъ состоятъ въ сидкѣ смолы или дегтя, горшечномъ ремеслѣ и строеніи рѣчныхъ судовъ, то есть байдаковъ, дубовъ, лодокъ и човновъ.—Украина съ своими богатыми степями, великимъ скотоводствомъ и добродушными жителями, есть другая Швейцарія. Поляки называли ее *молочною землею* потому, что жители кормятся больше молочнымъ и даже мужчины не стыдятся доить овецъ. Украинцы рослы и статны; въ чертахъ лица ихъ видна какая то важность, но въ поступкахъ кажутся изнѣженными и роскошными, за что можно бы винить самую природу, естьлибъ я могъ произнести на нее хулу. Они надѣлены нужными для жизни и для самаго удовольствія въ жизни такъ обильно, что не знаютъ многихъ заботъ и спокойны. Недостатокъ лѣса замѣняютъ они употребленіемъ соломы, нефорощи, тростника и кизяковъ, то есть сушенаго навоза. Жилища свои строятъ изъ хвороста и обмазываютъ глиною такъ искусно, что издали кажутся каменными. Печи въ сихъ мазанкахъ съ трубами, однако не смотря на то зимою онѣ теплѣе литовскихъ избъ. И такъ степной

малороссіянинъ лучшій архитекторъ, нежели лѣсной, потому что нужда лучшій учитель, нежели изобиліе. Жители средней части составляютъ какъ бы средину между литвинами и степовиками; однако они замысловатѣе первыхъ и проворнѣе послѣднихъ. Они занимаются торговлею, охотою, рыбною ловлею, разными ремеслами; и обыкновенныя упражненія ихъ не такъ однообразны, какъ у жителей лѣсной части. Нарѣчіе ихъ лучшее и пріятнѣйшее во всей Малороссіи».

Пятая глава—малороссійская идрографія,—поясняется другимъ, болѣе подробнымъ ея заголовкомъ—„описаніе историческое и физическое примѣчательнѣйшихъ рѣкъ, текущихъ въ Малороссіи, съ означеніемъ стоящихъ при оныхъ городовъ и важнѣйшихъ селеній" (стр. 68—89).

Въ этой главѣ заключается почти одна номенклатура рѣкъ и рѣчекъ съ указаніемъ находящихся при нихъ болѣе замѣтныхъ поселеній. Поясненія автора относительно рѣкъ—коротенькія и не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, за весьма малыми исключеніями, напр., о рѣчкѣ Хоролѣ замѣчено, что „славится тѣмъ, что въ раковинахъ ея находятъ иногда мелкій жемчугъ".

Послѣдняя глава—„исчисленіе минераловъ, открытыхъ до сего времени въ Малороссіи" (стр. 90—98),—не смотря на краткость свѣдѣній, заключаетъ однако въ себѣ иногда любопытныя показанія автора, какъ видно добытыя имъ на мѣстѣ, при непосредственныхъ изысканіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ свѣдѣній:

«*Селенитъ* находится или въ смѣси съ *алебастромъ* или *мергелемъ*, какъ напр. въ округѣ Лохвицы, при рѣкѣ Сулицѣ; или въ видѣ кристалловъ, въ берегахъ Ворсклы. Простый народъ называетъ послѣдніе *землянымъ сердцемъ* и употребляетъ въ порошкѣ отъ сердечныхъ болѣзней».—«Въ степной части, при рѣкахъ Хоролѣ и Пслѣ и около села Бахмача, въ бывшемъ Коропскомъ уѣздѣ, находятся *озерца* или *лужи*, въ которыхъ вода столько *солона*, что сваренное съ оною кушанье не требуетъ соли. Однако сіи *солончаки* не такъ богаты, чтобы можно было вываривать изъ нихъ соль».—«*Желѣзная болотная руда*, называемая минералогиками Sumpfer, mine de fer limoneuse, находится во многихъ мѣстахъ лѣсной и средней части, какъ въ болотахъ, такъ и въ самыхъ рѣчкахъ».—«Что касается до рѣкъ содержа-

щихъ желѣзную охру, то есть таковыя въ степной части, напр. рѣки *Журавка*, *Годуновка* и *Ржавецъ*.» «При рѣчкѣ *Лыбеди*, текущей у Кіева, есть настоящіе *марціальные ключи*, но вода въ оныхъ не вкусна; а въ окружностяхъ Батурина есть источники желѣзнаго свойства, имѣющіе довольно пріятную воду. Рѣчка *Рудня*, находящаяся въ окрестности Городни, содержитъ также желѣзную охру, но вода въ ней не чиста и не здорова».

Вотъ содержаніе книжки М—ча.—Прежде всего, мы видимъ здѣсь, что тотъ ученый аппаратъ, который былъ приготовленъ авторомъ, употребленъ имъ для первой книжки лишь въ незначительной части, такъ какъ „историческое обозрѣніе страны, называемой нынѣ Малою Россіей" осталось въ первой книжкѣ далеко не конченнымъ. Слѣдующія главы не требовали книжныхъ изысканій. Въ этихъ главахъ лучшія—вторая, третья и четвертая; въ нихъ авторъ представилъ очень обстоятельное по времени обозрѣніе особенностей Малороссіи, обрисовавъ какъ внѣшнюю природу, такъ и характеристику народа. Говоря о сословіяхъ, М—чъ повторяетъ теорію о началѣ малорусскаго дворянства съ того времени, когда *польскій король Казимиръ В. жаловалъ де симъ достоинствомъ всѣхъ вѣрныхъ и храбрыхъ малороссіянъ*... Теорія эта, принадлежащая Г. А. Полетикѣ, повторяется изыскателями малорусской старины почти до половины настоящаго вѣка.... Вмѣстѣ съ тѣмъ М—чъ является тѣмъ же сыномъ своего времени, повторяя принадлежавшее его же времени убѣжденіе, что—

«Запрещеніе посполитымъ перехода отъ одного господина къ другому прекратило великіе безпорядки и повело къ тому, что они начали болѣе заниматься трудами и промыслами...» Характеристика Малороссіи по полосамъ, обрисовка особенностей *Полѣсья* и *Украины (степи, полей)* указываютъ, что М—чъ хорошо зналъ Малороссію непосредственно и обладалъ наблюдательностью. Нѣкоторыя мѣста этой части книжки прикрашены сантиментализмомъ, но отъ послѣдняго трудно было уберечься автору, справедливо назвавшему себя «юнымъ сыномъ, посвящающимъ первый опытъ своихъ познаній и чувствованій мать-странѣ своей...»

Авторъ не думалъ ограничиваться напечатанною книжкою, имѣя въ виду выполнить тотъ планъ ея продолженія, о кото-

ромъ онъ говоритъ въ предисловіи. Въ приложенныхъ къ книжкѣ двухъ листикахъ съ указаніемъ на „погрѣшности“, помѣщены и нѣкоторыя „замѣчанія“; здѣсь М—чъ, объясняя слово *вѣверица,* между прочимъ, говоритъ, что о семъ онъ будетъ говорить подробнѣе въ „исторіи малороссійской торговли“; далѣе онъ замѣчаетъ, что въ какой нибудь *изъ слѣдующихъ частей* „Записокъ“ помѣщены будутъ „метеорологическія наблюденія, дѣланныя въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи“. Но кромѣ этихъ указаній о желаніи М—ча продолжать свои „Записки о Малороссіи“, мы имѣемъ еще три его рукописныя тетради, въ которыя М—чъ, вносилъ, послѣ напечатанія первой книжки, матеріалы для слѣдующихъ. Находящіяся въ этихъ тетрадяхъ замѣтки тѣмъ болѣе интересны, что часть ихъ записана М—чемъ во время его „поѣздокъ по Малороссіи въ 1798 г.“, т. е. послѣ напечатанія первой книжки, цензурное разрѣшеніе которой подписано 23 января 1798 г.—Одна изъ этихъ тетрадей, озаглавленная—„Выписки касающіяся до Малой Россіи“, начинается перечнемъ книгъ, изъ которыхъ М—чъ предполагалъ сдѣлать выписки; здѣсь, кромѣ русскихъ печатныхъ сочиненій, которыми М—чъ пользовался уже раньше, до напечатанія своей книжки, названы еще слѣд. иностранныя сочиненія: Hammards, Reise, Voyage des deux francais en Russie, Geschichte der merkwürdigsten Reisen, v. Erhmann, 1791, Fabri, Geografisches Magazin, 1784, Anecdoten zur Lebensgeschiche des Ritters und Reichsfürsten P., 1792.—Послѣ этого перечня слѣдуютъ выписки. Девять полныхъ страницъ (въ 4—ку) составляютъ выписки изъ книги Гаммарда—*Reise durch Oberschlesien nach der Ukraine,*—при чемъ выписки эти сдѣланы *по-французски,* въ то время какъ путешествіе Гаммарда написано *по-нѣмецки* [1]). Повидимому, М—чъ, дѣлая выписки изъ нѣмецкой книги, тутъ же эти выписки и переводилъ на французскій, записывать на которомъ ему, значитъ, было легче чѣмъ по нѣмецки?—Послѣ Гаммарда почти столько же выпи-

[1]) Подробное изложеніе книги Гаммарда см. въ Кіевск. Стар., 1891 г., № 7, стр. 160—169, статья Е. Синицкаго.

сокъ дѣлаетъ М—чъ *„изъ новаго изданія описанія о всѣхъ русскихъ народахъ, г. Антоновскаго“*. Здѣсь интересно указаніе М—ча на автора Антоновскаго. Извѣстной книги Георги—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. государствѣ народовъ—въ русскомъ переводѣ имѣется два изданія: одно—1777—1779 г., въ 3-хъ частяхъ, и другое—1799 г., въ 4-хъ частяхъ. На это послѣднее изданіе и указываетъ М—чъ, именно на его *четвертую часть*, заключающую въ себѣ свѣдѣнія „о народахъ монгольскихъ, объ армянахъ, грузинахъ, индійцахъ, нѣмцахъ, полякахъ и о владычесвующихъ россіянахъ, съ описаніемъ всѣхъ наимменованій козаковъ, *также исторія о Малой Россіи* и купно о Курляндіи и Литвѣ“. Никакого упоминанія объ авторствѣ этой части Антоновскаго въ книгѣ нѣтъ, но свѣдѣніе о томъ, что четвертая часть книги *Описаніе всѣхъ народовъ* написана Антоновскимъ—вѣрно [1]). Извѣстность М—чу автора анонимной книги указываетъ на его близкое знакомство съ тогдашней литературой.—Кромѣ слѣдующихъ послѣ Антоновскаго обширныхъ выписокъ изъ „Новаго и полн. геогр. словаря Россійск. госуд.“, Максимовича, (1788—1789 г., 6 ч.), тутъ же находятся и отрывочныя замѣтки М—ча, безъ обозначенія источника.

— «Гетманъ назывался Богданъ Михайловичъ, а не Яковлевичъ, какъ сказалъ Голиковъ въ Дополнен. къ дѣяніямъ Петра В., III, 33».

— «Въ 1780 г., въ 29 февраля, сгорѣло драгоцѣнное собраніе книгъ Кіевской академіи, между которыми и послѣдніе манускрипты сгорѣли».

— «По повелѣнію Петра I переведены на славянскій языкъ историческія латинскія и польскія книги Кромера, Бѣльскаго, Стриковскаго, Ивана Коховскаго».

---

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ авторъ *исторіи о Малой Россіи*, М. И. Антоновскій (род. 1759 г., въ Боранѣ), въ своихъ „Запискахъ“:—„Описаніе народовъ, обитающихъ въ Россіи, три части, съ нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а *четвертую всю отъ себя сочинилъ*“.—Русск. Арх. 1885 г., I, 161. Объ Антоновскимъ см. также—Черн. Губ. Вѣд. 1891 г., №№ 44 и 45, гдѣ въ „родословіи“ Антоновскихъ находится автобіографическое показаніе Мих. Ив—ча Антоновскаго. Принадлежность четвертой части книги Георги—Антоновскому извѣстна была и Сопикову, см. ч. IV, № 5736.

— «Сожь рѣка простонародно—Сужь».

— «Съ будущаго 1799 года отдаются впредь на 4 г. въ откупѣ состоящіе въ Малороссійской губерніи оброчныя статьи, а именно, въ повѣтахъ Черниговскомъ: питейныхъ домовъ —17, продажъ—26, мельницъ водяныхъ —40, рыболовныхъ озеръ—39, дегтяныхъ майдановъ—5, заводовъ стеклянныхъ—2, желѣзоплавительный—1. Глуховскомъ: питейн. домовъ—57, продажъ—5, мельн. вод.—68»...

И далѣе—полная страница такого перечня.

«*Разныя слышанныя извѣстія касательно Малороссіи.*—Въ пещерахъ Троицкаго м—ря есть великое множество костей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ они такими кучами, что трудно пробираться а перелазить должно. По простонародному извѣстію, произошли оные во время татарскаго нападенія, когда народъ въ оныхъ пещерахъ скрывался и татары узнавъ то, задушили оныхъ зажженнымъ огнемъ».

— «Въ Черниговѣ, когда у церкви Спаса ломали излишніе притворы, то нашли при основаніи стѣны гробницу, въ коей лежала женщина въ богатомъ уборѣ и при ней дитя. Архіерей Ѳеофилъ велѣлъ опустить гробъ ниже».

Послѣ этого слѣдуютъ выписки изъ Гильденштета и Бюшинга („Описаніе Малороссіи", при чемъ эти выписки приведены на французскомъ языкѣ) и особенно пространныя выписки—изъ „Записокъ касательно Россійской Исторіи". А засимъ слѣдуютъ: „*Замѣчанія по случаю поѣздокъ моихъ по Малороссіи, въ 1798 году.*" Что можно здѣсь прочесть (по неразборчивости почерка)—выписываемъ.

— «Отъ Переяславля до Ташани, по дорогѣ, попадаются весьма большіе курганы, стоящіе уединенно, кои суть конечно не что иное какъ памятники сраженій еще во времена великихъ князей бывшихъ. Одинъ изъ нихъ, около самой Ташани, назвали мнѣ Игоревою могилою».

— «За Лохвицею, надъ Сулою, идетъ высокое возвышеніе или гора».

— «Всѣ окружности Сухоносовки [1]) составляютъ весьма неровную площадку; вездѣ на ней лощины, возвышенія, рытвины, провалья, кои когда бываютъ покрыты хлѣбомъ, то представляютъ восхититель-

---

[1]) Село Лохвицкаго уѣзда.

ную картину. Тутъ въ окружности растетъ турецкій перецъ, который я въ Черниговѣ видѣлъ».

— «Отъ Розлетскаго перевозу[1]) до села Иванькова находятся для меня самыя лучшія мѣстоположенія, особливо ѣдучи отъ Иванькова; вдали голубые лѣса по той сторонѣ Десны находящіеся, по сторонамъ дороги глубокія лощины, покрытыя по косогорамъ орѣшникомъ...... Въ окружности Крисокъ, Понурницы есть глубокія лощины и многіе холмы надъ протокомъ Головесною и на поляхъ...... множество зайцовъ, а въ орѣшникахъ. . . и. . . много бѣлокъ и сонеи, попадаются дикія козы.—Къ Глухову, по дорогѣ къ с. Березѣ, есть хорошій источникъ, которой назывался въ старину гетманскимъ.—Въ Изрупчахъ[2]) въ сторонѣ Стародуба, есть также источникъ, который, какъ говорятъ, бьетъ весьма сильно... чистую воду. Простой народъ говоритъ, что тамъ выпираетъ... чудовище, но это басня».

— «Въ селѣ Куношевцѣ, при самомъ городѣ Борзнѣ стоящемъ, есть весьма хорошій и обширный садъ, Кочубею принадлежащій, который, какъ говорятъ, почесть можно рѣдкостью».

— «Въ окружностя Борзны, въ селахъ, разводятъ табакъ разныхъ сортовъ, особенно американскій, виргинскій, оморфортскій, который закупаютъ у нихъ русскіе купцы для отвозу въ Сибирь. Табакъ былъ прежде въ Малороссіи очень дешевъ и даже по 1 и $1^1/_2$ копѣйки папуша, но теперь доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 12 коп., а въ другихъ, гдѣ щитали за дешевизну, по 7 коп. каждая папуша стоила. Говорятъ, что причина сей дороговизны произошла отъ польскихъ закупщиковъ, кои для обращенія сего торга къ Польшѣ, сами большую цѣну посулили».

— «Около Сорочинецъ былъ одинъ такой вихрь, что овецъ и быковъ заносилъ въ рѣку и искорверковалъ совершенно».

— «Во время большихъ засухъ, какова напр. была лъ семъ году въ Малороссіи, случается, что цѣна муки бываетъ втрое и въ пятеро дороже самыхъ зеренъ. Теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жито стоитъ 80 коп. четверть, а пудъ муки ржаной 40 коп.».

— «Въ Роменскую ярмарку пріѣзжаютъ изъ Крыма множество арнаутовъ съ сырыми и чиненными кожами, особливо мерлушками».

— «Между Сварковомъ[3]) и Дергуновымъ хуторомъ есть старое городище надъ самою рѣкою Клевенью,...... валу четвероугольникомъ

[1]) Село Разлеты, надъ Десною, Кролевецк. уѣзда.

[2]) Узруй хуторъ—около Н.-Сѣверска.

[3]) С. Сварковъ—мѣсто родины М-ча.

расположеннаго. Простой народъ говоритъ, что въ старину былъ городъ, но оный завалился. Говорятъ также, что въ томъ городищѣ и окрестностяхъ онаго сыскивали. . . . . старинныя деньги и теперь по увѣренію... сыскать можно».

— «Въ самой Малороссіи была столь сильная зима, что птицы замерзали... Я самъ видѣлъ замерзшаго на сѣдалѣ пѣтуха».

— «За Горскомъ [1]) надъ рѣкою Сновью, есть Каменскій монастырь, бывшій прежде мужскимъ, а теперь женскій, куда изъ Пятницкаго Черниговскаго м—ря перевели монахинь, названъ такъ потому что лежитъ на каменномъ грунтѣ сѣраго дикаго камня, изъ коихъ есть весьма огромные. Говорятъ объ нихъ, что они и теперь растутъ и выворачиваютъ дубы, такъ построена тамъ деревянная церковь, у коей подъ основаніемъ былъ съ одной стороны большой камень, и чрезъ нѣсколько лѣтъ церковь эта наклонилась на другую сторону и стала совсѣмъ накось, чѣмъ также доказывается растеніе тамошнихъ камней. Тамъ производится также каменная ломка».

— «Около Горска дѣлаютъ на медвѣдей клѣтки. . . . копми ловятъ медвѣдай, а внизу колками убиваютъ довольное пространство . . . . Также литвины стрѣляютъ медвѣдей, сидя на соснѣ...»

— «О происхожденіи Райгородка [2]) разсказывали мнѣ слѣдующее: былъ нѣкогда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ князь, который имѣлъ нехорошую нравомъ сестру, которую какъ-то хотѣлъ прогнать, то она обокравъ его, сама ушла и поселилась надъ Десною, на мѣстѣ имѣющемъ красивое по горамъ и долинамъ мѣстоположеніе. Князь узнавъ сіе, пріѣхалъ туда и поелику мѣсто то ему весьма понравилось, то онъ простилъ сестру и назвалъ новое селеніе Райгородкомъ т. е. пріятнымъ какъ рай мѣстомъ. Означенная княжна умерла также и говорятъ, что могила ее и теперь при ономъ селеніи подъ именемъ княжь-могилы существуетъ».

— «Въ Лушникахъ [3]) есть также боръ, называемый княжь-боръ».

— «Я видѣлъ богословскую книгу на польскомъ языкѣ, печатанную въ Черниговскомъ Троицкомъ Ильинскомъ м—рѣ, въ 1680 г.» [4]).

— «Въ Серединой Будѣ [5]) дѣлаютъ мыло».

---

[1]) М. Горскъ—въ Городницкомъ уѣздѣ.

[2]) Село Кролевецкаго уѣзда.

[3]) Село того же уѣзда.

[4]) Notiypięc ran Chrystusowych pięc, przez Lazarza Baranowicza. Wtypographiey monastera S. Troycy Ilinskiego Czernihowskiego. Roku 1680.

[5]) Новгородсѣверскаго уѣзда.

— «Въ 1798 г. зима въ Малороссіи была весьма жестока, сильные морозы до 30 градусовъ и снѣгъ въ нѣсколько аршинъ глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ былъ еще въ концѣ апрѣля, хотя тогда же въ другихъ цвѣли. . . . ».

Другая тетрадка озаглавлена такъ: „Физическое описаніе Малороссіи. Изъ Гильденштета въ 1774 году. 1798. Въ Спбургѣ.—Выписки изъ путешествія Зуева отъ Спб. до Херсона въ 1781 и 1782 годахъ. 1799. Слыш. извѣстія. 1800". Вся эта тетрадка, въ 16 стр., занята выписками впрочемъ изъ одного только Гильденштета, которыя М—чъ дѣлалъ порусски.—Послѣдняя тетрадка—„Flora ukrainica, 1798"—вся наполнена азбучнымъ спискомъ растеній, по-латыни, причемъ переводъ названій приводится лишь изрѣдка, напр., cornus sanguinea—свидина, coryllus—лѣщина, clematis recta—при Днѣпрѣ, въ степи,—ломоносъ, leontodon taraxacum—кульбаба, quercus robur—въ Кременчугѣ и при Днѣпрѣ, stipa pennata—ковыль, койло, viburnum lantana—гордъ дерево... По этимъ поясненіямъ можно думать, что М—чъ имѣлъ въ виду собрать только *мѣстныя* названія растеній.

Приведенныя свѣдѣнія о черновыхъ работахъ М—ча несомнѣнно говорятъ, что онъ первые два года послѣ изданія начала „Записокъ" усердно занимался собираніемъ матеріала для продолженія ихъ. Но кромѣ того, у М—ча въ послѣдніе годы его жизни имѣлась уже и довольно значительная библіотека, заключавшая въ себѣ почти всѣ тѣ книги, какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, которыя могли служить ему матеріаломъ для продолженія „Записокъ о Малороссіи [1])". Но

[1]) Послѣ смерти М—ча составленъ былъ реестръ его книгъ—366 названій,—между которыми видимъ слѣд. сочиненія: 1) Описаніе Россійскаго государства, на нѣмецк. яз., 2) Исторія Ю. Винкельмана о древностяхъ, 3) Словарь Россійской академіи, 4) Путешествіе чрезъ Россію на Кавказскія горы, Ю. А. Гильденштета, на нѣмец. яз., 5) Описаніе всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ, 6) Гмелина, Путешествіе по Россіи, 7) Палласа, Путешествіе по Россіи, на франц. яз., 8) Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 9) Флора сибирика, на латинск. яз., 10) Дневныя записки Ив. Лепехина, 11) Описаніе Камчатки, 12) Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, 13) Описаніе Курскаго намѣстничества, 14) Грамматика чувашскаго языка, 15) Физич. опис. Таврической области, 16) Польская исторія, на нѣмецк. яз., 17) Исторія натуральная о птицахъ и звѣряхъ, на нѣмецк. яз.

не осуществились благія намѣренія молодаго изыскателя родной старины. Помѣха произошла отъ той же молодости М—ча, при видимомъ отсутствіи при томъ всякой воли. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, петербургскіе пріятели М—ча втянули его въ кутежи, потребовавшіе постоянныхъ тратъ, послѣдствіемъ которыхъ явились долги... Издерживая получаемыя изъ дому денежныя присылки „скоро и безращотно", М—чъ требовалъ отъ матери новыхъ присылокъ и при томъ въ такомъ количествѣ, что мать, повидимому, не могла и удовлетворять этихъ требованій безъ обиды другихъ своихъ дѣтей. Не получая изъ дому денегъ, М—чъ принужденъ былъ ихъ занимать, платить огромные проценты и этимъ мало по малу—затягивалъ петлю на своей шеѣ... Ставъ въ положеніе неоплатнаго должника и испытывая мученія отъ назойливыхъ требованій кредиторовъ, М—чу было не до „Записокъ"...

Какъ прожилъ онъ послѣдніе годы своей недолгой жизни видно изъ той же его съ матерью переписки, которая сохранилась впрочемъ далеко не вполнѣ.

Мы видѣли, что на просьбу М—ча прислать 500 р. для напечатанія первой книжки „Записокъ", мать прислала ему только 300 рублей. М—чу мало было этой присылки и онъ потребовалъ новой. Но мать рѣшила разъ навсегда ограничить

---

18) Ла републикъ де Платонъ, на французк. яз., 19) Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющихъ Россійскую исторію, 20) Записки В. Зуева, 21) Лѣтописецъ Архангелогородскій, 22) Древн. россійск. гидрографія, 23) Описаніе Казани, Астрахани и Оренбурга, на нѣмецк. яз., 24) Жизнь кн. Владиміра, рукописная, въ кож. перепл. 25) Описаніе Азова, 26) Опис. Харьковск. намѣстн., 27) Описаніе Очаковск. земли, 28) Летръ персанъ, 29) Описан. Ворон. губ., 30) Изображеніе одежды обитающихъ въ Россійск. госуд., семь тетрадей, 31) Россійскій магазинъ Ф. Туманскаго и т. д. Кромѣ книгъ историческаго содержанія, въ б—кѣ М—ча имѣлось болѣе 20-ти сочиненій по естественной исторіи, на франц. и нѣмецк. языкахъ. Любовь М—ча къ послѣдней указываетъ и то небольшое собраніе предметовъ по естеств. исторіи, которое значится по описи оставшагося послѣ М—ча имущества, напр. „шкапъ за стекломъ, въ коемъ собраніе минеральныхъ вещей; стекляная банка большая съ желтобрюхомъ въ спиртѣ, летучая мышь въ другой банкѣ, въ третьей банкѣ двѣ птички калибри, да въ четвертой червякъ.....". По этой же описи значится и коллекція монетъ, заключавшая въ себѣ до 700 одних серебр. монетъ.

безконечныя требованія сына. Въ письмѣ 23 ноября 1797 г., она пишетъ послѣднему: „Денегъ посылаю тебѣ 500 рубл. и увѣряю тебя, что я больше тебѣ въ годъ не пришлю, какъ тисячу рублей, то ти сіи денги получя и располагай такъ оними, чтобы на годъ стало, ибо ти ни на що не разсуждаешь, ни на наше обширное семейство, ни на то, что у тебя сестри уже болшии, надобно и для нихъ что собрать, но я ничево еще не имѣю по причинѣ разныхъ расходовъ“.—Въ сохранившихся за симъ нѣсколькихъ письмахъ М—ча къ матери, за 1798—1802 годы, заключаются только свѣдѣнія о ходѣ сенатскихъ процессовъ, которые отецъ М—ча велъ съ своими сосѣдями за разные земельные захваты и—все тѣ же просьбы о присылкѣ денегъ... Но мать упорно продолжала отказывать, указывая сыну на другія семейныя потребности. А сынъ не внималъ и продолжалъ требовать новыхъ присылокъ. Вотъ одно изъ такихъ его писемъ къ матери, писанное 5 февраля 1803 г.—„Я имѣлъ честь получить нѣсколько писемъ отъ васъ, и не отвѣчалъ потому, что ожидалъ выполненія моихъ необходимостей, но къ величайшему прискорбію моему, не получая до сихъ поръ милостивого вниманія вашего, рѣшился еще со слезами молить васъ умилосердиться надъ душевною скорбью моею и слабымъ здоровьемъ моимъ. Есть ли сколько нибудь для васъ стоютъ здоровье и спокойствіе мое, то я прошу васъ всенижайше и прошу рѣшительно—прислать со всевозможною скоростію просимые двѣ тисячи рублей къ половинѣ слѣдующаго мѣсяца. Я въ такихъ грустяхъ, что клянусь Богомъ, что радъ бы проститься съ жизнію, есть ли бы надежда на ваше чувствительное сердце меня нѣсколько не успокоивала. Поберегите меня, м. г—ня матушка, и выполните мою нижайшую прозьбу. Я уже съ мѣсяцъ не выхожу изъ горницы, ослабѣлъ совершенно и молю Бога, чтобы онъ укрѣпилъ меня терпѣніемъ Іова перенесть ежедневно увеличивающіяся печали и невинныя страданія мои. Не имѣю силъ заниматься ни чѣмъ стороннимъ....“.

Изъ этого письма видно, что у М—ча явились такіе расходы, что той тысячи рублей, которую назначала ему мать въ годъ на жизнь, было далеко не достаточно, при чемъ хотя въ

одномъ письмѣ М—чъ и говоритъ, что деньги ему нужны для веденія отцовскихъ процессовъ, но затѣмъ не скрываетъ уже отъ матери, что деньги нужны также и для уплаты долговъ, которые онъ надѣлалъ, пользуясь удовольствіями столицы.

26-го марта 1803 г. М—чъ пишетъ матери: „Я имѣлъ честь получить по предувѣдомительному письму присылку денегъ, но видно судьбамъ Вышняго угодно испытывать терпѣніе мое безпрерывною цѣпью нещастій. По отпускѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, начали въ сенатѣ поговаривать о дѣлѣ нашемъ съ козаками Калкаевскими [1]), яко близкомъ къ слушанію; я, не смотря на слабость свою и болѣзнь, бѣгалъ вездѣ, просилъ, молилъ и послѣ сухихъ отвѣтовъ, наконецъ, надобно было дать порядочную сумму, потому что въ сенатѣ по пріязни секретаря Давидовича съ Требинскимъ, всѣ не на моей сторонѣ... Я всѣ силы употреблялъ достать гдѣ нибудь хоть тысячу рублей на первой разъ... Среди такого огорченія получилъ я отъ васъ деньги, и такъ какъ еще не были посланы по оному дѣлу указы, то я всѣ силы употребилъ приостановить ихъ, и вообразите безсовѣстность людей, что за такую малую милость долженъ былъ я дать тысячу рублей. Я не пожалѣлъ такой важной суммы, чувствуя, что дѣло сіе составляетъ едва ли не все состояніе семейства нашего... Изъ остальной тысячи заплатилъ я Рачинскому 960 р., забратыхъ у него для дороги и экипировки и расплатъ предъ отъѣздомъ. И теперь у меня, накажи меня Богъ, есть ли остается болѣе двадцати рублей, и то потому, что я предъ присылкою вашею занялъ у пріятеля 50 р.— Теперь, м. г-ня, матушка, вы извольте сами разсуждать и разщитать! Остается въ вашей волѣ поступать, какъ угодно: мнѣ никакъ нельзя до совершеннаго окончанія сего вашего дѣла отлучиться отсюда, и въ критическомъ положеніи моемъ, есть ли уже деньгами поправиться нельзя, то уже ничѣмъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что противъ денегъ, а особливо здѣсь, многое не устоиваетъ, но я безъ вашей помощи ихъ достать не могу, даже и на крайнѣйшія нужды свои.—Я купилъ за тысячу

[1]) С. Калкаевъ находится въ Хорольскомъ уѣздѣ.

милость, что опредѣленіе или рѣшеніе сената продержится нѣсколько недѣль безъ посланія указовъ; отъ васъ теперь зависитъ дальнѣйшій успѣхъ: я буду разщитывать время, буду ожидать пособствующаго средства для поправленія угнѣтающаго насъ нещастія, и есть ли вамъ угодно будетъ какъ нибудь иначе заключить, то я сложу руки и буду терпѣливо ожидать ударовъ рока.—Прошу покорнѣйше простить мнѣ сіи выраженія: они суть плодъ моего отчаянія и тяжелой грусти"... Можно догадываться, что не исходъ судебныхъ процессовъ причинялъ М-чу „отчаяніе и жестокую грусть;" повидимому, процессами онъ только пользовался для того, чтобы легче было выпросить у матери денегъ. Въ это время положеніе М—ча ухудшилось еще и тѣмъ, что онъ сталъ болѣть и врачи посылали его на Кавказъ, на воды. Нужно было ѣхать лѣчиться, а кредиторы требовали уплаты долговъ. Выпросившись однако кое какъ у кредиторовъ, М—чъ уѣхалъ на воды. Повидимому, онъ разсчитывалъ этою поѣздкою разжалобить мать и надѣялся получить столько денегъ, чтобы стало и на расплату съ долгами, но надежды М—ча не сбылись. Мать такъ твердо отказывала сыну въ деньгахъ, что онъ не нашелъ нужнымъ даже заѣзжать домой, хотя путь на Кавказъ лежалъ мимо Малороссіи... Только писалъ М—чъ матери, чтобъ она непремѣнно прислала къ началу октября денегъ... Вернувшись въ Петербургъ и ничего не получивъ въ назначенное время, М—чъ опять повторяетъ (16 октября) свою просьбу и проситъ прислать ему три тысячи, на этотъ разъ не скрывая, что „молодость вѣтрена" и что онъ „не хочетъ выставлять себя философомъ".—„Я имѣлъ честь писать къ вамъ предъ отъѣздомъ въ Кавказъ и во второй разъ изъ Константиногорска; въ обоихъ письмахъ повторилъ вамъ мои крайнѣйшія нужды и просилъ прислать денегъ такъ, чтобы я ихъ получилъ въ первыхъ дняхъ октября. Теперь уже 16-е число сего мѣсяца и я ничего отъ васъ не получаю.—Любезнѣйшая матушка! скажите ради Бога, что вы со мною дѣлаете, неужели пріятно вашему сердцу удручать сына, который первымъ долгомъ поставляетъ любить и почитать васъ всею душею. Я не думаю, чтобы вы могли ставить выше деньги нежели дѣ-

тей своихъ; а я, чтобы доказать, что не имѣю въ виду сдѣлать чрезъ издержки свои неудовольствія братьямъ и сестрамъ, писалъ къ вамъ изъ Кавказа и теперь пишу, что я не потаю предъ братьями, что лишнее на меня сходило и болѣе нежели на нихъ и потому изъ части своего имѣнія уступлю имъ сколько положимъ. Есть ли можно, то и теперь готовъ, чтобъ на счетъ доводящейся мнѣ части вы изволили гдѣ занять и прислали бы. Божусь вамъ, что я всякой день плачу и только тѣмъ еще живъ, что добрые пріятели меня не оставляютъ и даютъ въ займы. Всѣхъ денегъ же у меня теперъ, ей Богу, пять рублей и я потерялъ уже и надежду просить у кого нибудь. Одно средство остается продавать за безцѣнокъ вещи и мебели свои.—Любезнѣйшая матушка! вы конечно знаете, что молодость вѣтрена и сколько поводовъ столица дать можетъ къ заблужденіямъ, слѣдственно я и не хочу выставлять себя предъ вами за философа, а скажу откровенно, что неудовольствіямъ своимъ самъ большею частію виною, но не ужели вы за зло будете платить зломъ. Я до сихъ поръ сражался самъ съ собою, но теперь помирился и для спокойствія моего надобно мнѣ пожить съ вами. Меня не льститъ ни слава, ни честолюбіе, а единственно то имѣю въ виду, чтобы всѣ силы употребить—доказать вамъ, сколько я умѣю цѣнить ваши ласки и добродѣтели. Слѣдственно я рѣшился оставить на всегда службу, только ради Бога, сдѣлайте милость, помогите мнѣ оставить ее съ честною репутаціею, какою я до сихъ поръ славлюсь. Я долженъ здѣсь три тысячи, которымъ срокъ въ концѣ ноября. Есть ли вы хотя малое ко мнѣ имѣете соболѣзнованіе, то пришлите какъ можно скорѣе для заплаты долгу, ибо я готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, нежели потерять имя честнаго человѣка".

Матери, конечно, страшно было и подумать объ удовлетвореніи такого громаднаго по тогдашнему времени требованія и при томъ для покрытія издержекъ, явившихся слѣдствіемъ молодости и вѣтренности. Мать послала сыну, какъ видно, совсѣмъ маленькую сумму и получила въ отвѣтъ новую отчаянную просьбу сына, въ письмѣ 25 ноября.—„Къ крайнему удивленію и болѣзненному прискорбію моему, не получилъ я отъ

васъ тѣхъ знаковъ соболѣзнованія вашего, которыми льстилъ себя до сихъ поръ.—Вы называете то пустяками, отъ чего зависитъ теперь не токмо состояніе плохаго здоровья моего, но и самая жизнь. Я ожидалъ какъ съ неба облегченія, но вмѣсто его получилъ напрасные выговоры, кои умножили мое горе до такой степени, что я совершенно отчаяваюсь пережить его. Скажите рѣшительно, матушка, если вы хотите, чтобы я погибъ, то я уже съ терпѣніемъ и безъ роптанія буду ожидать скораго конца моего, потому что не смотря на облегченіе, полученное мною отъ минеральныхъ водъ, я теперь отъ горести гораздо въ худшемъ положеніи здоровья, нежели тогда былъ.— Вотъ все, что я могу еще и въ послѣдній разъ сказать вамъ. Изъ полученныхъ отъ васъ денегъ оставилъ у себя только сто, а прочими насилу ублажилъ кредиторовъ дождаться еще мѣсяца. И такъ прошу васъ въ послѣдній разъ, какъ Бога, сжалиться надо мною и прислать немедленно три тысячи. Божусь вамъ, что есть ли вы не умилосердитесь и не доставите мнѣ милости, то я принужденъ буду посягнуть на жизнь свою. Ради всеблагаго Бога, сжальтель, я буду ожидать съ нетерпѣніемъ и до тѣхъ поръ не могу заняться дѣлами".—Мать, видимо, не придавала особаго значенія угрозамъ сына лишить себя жизни, надѣясь, что вѣтренность пройдетъ съ молодостью; а сынъ между тѣмъ, страшась „потерять имя честнаго человѣка," приходилъ въ совершенное уже отчаяніе и перваго января 1804 г. написалъ матери, какъ кажется, *послѣднее* письмо.—„М. г-ня матушка! Что вы дѣлаете со мною? Скажите ради Бога? Такъ не шутятъ и съ пятилѣтнимъ ребенкомъ, такъ не поступаютъ и съ врагами своими! А вы мать, а я сынъ, который изъ почтенія къ матери страждетъ и мучитъ себя добровольно.—На мое письмо, вмѣсто должной присылки, отвѣчаете вы еще выговорами и угрозами. Матушка! я вѣдь не дитя и одно уваженіе къ вамъ заставляетъ только носить на себѣ тяжелое иго, которое давно бы сбросить пора. Я теперь вижу, что у васъ нѣтъ ни малѣйшаго ко мнѣ соболѣзнованія. И такъ я вамъ скажу рѣшительно, что я не прошу отъ милости, но по своему праву на то прислать по первой почтѣ три тысячи для заплаты

моихъ долговъ и на дѣла, есть ли вы хотите, чтобы я ими занялся. Мнѣ теперь эти три тысячи нужнѣе для чести и самой жизни моей, нежели после триста тысячъ, и есть ли вы уже и за симъ не пришлете въ семъ мѣсяцѣ, то я вѣкъ буду сожалѣть на васъ"... Но мать, повидимому, не вѣрила въ такое отчаянное положеніе сына. Требованіе осталось по прежнему неудовлетвореннымъ, и несчастный М-чъ, не имѣя возможности избавиться отъ назойливыхъ кредиторовъ, лишилъ себя жизни. Одинъ изъ родственниковъ Марковичей (Тимоѳей Кудиновичъ-Пироцкій) извѣстилъ мать объ этой смерти: „сынъ вашъ противъ тридцатаго генваря (1804 г.) ночью застрелился изъ пистолета; мнѣ о семъ несчастіи на другой день то есть 30, у вечеру, дано знать и я его засталъ на софѣ держащаго пистолетъ въ рукахъ. Послѣ смерти его денегъ не осталось. Благодѣянія и дружба покойнаго батюшки вашего, знакомство покойнаго сына вашего и убѣдительная прозба Ивана Андреевича Рачинскаго, который меня довелъ до сего нещастія, которое я теперъ претерпѣваю, побудили меня занять у купца 200 р. съ платежемъ въ мѣсяцъ по 5 р. проценту, принялся я за погребеніе и тутъ повстрѣчались великія затрудненія, ибо духовенство не хотѣло погребать, а доходило дѣло—гдѣ ни на есть зарыть; но я умѣлъ все передѣлать и погребъ протопопъ Вознесенскій съ двумя священниками и діакономъ христіанскимъ порядкомъ".

Нѣкоторыя подробности тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели М-ча къ трагическому концу, сообщаетъ другой его родственникъ Ив. А. Рачинскій [1]) въ письмѣ къ Пироцкому: „покойникъ, какъ сами знаете, хотя и весьма былъ честенъ на расплату, но вѣчно нуждался деньгами, и получая оныя, издерживалъ и скоро, и безращетно; сему была причиною молодость и неопытность въ жизни, а всѣмъ его нещастіямъ, какъ вамъ довольно извѣстно, причиною—шайка его окружающихъ

---

[1]) Сынъ бывшаго Новгородсѣверскаго сотника и капельмейстера гетмана Разумовскаго.

дурныхъ пріятелей, изъ коихъ одинъ только былъ Соколовъ, а протчіе всѣ были малороссіяне" [1]).

Такъ безвременно погибъ молодой изыскатель малорусской старины, которая могла ожидать отъ него полезной разработки, судя по любви, способностямъ и подготовленности М-ча къ историко-литературнымъ занятіямъ.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ письмомъ, которое написалъ А. И. Чепа въ мартѣ (24-го) 1804 г. къ матери М-ча.—„М. г-ня, Настасья Петровна! Я и семейство мое, всѣ столько вамъ и дому вашему усердные, услышавши отъ Данила Семеновича, что любезный вашъ сынъ, а мой добродѣтельный другъ Яковъ Михайловичъ скончался, сердечно о томъ сокрушаемся. Въ сей найпаче для матери ненаградимой потерѣ да утѣшитъ васъ Всемогущій по великой благости его, и между тѣмъ, да подастъ вамъ крѣпость на перенесеніе толь великаго удара.—Я далъ покойному Якову Михайловичу тринадцать книгъ, большею частію рукописныхъ, кои нужны были ему къ сочиненной имъ малороссійской исторіи и о коихъ покойный собственною рукою замѣтилъ въ моемъ реестрѣ. Оныя книги суть съ ярлыками и съ именемъ моимъ, подъ номерами: 83, 103, 615, 328, 614, 244, 243, 183, 95, 384, 395, 189 и 434-мъ. Онъ недавно писалъ мнѣ, что они у него въ цѣлости. Покорно прошу васъ, м. г-ня, оныя книги велѣть зберечь, буди они найдутся, и при оказіи переслать ко мнѣ.—Покойный сочинилъ уже малороссійскую исторію. Осталось дѣло за нѣкоторыми справками, кои я взялъ на себя, и уже былъ готовъ переслать оныя ему. Тогда бы оная и напечатана была. Покорно прошу зберечь сіе его сочиненіе и пожаловать мнѣ для прочету. Буди позволите, то я, дополнивши нужнымъ, отдамъ напечатать, для памяти покойнаго друга моего. Матушка, я, жена моя и дочь кланяемся вамъ и всему почтенному семейству вашему. Всеусердно желаемъ, чтобы сіе нашло васъ въ совершенномъ здравіи и бла-

---

[1]) Нѣкоторое указаніе, какъ „безрасчетно" уходили у М-ча деньги, даетъ замѣтка въ описи его имущества: „при семъ еще найдены два заемныя письма, данныя покойному Марковичу регистраторомъ Николаемъ Дергуномъ, одно въ 625, а другое въ 380 (рублей), оба просроченныя и не объявленныя ко взысканію".

гополучія. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, м. г-ня, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепа".

Находящееся въ этомъ письмѣ свѣдѣніе о томъ, что будто бы М-чъ „уже сочинилъ малороссійскую исторію", мы считаемъ ошибочнымъ. Прежде всего, М-чъ, какъ видно, вовсе и не располагалъ писать систематическую исторію Малороссія, составивъ себѣ планъ разработывать изученіе родины по частямъ. Затѣмъ, въ оставшихся послѣ М-ча бумагахъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго очерка [1]), тоже нѣтъ никакихъ слѣдовъ той работы, о которой говоритъ здѣсь Чепа, а напротивъ—и здѣсь мы видимъ матеріалы для продолженія тѣхъ же „Записокъ о Малороссіи". Поэтому, нужно думать, что съ одной стороны Чепа ошибался относительно плана продолженія работъ М-ча [2]), желая видѣть въ результатѣ этихъ работъ именно „малороссійскую исторію", а съ другой стороны, М-чъ, сообщая Чепѣ свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, могъ нѣсколько преувеличивать результаты послѣднихъ—изъ желанія не печалить радушнаго ревнителя родной старины, неустанно мечтавшаго о „сочиненіи малороссійской исторіи"....

II. Алексѣй Ивановичъ Мартосъ.

(р. 1790 † 1842).

А. И. Мартосъ былъ сынъ извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, происходившаго отъ лубенскаго полковаго обознаго Павла Мартоса. А. И. М—съ родился, повидимому, не въ Малороссіи (вѣроятно въ Петербургѣ), но семья Мартосовъ родины не забывала, такъ какъ А. И. М—съ съ юныхъ уже лѣтъ обращался къ былымъ временамъ Малороссіи, рисуя ихъ въ своемъ воображеніи героическими чертами. Очень можетъ быть, впрочемъ, что мечты о „герояхъ" Малороссіи навѣяны были на

[1]) За доставленіе возможности пользоваться бумагами Я. М. М-ча приносимъ глубокую нашу благодарность П. Я. Дорошенку.

[2]) Предполагается, что первая книжка Записокъ о Малороссіи была извѣстна Чепѣ....

М—са во время службы его въ Кіевѣ, куда онъ попалъ шестнадцатилѣтнимъ юношею. Учился М—съ въ Петербургѣ, въ инженерномъ корпусѣ, причемъ выборъ инженерной спеціальности М—съ приписывалъ самому себѣ: „*посвятивъ себя* военной службѣ, я рѣшился пріобрѣсти въ оной полнѣйшія познанія, дабы содѣлаться хорошимъ офицеромъ, почему и *избралъ* вступить въ инженерный корпусъ [1])". Изъ корпуса М—съ вышелъ въ 1806 г. юнкеромъ и осенью того-же года, по собственному желанію, былъ посланъ на инженерную службу въ Кіевъ.— „Признаться, страсть посмотрѣть незнакомыхъ мѣстъ, которая была мнѣ внушена любимыми мною путешествіями по южной Россіи Измайлова и другихъ авторовъ, и надежда въ Кіевѣ скорѣе получить военный чинъ мнѣ не давали ни на минуту покоя быть на одномъ мѣстѣ. Я былъ отправленъ въ Кіевскую крѣпость, къ инженерной командѣ, въ началѣ ноября... Достигъ я до Кіева, города великолѣпнѣйшаго по наружности, величественнѣйшаго и поражающаго взоры путешественника красивостью мѣстъ, горами, огромными монастырями, массами церквей"... Первое время пребыванія своего въ Кіевѣ М—съ посвящалъ дальнѣйшему своему военному образованію.—„Я просилъ книгъ изъ Петербурга, доставленіе которыхъ сколь удовлетворило моей *страсти читать безпрестанно*, столь и послужило руководствомъ къ усовершенствованію въ сей полезной наукѣ убивать людей съ проворствомъ и искусствомъ"... Изъ инженерныхъ занятій М—са въ Кіевѣ заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе „объ укрѣпленіи дальнихъ пещеръ въ Печерской лаврѣ, которыя угрожали паденіемъ въ р. Днѣпръ". Тутъ любопытны подробности, какъ „искусство гидравлики" предохранило „паденіе (въ Днѣпръ) всѣхъ пещеръ", а еще любопытнѣе ясно сквозящее въ разсказѣ міровоззрѣніе молодого инженера... Послѣ трехлѣтней службы въ Кіевѣ, М—съ получилъ офицерскій чинъ и весною въ 1810 г. былъ отправленъ въ Молдавію, въ предѣлахъ которой сосредоточена была тогдашняя турецкая война.

[1]) Русск. Архивъ 1893 г., №№ 7 и 8, „Записки инженернаго офицера (А. И.) Мартоса".

Здѣсь М—съ пробылъ до нач. 1812 г. и затѣмъ, по окончаніи турецкой войны, принималъ участіе въ войнѣ противъ Наполеона. М—съ продолжалъ инженерную службу до половины 1816 г., когда, въ іюнѣ, былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Аракчееву. Выборъ М—са въ адъютанты къ всесильному временщику основанъ былъ, повидимому, на пріятельствѣ послѣдняго съ близкимъ родичемъ И. А. М—са Иваномъ Романовичемъ Мартосомъ [1]), который въ это время, для отдыха послѣ петербургской службы, поѣхалъ на югъ полѣчиться на Кавказѣ и затѣмъ—пожить на родинѣ. Весною 1817 г. И. Р. М—съ лѣчился на кавказскихъ водахъ; сюда и написалъ ему, въ маѣ, И. А. М—съ слѣдующее письмо: „Благословляю мирнаго жителя Кавказа! тысячу разъ отъ искренняго сердца благословляю! Желаніе васъ почитающаго, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, солдата изъ скучнаго холоднаго сѣвера всѣхъ счастій сопутствуетъ вамъ ближе и лучше вашей собственной тѣни. Да сохранитъ промыслъ васъ въ высокомъ своемъ и достойномъ храненіи, богиня здравія васъ болѣе да не оставитъ, она милая, хотя меньшая, сестра веселости; онѣ обѣ проказницы васъ примутъ въ свои объятія и нескоро выпустятъ, ибо признаюсь вамъ отъ души, что отъ хорошихъ предметовъ почти нескоро и вырвешься; думаешь, дай брошу, но сердце тлѣетъ—влечетъ опять туда-же. Не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій И. Р., что я займу васъ нѣсколько строчекъ собственно о себѣ: служба бо мнѣ смѣется, бурныя облака прошли и мой графъ (Аракчеевъ) особенно благоволитъ ко мнѣ. Вчера я сюда пріѣхалъ изъ Новгородской губерніи, его с—ство сказалъ, что лично будетъ говорить обо мнѣ государю; и на первый случай его величество, уже въ арміи отданнымъ приказомъ, изволилъ объявить мнѣ свое благоволеніе; мѣсяца черезъ 4 или 5 жду чина полковника. Кажется, старые векселя платятъ съ процентами и рекамбіями. Будучи холостякомъ, хотѣлъ-бы бросить одиночество, но считая всякую женитьбу за фараонъ, боюсь, чтобы карта не легла налѣво.

---

[1]) Объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ И. Р. Мартосу см. въ Историч. Вѣстн. 1894 г., № 10, „Изъ прошлаго“. А кто былъ И. Р. М—съ см. Кіевск. Стар. 1894 г., № 10, стр. 154, прим.

Буду ждать вашего совѣта и только тогда съ прискорбіемъ оставлю образъ моей жизни. Я засталъ Петербургъ въ большой суматохѣ... Окончивъ мой рапортъ вашему высокоблагородію, прошу Бога да ниспошлетъ на васъ всю свою милость и, укрѣпивъ васъ своею мощною десницею, позволитъ мнѣ имѣть случай обнять васъ, почтеннѣйшій другъ человѣчества!—Батюшка здоровъ и вамъ посылаетъ свой искренній поклонъ, сестры также кланяются"... Черезъ два мѣсяца послѣ написанія этого письма, М—съ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующе: „28-го іюля. Я былъ представленъ гр. Алексѣемъ Андреевичемъ лично государю императору; его величество изволилъ меня принять въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ что на Каменномъ-Островѣ, и очень благосклонно благодарилъ за работы, произведенныя при военномъ поселеніи. Вотъ слова императора: *покорно благодарю васъ за принятый вами трудъ. Мнѣ это очень пріятно.* Черезъ три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ въ деревню (т. е. въ военныя поселенія), фельдъегерь привезъ мнѣ отъ его величества брильянтовый перстень [1])". Фактъ этотъ показываетъ—какъ велико было вниманіе Аракчеева къ молодому офицеру. Въ „Запискахъ" М—съ подробно разсказалъ свою службу при Аракчеевѣ, приводя при этомъ прелюбопытные эпизоды изъ своихъ отношеній къ всесильному патрону. Случилось разъ, что военнопоселенные крестьяне одной изъ волостей послали четырехъ выборныхъ въ Петербургъ—жаловаться государынѣ на Аракчеева. Хотя выборные и были арестованы послѣднимъ въ Петербургѣ, но отъ государя нельзя было скрыть намѣренія жалобщиковъ. „Аракчееву хотѣлось найти кого нибудь виноватымъ предъ государемъ", говоритъ М—съ и тутъ же добавляетъ, что такимъ виноватымъ явился онъ, М—съ.—„И такъ положено было, что я виноватъ. Давай меня ругать, опять ругать, завтра бранить, послѣзавтра стращать, что самъ собою, безъ воли государя, разжалуетъ въ солдаты"... Затѣмъ Аракчеевъ обращается къ М—су съ такою рѣчью: „знаешь ли ты,

[1]) Маякъ 1845 г., т. XXIII, кн. 46-я, смѣсь, стр. 83, откуда мы беремъ и другія свѣдѣнія для настоящаго очерка изъ статьи Васильева, основанной на подлинныхъ бумагахъ А. И. Мартоса.

что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть моею правою рукою, а ты хочешъ быть добрымъ человѣкомъ, хочешъ жить дружно съ офицерами, съ мужиками! Ты долженъ быть тамъ (въ волостныхъ поселеніяхъ) какъ собака на цѣпи! тогда будешъ настоящій мой адъютантъ". Такія отношенія, конечно, не могли привязать М—са къ его начальнику, и адъютантъ подалъ просьбу объ отставкѣ. „Ее (отставку) долго волочили, говоритъ М—съ, графъ бѣсился и прислалъ мнѣ сказать, что меня отставитъ безъ чина и мундира, ежели я буду настаивать о выходѣ прочь съ столь завиднаго поста". М—съ однако не смущался и „по опыту зная мерзкій, мстительный характеръ Аракчеева, настоятельно просилъ отставки по болѣзни". Въ январѣ (1818 г.) отставка была получена, и М—съ засѣлъ на свободѣ доканчивать записки о военной своей службѣ, которые началъ, повидимому, еще въ 1816 г.[1]), послѣ оставленія инженерной службы. Записки кончены были 1 августа 1818 г., а въ маѣ этого же года И. А. М—съ писалъ къ И. Р. М—су, изъ Петербурга: „не будучи долгое время въ Петербургѣ, я всегда былъ развлеченъ или службою или тѣми непріятностями, коими часто, очень часто, бросали на меня; но въ сіи промежутки мои чувства искренности... преслѣдовали васъ всегда, какъ собственная тѣнь ваша... Мнѣ остается просить у васъ тысячи извиненій, вы ихъ вѣрно простите (sic), а я даю вамъ слово честнаго человѣка впередъ быть исправнѣе и какъ можно чаще и болѣе писать вамъ.—Вы, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, теперь живете въ мѣстахъ благословенныхъ, въ счастливѣйшемъ климатѣ, вамъ должно наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ. Къ сожалѣнію, изъ вашего письма къ батюшкѣ я вижу противное, и потому, по нашимъ военнымъ законамъ, позвольте предписать вашему здоровью, дабы оно ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливалось оставлять васъ, въ противномъ случаѣ дѣлается ему и тому сыну ескулапа строжайшій выговоръ, кто васъ пользуетъ. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ гораздо по-

---

[1]) Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542.

лезнѣе не очень дружиться съ медициною; эта приманчивая наука, къ сожалѣнію, болѣе дѣйствуетъ на удачу; лекаря часто пробуютъ, видятъ больного, который расположенъ ихъ слушать, который охотно ввѣряетъ себя, тогда сыны хирурги, вооружившись доспѣхами фармасико-физіолого-паталого-медико-физико-чертовщиной, одѣвшись въ ризы важности, щупаютъ пульсъ, пишутъ рецептуру..... Я вижу, почтеннѣйшій И. Р., вы прочитали мои строки, сердитесь, называете меня легковѣрнымъ, даже пустомелею. Но наши предки, сыны свободной Малороссіи, наши Хмельницкіе, Скоропадскіе отъ чего доживали до глубокихъ лѣтъ, мастистой старости?—Спокойная жизнь, свобода, милая родина, прогулки верхомъ, пріятный столъ, за которымъ добрые друзья и старое вино придаютъ лучшій аппетитъ, потомъ въ садъ, смотришь наступилъ и вечеръ, солнце закатывается за горы, сама природа проситъ дѣтей своихъ посѣтить богатыя поля, нивы, роскошные луга.... Вотъ и время взять отдыхъ. Тутъ у меня и хорошая книга, она занимаетъ—и я счастливъ. Великой изъ малороссіянъ Мазепа умеръ въ глубокой старости! Я посѣтилъ его гробъ на Дунаѣ, въ городѣ Галацахъ [1])... Простите меня, почтеннѣйшій И. Р., я очень забылся, мое воображеніе совершенно отвлекло меня, что мнѣ хотѣлось писать, но дѣлать нечего—у всякаго свои страсти. Я знаю, что вы не охотникъ до новостей, а потому и умалчиваю, что дѣлается за предѣлами; въ Петербургѣ-же все довольно изрядно, особенно кто привыкъ видѣть только красивую наружность"...

Письмо это, юное по складу мыслей, интересно тѣмъ, что М—съ въ немъ упоминаетъ о Хмельницкомъ, Мазепѣ, Скоропадскомъ, которые повидимому его немало интересовали, и онъ о нихъ гдѣ-то и что-то читалъ. Въ это время М—съ занимался уже и писательствомъ: въ бумагахъ его найдено составленное въ

[1]) Въ своихъ Запискахъ М—съ упоминая о томъ, что Мазепа похороненъ въ Галацѣ (№ 7, стр. 345), приводитъ цѣлую тираду въ похвалу сему гетману, его покровительству кіевской академіи и проч. Приводимое выше письмо заключаетъ въ себѣ такую же тираду въ похвалу Мазепѣ, причемъ послѣдній сравнивается съ Вадимомъ, который, продолжаетъ М—съ, „и теперь живъ на грозныхъ башняхъ Новгорода"... Новѣйшія свѣдѣнія о могилѣ Мазепы въ Галацѣ—см. въ газетѣ *Южанинъ* 1891 г., № 263.

1818 г. „изложеніе событій со времени смерти Ивана Грознаго до царствованія Михаила Θедоровича включительно [1])“. А вслѣдъ затѣмъ, онъ занялся переводомъ Квинта Курція и напечаталъ его, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма А. И. М—са къ тому-же И. Р. Мартосу.—„Зачѣмъ я не имѣю дара безподобнаго Попе, божественнаго Данте, остраго, пріятнаго Вольтера? Зачѣмъ долженъ пресмыкаться предъ геніемъ Ломоносова и только что дивиться Кострову? Зачѣмъ я не они? или хоть миліонная бы доля ихъ? Тогда два слова и— вы бы простили меня, два слова и—улыбка ободренія вашего заставила бы меня отправить въ герольдію упреки совѣсти человѣка виноватаго и совершенно праваго. Ежели-бы вы, почтеннѣйшій И. Р., съ горъ кіевскихъ [2]) на минутку волшебствомъ переселились въ холодную столицу нашу и взглянули-бы на бѣдняка, изнемогающаго подъ ярмомъ болѣзней, бѣдняка физически отнятаго отъ свѣта, вы бы сказали, что я правъ противъ васъ, что ждалъ маленькаго облегченія правой руки, чтобъ накидать вамъ и поздно и нѣсколько несвязныхъ словъ, вы бы удостовѣрились въ той преданности вѣчной и никогда неизмѣняющейся, которую я къ вамъ чувствую, вы бы расхвалили меня и разбранили бы медиковъ петербургскихъ, коихъ здѣсь толпы, кои имѣютъ академію свою... и отправляютъ въ елисейскія поля. Я надѣюсь остаться въ семъ Лейбницовомъ свѣтѣ, столь искусно описанномъ въ Кандидѣ, и потомъ сдѣлаться порядочнымъ членомъ общества, по крайней мѣрѣ воспріявъ силу богатырскую, раззнакомлюсь съ посланникомъ боговъ мифологіи... Годъ моей отставки былъ самымъ полезнѣйшимъ моей жизни, не говорю пріятнѣйшимъ, ибо есть такія струны въ человѣческомъ сердцѣ, что ненарочно тронувшись за одну, въ секунду разстраиваешъ цѣлую гармонію. Я всегда долженъ былъ ждать того и никогда не прощу себѣ, что пріѣхалъ въ П.-Бургъ; теперь со вступленіемъ на новую мнѣ дорогу, которая мнѣ льститъ въ будущемъ, удаляюсь отъ предметовъ са-

[1]) Маякъ 1845 г., статья Васильева.

[2]) И. Р. М—съ жилъ въ это время въ Кіевѣ, въ лаврѣ.

мыхъ непріятныхъ и глупыхъ. Въ теченіи года отставки я всѣ дни посвятилъ себя изученію древнихъ авторовъ, всегда съ охотою и безъ скуки. Не удовольствуясь чтеніемъ, я перевелъ исторію Александра Великаго, Квинта Курція, которая уже печатается, съ портретомъ героя и географическою картою походовъ македонскихъ армій; половина перваго тома готова и идетъ очень исправно [1]). Не мое дѣло хвалить и автора, и переводчика; первый ставится величайшимъ писателемъ изъ древнихъ, или лучше сказать первѣйшимъ историкомъ; перо Кв. Курція не уступаетъ Титу Ливію, выше Тацита, Полибія, Діониса Галикарнасскаго, слѣдовательно исторія Карамзина, печатанная крупными литерами и мелкими примѣчаніями..... не годится и въ деньщики въ сравненіи Кв. Курція. О переводчикѣ и рта разинуть не смѣю, люди просвѣщенные будутъ моими судьями, всякую здравую критику пріиму съ отмѣнною благодарностью; съ педантовъ же и школьныхъ умовъ буду смѣяться, точно такъ, какъ съ толстыхъ, лѣнивыхъ кіевскихъ монаховъ . . .

. . . .

Дайте свободу мыслямъ людей, любите человѣчество, чтите церковь, это значитъ добродѣтель, и знайте, что религія есть дочь времени и что она всего должна ждать отъ отца своего.— За симъ маленькимъ отступленіемъ отъ проформы писать письма, я положу перо, дамъ отдыхъ больной рукѣ и слѣдую (sic) продолженію. Я васъ усердно благодарю за извѣщеніе о моемъ отрывкѣ—*о коммерціи народовъ*. Эта піеса написана въ три часа времени; она есть только предметъ или предметы, о чемъ можно писать томы. Но у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ расплодилось стихотворцевъ, журналистовъ и подобной сволочи, и люди молодые объявили войну терпѣнію и занятіямъ важнымъ и полезнымъ. Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте побесѣдовать съ вами о литературѣ, о состояніи ея у насъ и о критикѣ,

---

[1]) „Квинта Курція, Исторія объ Александрѣ Македонскомъ, съ дополненіями Фрейнсгеймiуса. Перев. А. Мартосъ. 2 ч. Спб. Т. Академіи Наукъ. 1819. 8 д. 15 р.“ Переводъ посвященъ гр. Н. П. Румянцеву, который благодаря М—са за „таковой подарокъ“, просилъ переводчика „короткимъ знакомствомъ сблизиться“. Ст. Васильева въ Маякѣ.

которую пріуготовилъ на *Исторію Суворова*, соч. Е. Б. Фукса и которую вамъ доставлю, только выйдетъ изъ печати"...

Какъ изъ „Записокъ", такъ и изъ писемъ личность А. И. М—са вырисовывается довольно опредѣленно: одаренный живымъ воображеніемъ и любознательностью, М—съ, какъ видно, много читалъ, былъ знакомъ съ философіей к. XVIII в., много мечталъ и—долженъ былъ заслужить у старшихъ названіе „горячей головы"... Не чувствуя силъ выносить гнётъ Аракчеева [1]), М—съ оставилъ службу и занялся писательствомъ по разнымъ отраслямъ знаній. Разсужденіе „о коммерціи народовъ" перемѣшивались у него съ Александромъ Македонскимъ, Суворовымъ... Накопецъ остановился онъ на исторіи Малороссіи, отъ молодыхъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ „милой родинѣ", къ Хмельницкимъ и Скоропадскимъ... Рѣшеніе писать исторію Малороссіи безъ всякой къ тому подготовки указываетъ, какъ М—съ легко увлекался мыслью о какой либо литературной работѣ и спѣшно старался послѣднюю привести въ исполненіе, не соразмѣряя своихъ силъ съ задуманнымъ трудомъ... Мы не знаемъ, когда именно М—съ началъ писать свою исторію Малороссіи [2]), но къ половинѣ 1822 г. уже были готовы три ея томы, заканчивавшіеся смертью Хмельницкаго, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма тридцатилѣтняго историка своей родины къ И. Р. Мартосу: „*Очень давно*, почтеннѣйшій И. Р., я занимаюсь исторіею нашего общаго отечества, и благодаря судьбѣ, три тома, заключающіеся смертью Богдана Хмельницкаго, уже давно въ здѣшней цензурѣ; ожидая разрѣшенія сей старушки, тотчасъ примусь печатать ихъ. По плану моей

---

[1]) Да и трудно было вообще служить у Аракчеева человѣку, который въ дневникѣ своемъ записывалъ (1817 г., 31 мая) такіе случаи изъ жизни: „Будучи въ военномъ судѣ, подписалъ сентенцію о смертной казни нѣкоторыхъ подсудимыхъ, *первый разъ* въ моей жизни. Дай Господи, чтобы это было и *послѣдній*. Законъ правды установилъ право отнимать жизнь у равныхъ себѣ; я правъ передъ своей совѣстью, ибо настоялъ смягчить наказаніе двухъ несчастныхъ, кои были менѣе виновны.—Да послужатъ сіи строки напоминаніемъ мнѣ и тѣмъ, кого люблю душею, объ обязанностяхъ честнаго человѣка"...

[2]) Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Васильевымъ, можно думать, что М—съ началъ писать свою исторію въ 1820 г. См. ниже.

исторіи, она составится изъ пяти томовъ, т. е. до уничтоженія гетманства; пятая часть со всѣми подробностями революціи Мазепиной, извлеченная изъ источниковъ вѣрныхъ, равномѣрно давно кончена, слѣдовательно только передѣлываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержитъ ходъ происшествій всѣхъ гетмановъ отъ Богдана, столь противоположно описанныхъ малороссіянами и хрониками польскими, но становится все занимательнѣе. Сіе зависитъ, ежели позволено выразить (sic), отъ *доброты матеріаловъ*. Я надѣюсь получить скоро сочиненіе нѣкотораго La Croix, бывшаго секретаремъ французской миссіи въ Царьградѣ въ 1660—80 годахъ, самое интересное, ибо касается до Георгія Хмельницкаго, содержащагося плѣнникомъ у султана и послѣ возведеннаго вторично въ санъ гетманскій. Авторъ описываетъ, какъ самовидецъ, разные любопытные случаи относительно сего человѣка, непохожаго на отца своего,—и кто лучше знаетъ людей, какъ не современники? Твореніе La Croix содержитъ въ себѣ восемь томовъ in octavo, печатано при жизни автора въ Парижѣ и столь рѣдко, что его нѣтъ даже въ императорской библіотекѣ [1]). Изъ такихъ матеріаловъ можно строить зданіе исторіи, которая любитъ истину и не терпитъ вымысловъ,—вотъ причина, что люди небольшіе волокутъ (sic) за Кліо!—Съ искреннею признательностью и нетерпѣливо ожидать буду вашего манускрипта, который безъ сомнѣнія принесетъ мнѣ немалую пользу. Я знаю о трудахъ г-на Бант.-Каменскаго и радуюсь, что онъ принялъ на себя распахать дикое поле дѣеписаній Украины. Больше оратаевъ, больше имъ славы! Можетъ быть, съ нимъ удостоимся получить вѣнцы, опредѣленные мудрымъ іонтчиномъ восьмыхъ степеней мандариновъ. Будучи спокоенъ на счетъ расположенія плана исторіи, я располагаю украсить ее портретами людей великихъ: изображеніе Богдана Хмельницкаго и Мазепы уже нарисованы и литографированы. Ежели вамъ угодно будетъ имѣть ихъ прежде книгъ, я поставлю пріятнѣйшею обя-

[1]) Говорится о книгѣ Лакруа—Guerres des Turcs avec Pologne, la Moscovie et la Hongrie, изданной въ 1689 г., (Paris и La Haye), по французски, въ 1705 г.—по англійски и въ 1775 г.—по нѣмецки.

занностью съ первою почтой ихъ доставить вамъ. Крайне трудно сіи вещи получать не на мѣстахъ, а въ отдаленной столицѣ, но зато они здѣсь отработываются отлично хорошо.—Сверхъ обѣщаннаго вами манускрипта, я имѣю самую напубѣдительнѣйшую просьбу, которая занимаетъ меня слишкомъ давно. Вы уже догадываетесь, что я говорю о Сковородѣ. Мы о немъ мало знаемъ или лучше совсѣмъ не знаемъ [1]). Пріятно слышать о образѣ жизни и о правилахъ сего малороссійскаго циника; и я скорблю, что не имѣлъ здѣсь случая достать какое либо повѣствованіе о семъ удивительномъ мужѣ. Позвольте просить вашихъ свѣдѣній о немъ; предметъ обильный, заслуживающій пера вашего, и я въ полной увѣренности, что ежели возмете на себя трудъ изложить о Сковородѣ что-либо, то сіе описаніе будетъ драгоцѣнный камень въ коронѣ царства исторіи украинской! Именемъ друзей просвѣщенія еще разъ прошу васъ не отказать въ сей необходимѣйшей просьбѣ. Предшественники автора Сковороды св. Дмитрій Туптало и Ѳеофанъ Прокоповичъ мною разобраны (гдѣ?) подробно; жаль упустить новѣйшаго [2])".

Въ этомъ письмѣ М—съ говоритъ, что онъ занимается исторіей Малороссіи *очень давно*. Есть указаніе, что М—съ началъ интересоваться исторіей Малороссіи съ молодыхъ лѣтъ; уже въ 1810 г., будучи въ Молдавіи, М—съ розыскивалъ у Сочавы мѣсто, гдѣ былъ убитъ Тимофей Хмельницкій, какъ видно изъ нижеприводимаго отрывка написанной М—сомъ исторіи Малороссіи; тогда же въ 1810 г., переходя Галацъ, М—съ посѣтилъ тотъ греческій монастырь, въ которомъ похороненъ Мазепа, съ цѣлью видѣть могилу послѣдняго. Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что уже въ молодости М—съ былъ знакомъ съ подробностями женитьбы и смерти старшаго сына Богдана Хмельницкаго и зналъ, гдѣ умеръ и похороненъ Мазепа. Очень можетъ быть, что по выходѣ въ отставку М—съ еще ближе по-

---

[1]) Въ это время въ русской печатной литературѣ о Сковородѣ имѣлась лишь одна статейка, напечат. въ Украин. Вѣстн. 1817 г, № 4, стр. 106—131.

[2]) Подлинныя письма А. И. М—са, изъ которыхъ приведены здѣсь отрывки, находятся въ нашей б—кѣ.

знакомился съ тогдашней печатной литературой по исторіи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что она была вовсе не велика. До 1822 г. въ печати имѣлись: 1) Краткая лѣтопись Малыя Россіи изд. Рубана, 1777 г., 2) статьи о Малороссіи въ Географич. словарѣ Россійск. госуд., Максимовича, 1788—89 г., 2) Отрывки изъ историч. сборника Миллера, въ Новыхъ Ежемѣсячн. Соч., 1792—95 г., 4) Лѣтопись о през. брани (Грабянки), въ Россійск. Магаз., 1793—94 г., 5) Исторія о Малой Россіи М. Антоновскаго, въ IV-й кн. Георги, 1799 г. и 6) въ Словарѣ Щекатова статья „Малороссія" (ч. IV, отд. I, стр. 22—172), 1805 г.—Изъ этого коротенькаго перечня видимъ, что какой либо систематической исторіи Малороссія въ это время не имѣла, хотя потребность въ такой исторіи уже существовала [1]). Потребность тогдашняго общества въ систематической исторіи Малороссіи видна и изъ того, что одновременно начали писать такую исторію два человѣка, принадлежавшіе къ совершенно различнымъ группамъ общества.—Лѣтомъ 1822 г. А. И. М—съ пишетъ своему родичу, что три тома его исторіи Малороссіи находятся уже въ цензурѣ, между тѣмъ какъ другая исторія Малороссіи, разрѣшенная цензурою уже въ февралѣ 1821 г., въ этотъ моментъ была уже и напечатана. Мы говоримъ объ „Исторіи Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго.

Не смотря на категорическое заявленіе М—са, что по полученіи изъ цензуры своей исторіи Малороссіи, онъ начнетъ ее печатать, исторія эта напечатана не была. Были напечатаны только двѣ главы изъ III-го ея тома, въ Сѣверн. Архивѣ 1822 г., (№ 13, стр. 1—18 и № 14, стр. 99—125) и 1823 г. (№ 6, стр 461—479), причемъ одна глава заключаетъ въ себѣ описаніе сраженія подъ Берестечкомъ, а другая—женитьбы и смерти Ти-

---

[1]) Эта потребность видна между прочимъ и изъ переписки тогдашнихъ любителей малорусской старины А. И. Чепы и В. Г. Полетики. Послѣдній пишетъ первому, въ 1809 г.: „Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся.. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего". Чепа отвѣчаетъ: „Ежели вы пріймите великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—исторію Малороссіи, то тѣмъ одолжите современниковъ".. Кіевск. Стар. 1892 г., № 1, стр. 52—53.

мофея Хмельницкаго. Знакомясь съ источниками, которыми М—съ пользовался для написанія этихъ двухъ главъ, мы видимъ у него ссылки на Пасторія (Bellum Scythico-Cosacicum, изд. 1652 г.), на Шевалье (Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, изд. 1663 г.), на „Польск. лѣтоп.“(?) и на „Малорос. лѣтоп.“, съ указаніемъ на стр. 244 и друг. Въ послѣдней лѣтописи называется „Исторія о през. брани“ (Грабянки), по печатному ея изданію Туманскаго, какъ это видно изъ приводимаго М—сомъ, при описаніи Берестечскаго сраженія, свидѣтельства Пуффендорфа, цѣликомъ взятаго изъ „Исторіи о през. брани“, (по изд. 1854 г., стр. 100).—М—съ, повидимому, не желалъ ограничиваться одними печатными источниками, я искалъ и рукописныхъ, на что указываетъ его переписка съ митрополитомъ Евгеніемъ; розыскивалъ М—съ и старопечатныя книги, въ которыхъ надѣялся найти свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ козацкой Малороссіи[1]). Но исканія М—са, какъ видно, были неуспѣшны, и ему приходилось удовлетворяться источниками болѣе или менѣе общеизвѣстными.

Написанная М—сомъ исторія не была напечатана вѣроятно вслѣдствіе появленія въ 1822 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда М—съ собирался приступить къ печати, уже готовой „Исторіи Малой Россіи“ Бант.-Каменскаго. Очень вѣроятно, что М—съ не рѣшился конкурировать съ книгою, написанной съ большимъ запасомъ архивныхъ свѣдѣній, которыхъ у него, кажется, не было вовсе, и притомъ такъ роскошно (для того времени) изданной[2])...

---

[1]) Маякъ, указ. книга, стр. 89. Здѣсь м. Евгеній пишетъ М—су: „Письмо ваше имѣлъ я честь получить и по оному во всѣхъ кіевскихъ библіотекахъ искалъ требуемыхъ вами книгъ (рукописныхъ?), но не могъ найти. Лаврская б-ка вся сгорѣла въ 1718 г., а академическая дважды горѣла, въ 1780 и 1811 гг. А потому почти ничего уже стараго (изъ рукописей?) въ нихъ не осталось. Вирши Кассіана Саковича на погребеніе гетм. Сагайдачнаго (изд. 1622 г.) видѣлъ я въ Спб. б-кѣ пок. канцлера гр. Румянцова. Они кратки и ничего не имѣютъ историческаго, кромѣ піитическихъ похвалъ за храбрость. А панегирика на погребеніе митроп. Коссова я нигдѣ не видѣлъ“.

[2]) На книгу Б.—Каменскаго была напечатана въ Сынѣ Отеч. 1823 г. (№ 3, стр 130—138) рецензія, которая по словамъ Н. Полеваго (Моск Телегр. 1830 г. № 17, стр. 79) принадлежитъ Мартосу (конечно, А. И.) Къ сожалѣнію, мы не могли добыть указанной книжки С. О—ва, чтобы познакомиться съ этой рецензіей.

Имѣя теперь въ рукахъ только двѣ главы изъ всей М—совой исторіи, трудно дать о ней болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе. Но сравнивая, напр., эпизодъ о трагической кончинѣ Тимофея Хмельницкаго по изложенію М—са[1]) съ разсказомъ о томъ же предметѣ Б.—Каменскаго, мы видимъ, что М—съ описываетъ это событіе и подробнѣе, и живѣе; видно, что писательскаго мастерства у М—са было гораздо болѣе, чѣмъ у автора „Исторіи Малой Россіи". Весьма вѣроятно, что написанная М—сомъ исторія Малороссіи болѣе полюбилась бы читателю двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, чѣмъ исторія Б.—Каменскаго, но въ научномъ отношеніи послѣдняя, конечно, должна была имѣть значительный перевѣсъ... Какъ мы видимъ изъ письма М—са, писаннаго въ 1822 г., его исторія состояла изъ пяти томовъ и заканчивалась уничтоженіемъ гетманства; первые три тома, въ которыхъ исторія доведена была до смерти Хмельницкаго, были совсѣмъ окончены и отданы въ цензуру; были кончены и послѣдніе два тома, но четвертый изъ нихъ передѣлывался... Была ли окончена эта передѣлка—неизвѣстно; вѣрнѣе, что нѣтъ, такъ какъ въ сентябрѣ 1822 г. М—съ получилъ мѣсто въ Сибири, куда вслѣдъ затѣмъ и уѣхалъ[2]). Въ Сибири М—съ пробылъ до конца 1826 г.; затѣмъ, въ началѣ 1827 г. получилъ мѣсто прокурора въ Новгородѣ, пробылъ тутъ до нач. 1832 г. и вышелъ въ отставку. Черезъ годъ (въ апрѣлѣ 1833 г.) М—съ поступилъ на службу въ комиссаріатъ, а съ 1837 г. до дня смерти, 13 августа 1842 г., занималъ мѣсто управляющаго Ставропольскою коммиссаріатскою коммиссіей.

Со времени возвращенія изъ Сибири и до конца своихъ дней М—съ безпрерывно занимался разными литературными работами. Въ 1827 г. онъ напечаталъ *Письма о восточной Сибири*, а въ 1841 г.—переводъ *Исторіи семилѣтней войны въ Германіи*,

---

[1]) Въ виду большой рѣдкости теперь Булгаринскаго Сѣверн. Архива, мы перепечатываемъ здѣсь, въ приложеніи, главу изъ исторіи М—са, въ которой описывается женитьба и смерть Т. Хмельницкаго.

[2]) Хотя Васильевъ и говоритъ что М—съ получилъ мѣсто въ Сибири въ сентябрѣ 1821 г., но думается, что этотъ годъ указывается имъ ошибочно, такъ какъ въ письмѣ своемъ къ И. Р. М—су, писанномъ *20 іюня 1822 г.*, изъ *Петербурга*, А. И. М—съ ни слова не говоритъ о полученіи мѣста въ Сибири.

соч. Архенгольца. Кромѣ того, по сообщенію Васильева, М—съ оставилъ послѣ себя нѣсколько литературныхъ работъ, изъ которыхъ часть (статьи по древней и русской исторіи) была напечатана послѣ его смерти, въ Маякѣ[1]). При перечисленіи этихъ работъ М—са, Васильевъ говоритъ: „Въ 1839 г. (М—съ) окончилъ *исторію Украйны*, надъ которою трудился слишкомъ девятнадцать лѣтъ[2])". Изъ дальнѣйшаго сообщенія Васильева слѣдуетъ видѣть, что М—съ представилъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія Уварову первые три тома своей исторіи (т. е. тѣ, которые были уже въ цензурѣ?) съ ходатайствомъ представить его трудъ вниманію государя Николая Павловича, причемъ вѣроятно имѣлъ въ виду получить средства на изданіе этого труда. Прежде представленія рукописи государю, Уваровъ поручилъ спеціалисту (конечно, Устрялову, къ которому онъ обыкновенно обращался въ такихъ случаяхъ)—дать заключеніе объ ученомъ значеніи сочиненія М—са. Заключеніе дано было въ пользу автора[3]), причемъ изъ этого заключенія видно, что

---

[1]) Перечисляя литературныя работы М—са, Васильевъ говоритъ: „кромѣ всѣхъ поименованныхъ сочиненій имѣются многія мелкія, разнаго рода содержанія статьи, кои *по обстоятельствамъ, независящимъ отъ владѣтелей этихъ рукописей, не могутъ быть напечатаны*". Изъ чтенія „Записокъ" М—са, напечатанныхъ въ Русск. Арх. 1893 г., можно догадываться, что „обстоятельства" здѣсь разумѣются цензурнаго свойства.

[2]) Значитъ, писать исторію Малороссіи М—съ началъ въ 1820 г.?

[3]) Заключеніе это, приведенное Васильевымъ, перепечатываемъ здѣсь, какъ единственное пока свидѣтельство о характерѣ *всей* исторіи Малороссіи Мартоса.

„Исторія Малороссіи г. Мартоса излагаетъ произшествія отъ начала сей страны до присоединенія ея къ Россіи. Авторъ хотѣлъ, повидимому, пополнить недостатокъ книги г. Бантышъ-Каменскаго, который свою исторію Малороссіи начинаетъ временами Хмельницкаго и оканчиваетъ 1803 годомъ. И дѣйствительно. соединивъ трудъ г. Мартоса съ сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго, мы можемъ имѣть уже довольно полную исторію Украйны. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣнная мною рукопись заслуживаетъ полное уваженіе. Внутреннее достоинство ея заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво, излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, не рѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріорическимъ убѣжденіямъ. Это немаловажное достоинство въ наше время, когда всякой спѣшитъ, такъ называемыми „высокими воззрѣніями", вѣкамъ и поколѣніямъ навязать такія виды и такой ходъ жизни, о какихъ эти вѣка и поколѣнія вовсе ничего не знали. У автора одна направительная идея, какъ и должно быть, не его собственная, а

М—съ представлялъ министру только три тома своей исторіи Малороссіи („до присоединенія ея къ Россіи"). Поэтому слѣдуетъ думать, что послѣдніе два тома этой исторіи не были окончены и послѣ сибирской службы ея автора...

О результатахъ представленія рукописи М—са государю Николаю I, въ статьѣ Васильева читаемъ: „Государь императоръ удостоилъ наградить сочинителя брильянтовымъ перстнемъ. Исторія эта, дополненная указаніемъ источниковъ (какъ то находилъ нужнымъ Устряловъ), не напечатана еще доселѣ. Изъ

идея жизни и судьбы малороссійскаго народа, т. е. что народъ сей и по происхожденію, и по духу, и по вѣрѣ своей всегда былъ частію великаго цѣлого—Россіи, и силой естественнаго влеченія, долженъ былъ не смотря на временное свое отделеніе отъ ней, опять войти въ историческую ея орбиту и составить съ ней одну душу и одну мощь.—Формы изложенія у г. Мартоса тоже просты: онъ слѣдуетъ естественному ходу событій, безъ всякого искуственнаго распредѣленія вещей. Можно было бы однакоже пожелать, чтобъ авторъ былъ нѣсколько кратче въ эпизодическихъ повѣствованіяхъ: иногда онъ слишкомъ много говоритъ о событіяхъ, выходящихъ изъ круга малороссійской исторіи и имѣющихъ къ ней весьма посредственныя отношенія. Такъ, напримѣръ, въ 1-й части онъ безъ нужды входитъ въ длинное описаніе временъ предшествовавшихъ козачеству въ нашихъ странахъ, тогда какъ о происхожденіи козаковъ онъ говоритъ мало и неудовлетворительно. Отъ того нѣкоторымъ частямъ его сочиненія не достаетъ стройности. Слогъ автора, хотя и не отличается художественной обработкой и мѣстами тяжелъ, однако ясенъ и что, по современному состоянію нашей литературы, составляетъ уже достоинство, не широковѣщателенъ, не напыщенъ и не пустозвученъ. Но вотъ важный и самый существенный ученый недостатокъ исторіи г. Мартоса: онъ вовсе не показываетъ источниковъ, откуда заимствовалъ факты; у него нѣтъ ни одной ссылки, ни одного указанія на матеріалы. Многіе предметы, имъ изложенные, конечно довольно общеизвѣстны тѣмъ, которые предварительно уже знакомы съ исторіей Украйны; но эта извѣстность не освобождаетъ историка отъ обязанности утверждать ихъ цитатами. Иначе читатель въ правѣ подумать, что онъ критику подчиняетъ преданіямъ, а не преданія критикѣ. Г. Мартосъ также не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень оригинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида. Изъ всего вышеписаннаго оказывается, что трудъ г. Мартоса не есть въ полномъ смыслѣ, художественное созданіе, не смотря на то, что, при недостаткѣ дѣльныхъ въ нашей литературѣ твореній, онъ занялъ бы у насъ, въ особенности какъ дополненіе къ исторіи г. Бантышъ-Каменскаго, весьма почетное мѣсто, если бы только авторъ соблюлъ одно изъ важнѣйшихъ условій историческаго творенія—показаніе источниковъ, чѣмъ такъ богатъ его предшественникъ г. Бантышъ-Каменскій".

содержанія и изложенія этой исторіи видно, что сочинителю (ея) стоило огромныхъ трудовъ собрать необходимые матеріалы, источники, которые въ настоящемъ исправленномъ состояніи указаны всѣ безъ исключенія и тѣмъ самымъ много говорятъ въ пользу сочинителя". Вотъ и все что мы знаемъ объ исторіи Малороссіи, написанной А. И. Мартосомъ. Гдѣ находится въ настоящее время ея рукопись—неизвѣстно. Судя потому что рукопись „Записокъ" М—са куплена была, однимъ собирателемъ, въ Ярославлѣ, *на базарѣ*, (Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542), можно думать что и рукопись М—совой исторіи Малоросеіи тоже гдѣ нибудь затерялась, если не погибла совсѣмъ...

Какъ видимъ, авторъ этой исторіи принадлежалъ къ числу тѣхъ прямыхъ, живыхъ и образованныхъ людей, которые своими идеями всегда полезно вліяютъ на современное имъ общество. Такихъ людей исторія не должна забывать. Не долженъ быть забытъ А. И. Мартосъ и какъ одинъ изъ изыскателей малорусской старины, потому что онъ прилежно и съ любовью изучалъ эту старину, чтобы затѣмъ знакомить съ нею своихъ современниковъ.

Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи, составляемой А. Мартосомъ. (Томъ III. Глава V. 1652—1653).

Разрывъ мира.—Засѣленіе слободскихъ полковъ.—Знаменитая битва при Батовѣ.—Сынъ гетмана вступаетъ въ бракъ съ дочерью молдавскаго господаря.—Смѣлый отвѣтъ Богдана Хмельницкаго депутатамъ польскимъ.—Кончина польскаго сенатора-воеводы Киселя.—Молодой Хмельницкій убитъ въ Молдавіи.—Богунъ разбиваетъ поляковъ.—Богданъ Хмельницкій въ окружностяхъ Жванца поражаетъ всю королевскую армію.—Свиданіе Хмельницкаго съ Іоанномъ-Казиміромъ и подтвержденіе Зборовскаго трактата.

Бѣлоцерковскій миръ по существа своему не могъ быть ни проченъ, ни продолжителенъ. Польскіе полки заняли сначала зимнія квартиры въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а послѣ въ Нѣжинѣ и по всѣмъ украинскимъ городамъ, въ стародубскомъ округѣ, отъ Сулы за Мглинъ до литовской границы. Народъ роопталъ на миръ и на Хмельницкаго, который, всегда дѣйствуя самымъ осторожнымъ образомъ, выжидалъ удобнаго времени къ отмщенію за причиненныя ему оскорбленія. Онъ позволилъ козакамъ и крестьянамъ селиться на лѣ-

вомъ берегу Днѣпра въ южныхъ предѣлахъ Россійскаго государства, на обширныхъ равнинахъ, принадлежавшихъ Россіи и оставшихся въ запустѣніи со времени перваго нашествія татаръ. Дворъ московскій, радуясь симъ новымъ выходцамъ, предоставилъ имъ во владѣніе тамошнія поля, гдѣ въ короткое время выстроились города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Изюмъ, Ахтырка, Острогожскъ и другіе, даже до рѣки Дона. Украинцы вмѣстѣ съ собою принесли туда и свои военныя постановленія, и такимъ образомъ положили основаніе селеніямъ славныхъ слободскихъ козаковъ: первый шагъ Хмельницкаго къ присоединенію Малороссіи къ Россійской державѣ.

Хмельницкій по окончаніи войны желалъ исполнить прежнее свое намѣреніе, женить своего сына Тимофея, на дочери молдавскаго господаря. Весною 1652 года онъ послалъ въ Яссы депутатовъ, чтобы съ угрозами напомнить сему князю объ его обѣщаніи. Но господарь, не располагая сдержать своего слова, убѣдительнѣйше просилъ короля польскаго воспрепятствовать требуемому Богданомъ бракосочетанію. Въ слѣдствіе того король выслалъ для подкрѣпленія господаря Молдавіи 10-ти тысячный польскій корпусъ, подъ начальствомъ напольнаго гетмана Калиновскаго, личнаго врага Хмельницкому.

Хмельницкій крайне огорчился столь оскорбительными дѣйствіями враговъ своихъ. Онъ писалъ къ гетману Калиновскому, жалуясь на сей поступокъ, тѣмъ болѣе для него странный, что невозможно было предвидѣть, почему республика опасается женитьбы его сына, выгодной единственно для его фамиліи, и заключалъ письмо тѣмъ, что ежели король и республика полагаютъ бракъ сей вреднымъ для нихъ, то должны отнестись прямо къ нему. Но всѣ представленія были тщетны. Калиновскій, не остановивъ движенія войскъ своихъ, избралъ позицію при урочищѣ Батогѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Брацлавля и столь славномъ въ послѣдствіи. Онъ повелѣлъ своему брату, расположившемуся съ войскомъ въ Нѣжинѣ и по другимъ заднѣпровскимъ городамъ, выступить въ поле и стараться ударить въ тылъ козакамъ. Сіи польскіе полки на походѣ дѣлали ужасныя насилія и грабительства жителямъ. Хмельницкій, раздраженный поступками Калиновскаго, вторично остерегъ его слѣдующимъ образомъ: «чтобъ гетманъ польскій не прогнѣвался, если польскому войску случится какая нибудь непріятность отъ веселаго свадебнаго общества». Предостереженіе сіе поляки сочли покорностью, и съ веселымъ духомъ ожидали приближенія украинцевъ. Къ брату Калиновскаго, стоявшему на Днѣпрѣ и позволившему своему войску

обижать козаковъ, послалъ Хмельницкій въ даръ коня, у коего обрѣзалъ и хвостъ и гриву, приказалъ изъ сихъ волосъ сплесть веревку и обвить оною коня.

Между тѣмъ Хмельницкій быстро подаваясь впередъ, скоро явился предъ непріятелемъ. Поляки, увидѣвъ козаковъ, изъявили удовольствіе и готовность сразиться съ ними и бросились впередъ на полъ мили, оставя обозы въ безпорядкѣ, и лагерь съ небольшимъ прикрытіемъ. Татары, составлявшіе передовую стражу Хмельницкаго, искусно отступая, успѣли заманить непріятеля еще далѣе. Хмельницкій воспользовался удачею своей хитрости; немедленно отрядивъ сильный корпусъ козаковъ на лагерь, повелѣлъ, не занимаясь пустою перепалкою, броситься съ пиками на лагерную стражу и зажечь польскіе обозы. Приказаніе сіе исполнено въ точности. Непріятель, сражавшійся съ татарами, вдругъ изумился, увидя позади себя козаковъ, а вскорѣ и весь лагерь въ пламени. Оставалось одно средство, броситься черезъ рѣку Собъ, впадающую въ Бугъ; но Хмельницкій въ семъ мѣстѣ ожидалъ поляковъ. Онъ зналъ всю важность сего пункта, и еще въ началѣ сраженія занялъ оный, отразивъ оттуда легкую непріятельскую пѣхоту. Здѣсь произошла жестокая сѣча; татары и козаки, состоявшіе изъ одной только конницы, сдѣлали въ виду главнаго своего предводителя нѣсколько блистательныхъ атакъ, смяли непріятеля, врѣзались въ его ряды и никому не давали пощады.

Напольный гетманъ Калиновскій, защищаясь мужественно и уже дважды раненый, убитъ; татаринъ отсѣкъ ему голову и въ пылу сраженія принесъ ее на пикѣ Богдану [1]). Изрублены: староста Красноставскій, вторый предводитель Орживолькій, Пріемскій, Маркъ Собѣсскій, Косаковскій, Рекъ, Молчанскій, Саконскій, Шенейхъ и множество другихъ знаменитыхъ дворянъ [2]); остальные загнаны въ болото и тамъ перебиты изъ карабиновъ. Едва 10 человѣкъ спаслось отъ мщенія разъяренныхъ враговъ. Балабанъ былъ освобожденъ Карасбеемъ, Грудзенскій и Сокольницкій обязаны жизнію великодушію внука Тогай-Бея; Кальницкій, Красинскій, Ручацкій и Корицкій почти чудеснымъ образомъ спаслись отъ смерти [3]). Юный Самуилъ, сынъ гетмана Калиновскаго, спасаясь бѣгствомъ отъ грозныхъ враговъ, упалъ съ моста въ селеніи Бубновкѣ и утонулъ. Въ Батов-

---

[1]) Pastorius, lib. XI, pag. 199 и 291.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

своемъ дѣлѣ татары успѣли захватить множество польскихъ дворянъ, кромѣ показанныхъ; но Хмельницкій приказалъ ихъ предать смерти. Здѣсь, по словамъ авторовъ, онъ желалъ отмстить за непомилованіе козаковъ въ несчастномъ сраженіи у Берестечка. За батовскою побѣдою послѣдовало умерщвленіе крестьянами всѣхъ польскихъ пановъ и старостъ, пріѣхавшихъ въ свои помѣстья на Украину. «Батовское пораженіе, пишетъ современный писатель Пасторій, будетъ вѣчнымъ пятномъ для польской республики и должно быть оплакиваемо всѣмъ королевствомъ»... Хмельницкій сопутствуемый татарами, подошелъ даже къ Каменцу, дабы съ сей стороны прикрыть границы и дать время своему сыну пройти въ Молдавію. Тогда татары разсыпались по Польшѣ и наполнили оную такимъ ужасомъ, что знатные вельможи даже въ Данцигѣ готовились искать своего спасенія. Слава Батовскаго сраженія разнеслась повсюду; она сдѣлала господаря молдавскаго гораздо снисходительнѣе. Молодой Хмельницкій съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ козаковъ вступилъ въ Молдавію, достигъ Яссъ и былъ отлично принятъ. Господарь отдалъ за него въ супружество дочь свою княжну Ирину, и бракъ праздновавъ великолѣпнѣйшимъ образомъ въ присутствіи бояръ и среди шумныхъ восклицаній народа.

Послѣ сего происшествія Хмельницкій написалъ королю польскому жалобу на гетмана Калиновскаго, притворясь, будто ему вовсе неизвѣстны происки, побудившіе короля начать военныя дѣйствія, и всѣ сіи происшествія относилъ на щетъ Калиновскаго, который съ полками хотѣлъ воспрепятствовать поѣздкѣ его сына въ Молдавію, «Богъ, (писалъ Хмельницкій къ королю), не возбраняетъ своимъ тварямъ ни воды, ни пищи; но Калиновскій хотѣлъ присвоить себѣ [illegible]ники лучшія, а моему сыну оставить негодныя. Сей поступокъ раздражилъ моего сына и его дружину». Письмо оканчивалось нѣкоторыми извиненіями въ происшедшемъ и покорною просьбою о прощеніи. Нѣсколько времени письмо оставалось безъ отвѣта, но гетманъ настаивалъ и получилъ отзывъ, что ему дано будетъ испрашиваемое прощеніе не иначе, какъ на условіяхъ отказаться отъ союза съ татарами и отдать своего сына Польшѣ аманатомъ.

При семъ требованіи Хмельницкій въ гнѣвѣ не владѣя собою, забылъ обыкновенную свою политику: положивъ руку на саблю, онъ сказалъ депутатамъ: «вотъ мнѣ защита отъ того, кто осмѣлится нарушить мое спокойствіе! Знаю и вижу теперь, что всѣ ваши замыслы клонятся къ моей пагубѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что дружбу та-

таръ я всегда предпочитаю вашей, и никогда сынъ мой не будетъ заложникомъ въ Польшѣ; онъ только что женился и вы своими происками ищете его гибели. Посовѣтуйте королю вѣрно соблюдать Зборовскій договоръ, утвержденный его клятвою и запечатлѣнный нашею кровію»! Симъ отвѣтомъ послы отпущены были изъ Чигрина.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ скончался сенаторъ-воевода Адамъ Кисель, родомъ изъ Брусилова, благороднѣйшій посредникъ въ дѣлахъ козаковъ съ польскимъ королевствомъ и республикой. Онъ происходитъ отъ древняго рода Святольда. Лѣтописи говорятъ, что *онъ былъ мужъ благочестивъ, вѣры русской великій поборникъ, въ словахъ сладокъ, Украинѣ пріятель.* Хмельницкій горестно оплакивалъ сію потерю. Чувствительный и благородный гетманъ, желая, чтобы и соотчичи раздѣляли съ нимъ сію истинную печаль, далъ знать повсемѣстно народу о смерти воеводы. Всѣ жители украинскихъ полковъ не менѣе гетмана проливали слезы, извѣстившись о кончинѣ Киселя и возглашали: *да будетъ ему вѣчная память!* похвала лестная отъ народа враждебнаго Польшѣ. Не долго еще дѣйствовали на сеймѣ примѣры добродѣтели покойнаго сенатора. Поляки примѣтно отставали отъ своей древней умѣренности, постоянства и строгости нравовъ. Одержанная при Берестечкѣ побѣда, вселила въ магнатахъ желаніе сдѣлать козаковъ своими рабами. Неизвѣстно, тщеславіе или любовь къ отечеству побуждали Киселя стараться во всякомъ случаѣ возстановлять доброе согласіе между козаками и республикою; но только поступки его были справедливы, а дѣйствія сейма всегда насильственны. Сей сенаторъ въ послѣднія минуты своей жизни увѣрялъ согражданъ, что намѣренія его были всегда непорочны и что никто еще въ польской республикѣ не былъ столько ей преданъ [1]). Непосредственно за сею драгоцѣнною утратою, новый ударъ поразилъ сердце правителя козаковъ. Онъ получилъ роковое извѣстіе о смерти своего старшаго сына, составлявшаго всю его надежду, и убитаго вскорѣ послѣ бракосочетанія, въ Яссахъ, въ замкѣ Сочавѣ, лежащемъ при подошвѣ горъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Молдавіи. Несчастный отецъ, столь уважаемый за предѣлами отечества, былъ нѣсколько дней неспособенъ ни къ составленію плана военныхъ дѣйствій, ни къ начальству надъ гражданами. Украйна безмолвствовала при видѣ отчаянной его горести. Основываясь на

---

[1]) Почтенный сенаторъ имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ, въ собственномъ домѣ на горѣ, названной отъ него Киселевкою.

лѣтописяхъ, скажемъ кратцѣ о смерти Тимоѳея. Послѣ совершенія брака его съ княжною молдавскою, сіе цвѣтущее государство начало наслаждаться столь нужнымъ для него спокойствіемъ, подъ сѣнію дружбы козаковъ и мужественнаго ихъ начальника. Сей блистательный союзъ предвѣщалъ миръ и тишину; но предположенія человѣческія рѣдко исполняются. Когда новобрачные отправились въ Чигиринъ къ своему родителю, новый непріятель явился предъ вратами Яссъ. То былъ неспокойный князь Рагоцій, который искалъ повсюду приключеній и страшился за свою Трансильванію. Онъ видѣлъ, что не можетъ расторгнуть столь опаснаго для его видовъ союза украинскаго гетмана съ господаремъ молдавскимъ, а потому рѣшился перемѣнить образъ правленія въ Молдавіи и дать ей новаго правителя. Рагоцій соединилъ свои полки съ недовольнымъ молдаваниномъ Радуломъ, имѣвшимъ сильную партію въ княжествѣ, и изгналъ господаря Василія изъ его столицы. При первомъ извѣстіи, Тимоѳей Хмельницкій съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семи тысячъ козаковъ, и съ полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ быстро явился подъ стѣнами Яссъ, изрубилъ венгерскія и мятежныя молдавскія войска и посадилъ своего тестя Василія на княженіе. Но сей успѣхъ былъ непродолжителенъ; отважный Рагоцій вскорѣ снова напалъ на него и послѣ упорнаго боя, принудилъ уступить ему поле сраженія и предать жребій Молдавіи. Тимоѳей сначала удалился въ горы, а оттуда въ крѣпкій замокъ Сочаву, рѣшившись ожидать въ немъ перемѣны обстоятельствъ, и далъ знать своему родителю объ опасности своего положенія. Между тѣмъ Рагоцій, присоединивъ къ себѣ нѣкоторые отряды поляковъ и людей, преданныхъ Радулу, облегъ со всѣхъ сторонъ Сочавскій замокъ. Всѣ его нападенія были отражаемы мужественно, пока смерть не прекратила дни юнаго героя. Въ одномъ жаркомъ сраженіи ядро оторвало ногу Тимоѳею, и сей несчастный случай способствовалъ успѣху князя Трансильванскаго. Тогда все пришло въ безпорядокъ; храбрость козаковъ ослабѣла отъ горести. Одни думали тотчасъ сдать городъ венгерцамъ, другіе намѣривались защищать оный до послѣдней капли крови. Въ семъ отчаянномъ положеніи теща Тимоѳея Хмельницкаго явила твердость превыше своего пола. Она увѣщевала осажденныхъ защищаться до послѣдней крайности, отражая силу силою. Козаки поклялись повелительницѣ—иноземкѣ, умереть людьми свободными, и снова начались страшныя битвы. Но, болѣе и болѣе отовсюду стѣсняемые и отрѣзываемые, неожидая помощи отъ гетмана, они вступили въ переговоры и получили честную капитуляцію, со-

хранивъ оружіе свое и знамена. Козаки увезли съ собою и тѣло убитаго полководца. Твердость защищавшихся привела въ недоумѣніе князя Рагоція: онъ съ ужасомъ взиралъ на грозные ряды отступавшихъ козаковъ, кои, изъ недовѣрчивости къ непріятелю, составили твердое прикрытіе вкругъ тѣла своего военачальника.

Совершивъ половину пути отъ Сочавскаго замка къ Днѣстру, козаки были атакованы превосходнымъ числомъ поляковъ, подъ начальствомъ пана Могильницкаго. Они составили надежное прикрытіе для защиты своихъ раненыхъ и гроба военачальника, и съ отчаянною рѣшимостію ударили на непріятеля, произвели ужасное кровопролитіе въ рядахъ поляковъ; заставили ихъ бѣжать въ горы и взяли въ плѣнъ самого начальника, котораго привели въ Чигиринъ къ своему гетману.—Путешественникъ не можетъ теперь указать съ точностью мѣста, гдѣ убитъ Тимоѳей Хмельницкій. Тамошніе жители даже не знаютъ о семъ происшествіи. Я посѣтилъ Сочаву, спустя полтора вѣка послѣ смерти сего юнаго воина, подававшаго о себѣ великую надежду. Но все перемѣнилось: думаю, что перемѣнились и мѣста, гдѣ сыны Украины оспаривали владѣніе надъ богатою Молдавіею, а послѣ сражались за свою свободу.

При такихъ обстоятельствахъ, Польское правительство, воспользовавшись волненіемъ нѣкоторыхъ городовъ Украины, недовольныхъ строгостію своего гетмана, выслало Чарнецкаго ослабить козаковъ. Генералъ республики не успѣлъ или не хотѣлъ, содержать воинства своего въ предѣлахъ послушанія и порядка. Воины его грабили, жгли, умерщвляли все, на пути встрѣчавшееся. Славный полковникъ Богунъ (тотъ самый, который былъ избранъ полководцемъ въ критическія минуты, по удаленіи гетмана въ кровавой битвѣ при Берестечкѣ), отправленъ Хмельницкимъ встрѣтить и удержать Поляковъ. Богунъ искусными движеніями вовлекъ непріятеля въ невыгодное для него мѣсто, нечаянно напалъ на него близъ Монастырищъ, на границахъ нынѣшней Кіевской губерніи, разбилъ его и овладѣлъ всѣмъ станомъ. Въ семъ упорномъ сраженіи Чарнецкій получилъ двѣ раны пулями, и Богунъ достойно воздалъ непріятелю за зло, причиненное украинцамъ.

Уже мирный договоръ былъ нарушенъ и съ обѣихъ сторонъ надлежало приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Іоаннъ Казимиръ вознамѣрился внести войну въ сердце Украины. Онъ принялъ предводительство надъ пятнадцатитысячною регулярною арміею и пошелъ къ Жванцу, мѣстечку, лежащему на лѣвомъ берегу Днѣстра,

разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Хотинской крѣпости. Въ семъ мѣстѣ находится переправа въ Молдавію. Полагали, что Хмельницкій пойдетъ въ ту страну мстить за смерть своего сына, убитаго въ Сочавѣ. Гетманъ, проникнувъ намѣреніе короля, нарочно распустилъ слухъ, будто не знаетъ о происшествіяхъ въ Сочавѣ, и идетъ избавить сіе мѣсто отъ осады князя Рагоція и Радула. Ему хотѣлось уловить короля въ мѣстахъ, разоренныхъ войною, которыя по своему положенію и по духу тамошнихъ жителей дѣлали успѣхъ козаковъ несомнѣннымъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Казиміръ самъ содѣйствовалъ исполненію предначертаній своего противника.

Едва Поляки заняли позицію при Жванцѣ, какъ Хмельницкій и татары явились въ виду передъ ними. Іоаннъ Казиміръ ждалъ отчаяннаго нападенія; онъ укрѣпилъ свой лагерь, поставилъ на оба крыла обозы, и лучшую пѣхоту помѣстилъ между рядами оныхъ. Но Хмельницкому нужно было выиграть время. Онъ руководствовался всегдашнимъ своимъ правиломъ, не презирать непріятеля, сколь бы онъ не былъ малочисленъ; усилилъ передовую свою стражу; часто дѣлалъ наступательныя движенія; грозилъ,—но не нападалъ. Послѣдствія оправдали его дѣйствія. За глубокою осенью наступила ранняя зима; выпалъ первый снѣгъ, и Хмельницкій съ ханомъ крѣпко облегли войско польское, прежде сего благоустроенное, а нынѣ утомленное ненастнымъ временемъ и мучительными работами. Въ польскомъ лагерѣ оказался голодъ. Хмельницкій, всегда осторожный, не хотѣлъ еще атаковать враговъ своихъ. Въ короткое время одиннадцать тысячъ человѣкъ изъ арміи короля сдѣлались добычею холодной смерти. Конница его также потеряла много въ безпрестанныхъ вылазкахъ, для отраженія козаковъ, нападавшихъ на обозы.

Іоаннъ Казиміръ находился въ крайней опасности. Онъ не страшился Богдана, великодушнаго своего непріятеля, (такъ онъ называлъ его); ханъ крымскихъ татаръ отравлялъ дни сего государя печалію. Король потребовалъ свиданія съ Хмельницкимъ и предложилъ перемиріе. Военныя дѣйствія прекратились. Хмельницкій почтительно представился королю и просилъ его величество о подтвержденіи Зборовскаго трактата'...

Король далъ клятву сохранить Зборовскій миръ, и два врага сдѣлались въ сію минуту искренними друзьями. Іоаннъ Казиміръ заплатилъ свой выкупъ хану и далъ въ заложники сенаторовъ: Лянскорунскаго и Осолинскаго, подкоморія сендомирскаго.

Такъ кончилось знаменитое дѣло при Жванцѣ. Іоаннъ Казимиръ покорился необходимости, и Зиновій Богданъ, *болѣе снисходя*, нежели примиряясь, уважая въ королѣ врага, доведеннаго *до крайности*, но почтеннаго и мужественнаго, безъ потери своихъ людей возвратилъ Украинѣ независимость и надежду на лучшую будущность.

Въ сіи двѣ кампаніи Хмельницкаго, военная наука сдѣлала новые успѣхи: удостовѣрились, что не надобно упускать случая, пользоваться хотя малымъ превосходствомъ, но должно неутомимо преслѣдовать непріятеля и не давать ему опомниться, раздѣлять силы и опять соединять оныя. Такъ дѣйствовалъ козачій военачальникъ при Батовѣ, при Монастырищѣ и у Жванца.

Искусный въ хитростяхъ малой войны, онъ хотѣлъ въ послѣднемъ сраженіи сдѣлать побѣду рѣшительною, и потому слѣдовалъ медленнымъ, правильнымъ разсчетамъ, зная, что всѣ ложныя военныя предположенія и планы падаютъ всегда на несчастное человѣчество. Геній Хмельницкаго и ошибка его непріятелей сдѣлали перевѣсъ въ неровной борьбѣ двухъ народовъ. Человѣкъ не съ такимъ геніемъ, какъ Хмельницкій, могъ бы запутаться въ подробностяхъ малой войны при составленіи плана кампаніи, раздѣлявшагося на множество отраслей, сообразно съ духомъ козаковъ и союзныхъ имъ татаръ; другой бы изнемогъ отъ столь многихъ препятствій и покорился превышающимъ силамъ. Хмельницкому представлено было восторжествовать надъ всѣми сими преградами. Въ послѣднемъ походѣ онъ явилъ себя великимъ полководцемъ и великимъ политикомъ— качества столь рѣдкія въ одномъ человѣкѣ.

Строгость и подчиненность въ его полкахъ, воинское воспитаніе юношества, родъ наказаній и награжденій, внушающее мужество, осуждали слабость духа и составили изъ козаковъ непобѣдимое войско. При Богданѣ Хмельницкомъ военное дѣло у козаковъ не почиталось уже промысломъ набѣговъ, но искусствомъ людей образованныхъ, и польское правительство, взирая на военныя и политическія учрежденія козаковъ, устрашилось оныхъ, и напрягло всѣ свои силы, чтобы составить новые союзы, новыя арміи, дабы подавить и уничтожить новорождающееся на границахъ Польши государство, которое въ самомъ младенчествѣ уже осмѣлилось бороться со всѣми силами республики, и надъ оными не одинъ разъ торжествовало.

---

25. Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году.

Въ лѣтописи Самовидца записано: «Свѣтл. кн. Александръ Меншиковъ въ 1719 г. былъ на Украинѣ и въ слободахъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*, до которого перѣсъ, въ Шептаки, за Десну, зимою, а потомъ въ Гадячъ, по Воскресеніи Господнемъ, ѣздилъ гетманъ Скоропадскій»... Въ другой лѣтописи значится подъ тѣмъ же годомъ: «Кн. Ал. Меншиковъ былъ на Украинѣ въ постъ великій, которого гетм. Скоропадскій съ старшиною встрѣчалъ въ Шептакахъ и тамъ пріймовалъ соленитеръ; оный же Меншиковъ *юстилъ въ Гадячемъ и на многіе его вымысловъ требованія* отвѣтствовалъ гетманъ письменно».... (Сборн. Лѣтоп., изд. Кіевск. Арх. Ком., стр. 54). Бант.-Каменскій (III, 134), указывая тотъ же 1719-й годъ, говоритъ: «*Страсть къ обогащенію привлекла кн. Меншикова въ Малороссію*. Для совѣщанія съ нимъ о драгунскихъ полкахъ, расположенныхъ около Стародуба, Скоропадскій ѣздилъ въ Шептаки и въ Гадячъ». Эти отрывочныя свѣдѣнія говорятъ, что Меншиковъ пріѣзжалъ въ Малороссію и прожилъ тутъ съ конца 1719 г. до полов. 1720 г., а м. б. и дольше; пріѣзжалъ онъ въ Малороссію, судя по этимъ замѣткамъ, будто бы для разговоровъ о расквартированіи драгунскихъ полковъ, хотя Б.-Каменскій вскользь и называетъ главный мотивъ пріѣзда.—Свѣдѣнія эти требуютъ поясненія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что Меншиковъ пріѣхалъ въ Малороссію въ к. 1719 г., потому что весною слѣдующаго года должно было быть начато, согласно царскому указу, «обмежеваніе» отданной Скоропадскимъ Меншикову Почепской волости—дьякомъ Лосевымъ. При этомъ Меншиковъ имѣлъ въ виду, при помощи своихъ прислужниковъ, въ родѣ Гудовича, примежевать къ Почепской волости—сотни Мглинскую и Бакланскую и часть Стародубской... (Опис. Стар. Малор., I, 279). Для исполненія этого намѣренія нужно было на Скоропадскаго оказать извѣстное давленіе, чтобы предупредить мѣстные протесты. Вотъ съ этою то цѣлью и пріѣхалъ въ к. 1719 г. въ Малороссію Меншиковъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*; пріѣхалъ онъ сначала въ Шептаки (около Н. Сѣверска), гдѣ былъ встрѣченъ «соллепѣтеръ» гетманомъ; за симъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ прожилъ до ѳоминой недѣли 1720 г., когда отправился въ Гадячъ для того, (какъ можно догадываться) чтобы отвлечь сюда гетмана съ старшиной на то время, когда Лосевъ будетъ «обмежовывать» По-

чевщину.... А въ какой обстановкѣ пріѣхалъ по этому случаю въ Малороссію Меншиковъ, объ этомъ говорятъ слѣдующія свѣдѣнія.

Когда Меншиковъ собрался переѣзжать изъ Нѣжина въ Гадячъ, то объ этомъ былъ извѣщенъ «господарь Гадяцкого замку», которымъ тогда былъ Михайло Турковскій (впослѣдствіи генер. писарь), для приготовленій. Въ чемъ заключались между прочимъ эти приготовленія, показываетъ слѣдующее письмо Турковскаго къ гетману.

«Ясневелможный премилостивѣйшій мой добродѣю. Прибывши недавно зъ Нѣжина отъ свѣтлѣйшого князя его мил. г. енерала фелтъ маршала и кавалера Александра Даниловича Меншикова г. примеръ маіоръ Володимерского полку Александеръ Тимофѣевичъ Ржевскій обявилъ мнѣ, же его княжая свѣтлость наступающій свѣтлого Христова воскресенья праздникъ въ Нѣжинѣ отправовати мѣетъ, отколь фоминой недѣлѣ намѣренъ прибити зо всѣмъ своимъ штапомъ въ Гадячъ, гдѣ по указу велможности вашой на штапъ при его свѣтлости будучій квартери определены суть, также провіанту и фуражу зъ потребу приуготовлено, а особне для квартированя его княжой свѣтлости дворъ его мил. пана судіи войскового енералного (Чарныша) належите есть очищенный. Зъ нимъ же г. примеръ маіоромъ отправленный передомъ въ Гедячъ, для вареня пива и полпива, двору его свѣтлости пивоваръ прекладалъ такъ пану полковникови (Милорадовичу), яко тежъ и мнѣ, же мѣетъ его свѣтлости указъ приуготовити тридцать варовъ пива и якъ належитъ въ лѣодовнихъ спратати, для чего поневажъ солоду приспособити належитъ, того ради по совѣту и согласію зъ паномъ полковникомъ расположилисмо по сотняхъ потребные солоды, хмѣль и бочки пивные собрати. Его жъ княжой свѣтлости указомъ прекладалъ мененный г. маіоръ, жебы всѣ улицы въ Гадячомъ нѣлежите были вымощени, на що приуготовленые для оправленя опалого города дубовые палѣ употреблены суть, зъ якихъ немалымъ числомъ людей войсковихъ, яко тежъ и посполитых мосты (замощеніе) по улицахъ дѣлаются. О семъ служебниче доносячи велможности вашой, премилостивѣйшого моего пана патрона и добродѣя найнизшій подножокъ Михайло Турковскій. Зъ замку Гадяцкого. 30 апрѣля, 1720 року».

При этомъ интересномъ письмѣ, показывающемъ, какъ могъ властно распоряжаться въ Малороссіи Меншиковъ, приложенъ слѣдующій за симъ поименный списокъ «штаба» и разнаго рода служителей, которые, въ количествѣ почти ста, сопровождали Меншикова, получая при этомъ «порціоны и раціоны».

Сообщаемые здѣсь документы, въ новѣйшихъ копіяхъ, принадлежатъ къ числу бумагъ М. О. Судьенка.

«Реестръ обрѣтающимся при генералу фелтъ-маршалу, кавалеру, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову штапу и другимъ служителямъ, а именно:

Флигель адьютанты. Федоръ Щербаковъ, Степанъ Несторовъ, поручикъ Федоръ Коржавинъ, прапорщики—Алексѣй и Семенъ Полчаниновы. *Докторъ.* Балтазаръ Виль. *Лѣкаръ.* Яганъ Шулцъ. *Секретари.* Яковъ Веселовскій. Яганъ Гардвикъ. *Нотаріусъ.* Федоръ Зеленой. *Регистраторъ.* Евдокимъ Ададуровъ. *Канцеляристы.* Даніилъ Евстафіевъ. Петръ Барановъ. Андрей Яковлевъ. Дмитрій Карповъ. Дмитрій Сипровъ. *Денщики.* Петръ Мизиринъ. Андрей Михайловъ. Терентій Давыдовъ. Андрей Звѣрковъ. Глѣбъ Веревкинъ. Михайло Лодыжинской. Ерофей Самсоновъ. Ларіонъ Выходцовъ. Евтихъ Подчерковъ. Василій Веселовъ. Марта 21 дня 1720 году. Адъютантъ Федоръ Щербаковъ.

Сіи вышеписаннія всѣ получаютъ подлугъ уставу царского величества указанніе порціони по своимъ рангамъ. А сверхъ сихъ офицерскихъ раціоновъ свѣтлѣйшого самого князя его милости прибуло дарованнихъ коней десять зъ лишкомъ, на которихъ указанія получаютъ раціони.

1720 году, марта 23. Роспись гофъ шквадрона капраломъ и рядовымъ драгунамъ, которіе при его свѣтлости обрѣтаются въ Нѣжинѣ.

Капрали. Іванъ Новогородовъ, Алексѣй Белковъ. *Драгуни.* Никифоръ Козловъ, Андрей Чумичевъ, Никифоръ Константиновъ, Прокофій Кнютинъ, Ефимъ Гриновъ, Ісай Ишинъ, Андрей Ишинъ, Прокофій Помогаевъ, Гаврило Романовъ, Семенъ Малонѣевъ, Володимеръ Гриловъ, Филимонъ Денюкинъ, Савелій Кириловъ, Павелъ Непашевъ, Мина Котищевъ, Василій Поповъ.

Сіи вишеписаннія сами порціони получають безъ раціоновъ.

Імена служителемъ дому его свѣтлости, которіи изобрѣтаются въ походѣ.

При его свѣтлости. Сава Василіевъ, Іванъ Набоковъ, Михайло Тарицынъ, Гаврило Лукинъ, Тихонъ Поляковъ, Иванъ да Евстратъ Копіевы. *При канцелярія.* Іванъ Соболевскій, Артемій Дубасовъ. *Сторожъ* Емеліанъ Івановъ. *Пѣвчіе.* Іванъ Бориславской, Данило Ежовскій, Астапъ Вороновскій, Григорій Коновецъ, Семенъ Дмитріевъ,

Яковъ Фоминъ, Петръ Фоминъ, Филипъ Івановъ. *При сребрѣ.* Михайло Ивинской, Дорофей Спрковской. *Пажи.* Давидъ Михайловъ, Іванъ Хвостовъ, Александръ Пробиштевской, Михаилъ Хомяковъ, Василій Дурной, Сергѣй Яковлевъ. *Бандуристъ* Кондиревскій. *Хлопци.* Крестьянъ, Яганъ, Гаврилъ. *Французъ* Морель, *танцмейстеръ* Петръ Калмикъ. *Гайдуки.* Василій Оглоблинъ, Трофимъ Малиновъ, Іванъ Восиковъ. *При казенной.* Іванъ Мазай, Федоръ Изволовъ. *Мушики* (мундшенки?) Петръ Струнинъ, Евтихій Подчартковъ. *Портніе.* Антонъ Кашиpreвъ, Фома Сапожниковъ, Михайло Тредінъ, Яковъ Гороховъ, Никифоръ Коптевъ, Федоръ Лобиревъ. *При конюшнѣ.* Федоръ Ушковъ, *каретникъ* Федотъ Пахомовъ, *шорникъ* Ефимъ Емельяновъ, Якубъ Турчаниновъ, Фотинъ Шивинкъ, Фридрихъ Гантъ, Юрій Боличъ, Семенъ Кривцовъ, Іванъ Хохолъ, Алексѣй Петровъ, Филимонъ Константиновъ, Ларіонъ Быковъ. *Повара. Кухмистръ* Яганъ Мрацишъ, Василій Облоушеновъ, Іванъ Прокофьевъ, Герасимъ Андреевъ, Кузма Борисовъ, Матвѣй Потакинъ, Ілія Федосьевъ, Никита Ісаевъ, Герасимъ Морозовъ, Тихонъ Ладожниковъ, Василій Конюшевъ. *Хлѣбники.* Макаръ Родіоновъ, Алексѣевъ Гуляевъ, Гаврило Садовниковъ. *Скатертники.* Денисъ Михайловъ, Никита Васильевъ, Юрій Карелъ, Емельянъ Юріевъ. *Рѣзникъ.* Войцехъ Жижленскій. *Пивовары.* Борисъ Садовниковъ, Обросимъ Семеновъ. *Конфектній майстеръ* Мотисъ Холмъ, при немъ изъ гребціовъ Иванъ Поповъ. *Гребци.* Тимофей Емельяновъ, Василій Тентяковъ, Гаврило Грицкой, Григорій Копищевъ, Алексѣй Цыганъ, Іванъ Круковъ, Иванъ Зубчаниновъ, Прокофій Оковъ, Осипъ Алексѣевичъ Балберъ, Карлъ Бекеръ. *Парукмахиръ.* Николай зъ учениками.

При г. полковнику Колтовскому два человѣка служителей. Всего 93 человѣка.

Марта 23 дня, 1720 году.

А еще сверхъ сихъ прибуваютъ часто и порціоновъ всѣ требуютъ. Сіи вышиписанніи безъ раціоновъ получаютъ».

---

26. Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ.

Къ свѣдѣніямъ, уже сообщеннымъ о кіевскомъ полковникѣ Танскомъ [1]), слѣдуетъ добавить, что посмерти Палѣя бѣлоцерковскіе полчане обратились къ кн. Дм. Голицыну съ слѣдующимъ ходатайствомъ о на-

[1]) См. выше, стр. 53.

значеніи на мѣсто умершаго—зятя его Танскаго.—«Мы, полковые особы, яко тежъ сотники и товариство полку бѣлоцерковского... просимъ донести до царского величества... ижъ мы осталися отъ своего полководцы, небожчика блаженной памяти Симеона Палѣя, который еще за живота своего казалъ, намъ, сотникамъ, атаманамъ и знатному товариству зъѣхатися до Хвастова, который то небожчикъ, видячи себе ближше къ смерти анежели живымъ быти, вручаетъ при всѣхъ насъ началныхъ клейноты осударевы: пѣрначъ и знаменіе царского величества, наданніе на полковництво сыну своему пану Антонію Танскому. Теди и мы ведлугъ желанія небожчика славной памяти Симеона Палѣя, полковника бывшого, всѣ еднимъ голосомъ призволяемся, жебы намъ панъ Танскій былъ за полковника бѣлоцерковского, которого мы добре свѣдоми, якъ у разумѣ его, такъ и рицерскомъ дѣлу, по указу его царского величества бодрость (бодро?) громлячи не разъ неприятелей на плацу марсовомъ, и жебы Михайло, бывшій за измѣнника Мазепы, полковникомъ не знайдовался въ нашемъ полку бѣлоцерковскомъ [1])»...

Назначенный кіевскимъ полковникомъ въ 1712 г., Танскій, не смотря на жалобы Скоропадскаго, писавшаго царю, что кіевскій полковникъ его не слушаетъ, пользовался однакожъ въ Петербургѣ такою репутаціей, что, когда А. И. Румянцевъ пріѣхалъ въ 1723 г. въ Малороссію на слѣдствіе по Полуботковому дѣлу, то хотѣлъ было «подчинить» генеральную канцелярію «въ вѣдомство» Танскаго, т. е. передать послѣднему власть наказнаго гетмана... Намѣреніе Румянцева не осуществилось только случайно, какъ видно изъ слѣдующаго его письма къ Танскому. «Благородный и почтенный господинъ полковникъ. Ваше благопріятное письмо чрезъ посланнаго отъ васъ есаула исправно получилъ, за которое благодарствую, токмо сердечно сожалѣю о вашемъ приключившемся несчастіи и о болѣзни вашей. Я напередъ сего до васъ писалъ, чтобъ сюди немедленно были не для чего иного, какъ токмо хотѣлъ подчинить въ вѣдомство ваше здѣшную генеральную войсковую канцелярію, о чемъ я и до его импер. величества писалъ, а нынѣ, какъ я увѣдомился о болѣзни вашей изъ письма, отъ того правленія васъ освобождаю, изволите ѣхать

[1]) Изъ бумагъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ б—ку кіевскаго университета. Прошеніе подписано полковою старшиною и сотниками, причемъ въ числѣ послѣднихъ значится и Карпъ Чеснокъ, сотникъ мотовиловскій и будущій, довольно извѣстный, полковникъ компанейскій.

въ домъ свой и имѣть отъ болѣзни своей пользу. За благопріятнѣйшій отъ васъ присланный ко мнѣ презентъ непремногу вашей милости благодарствую. Вашей милости зичливый слуга А. Румянцовъ. Февраля 17 дня 1724 г.[1])».

Наконецъ, говоря о женѣ Палѣя, мы упустили привести свидѣтельство о ней изъ записокъ старца Лукьянова, отрывки изъ которыхъ когда-то напечатали въ Черниг. листкѣ (1862 г.). Въ этихъ запискахъ Лукьяновъ разсказываетъ, какъ, возвращаясь изъ Іерусалима въ сообществѣ московскихъ купцовъ, остановились они на отдыхъ «въ Хвастовѣ, за городомъ, въ полѣ; а Палея въ тѣ поры дома не было... И Палеева жена прислала намъ въ таборы яловицу и калачей, и вина. И тутъ стояли мы весь день; а Палеева жена брала купцовъ къ себѣ обѣдать и зѣло угостила; и говорила—для чего де до насъ турокъ не довели (провожавшихъ Лукьянова и его товарищей до Паволочи, а отсюда вернувшихся отъ страха передъ «палеевщиною»),—я бы де 500 (козаковъ) дала имъ провожатыхъ также ихъ проводить (обратно) чрезъ лядскую землю»... Изъ этого разсказа видно, что «Федосья Палѣева» была такою же властною *полковницею* въ отсутствіе мужа, какою за полстолѣтія передъ тѣмъ была властною гетманшею Анна Хмельницкая (третья жена Богдана), выдававшая въ отсутствіе мужа универсалы...

---

[1]) Изъ дѣла Черниг. двор. архива о родѣ Танскихъ.